

Книга первая.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Любовная лирика русских поэтов.

Москва

«Художественная литература»

1988

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Составление *Л. Озерова*

Оформление художника *А. Озереской*

В сборник «Чудное мгновение» входят лирические стихотворения поэтов XVIII – XX веков.

В первую книгу включены подборки шедевров лирических откровений классиков национальной поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, И. Бунина и отдельные стихотворения менее известных поэтов, многие афористичные строки которых давно уже стали «крылатыми словами». Стихотворения дают достаточно полное представление не только о становлении и развитии этого жанра с точки зрения раскрытия тончайших знаков внутреннего мира лирического «я» поэта, но и отражают проникновение в интимную лирику гражданских мотивов, что позволяет говорить о неповторимом своеобразии нашей отечественной поэзии.

Ч 4702010100 — 29-88
028(01)-88

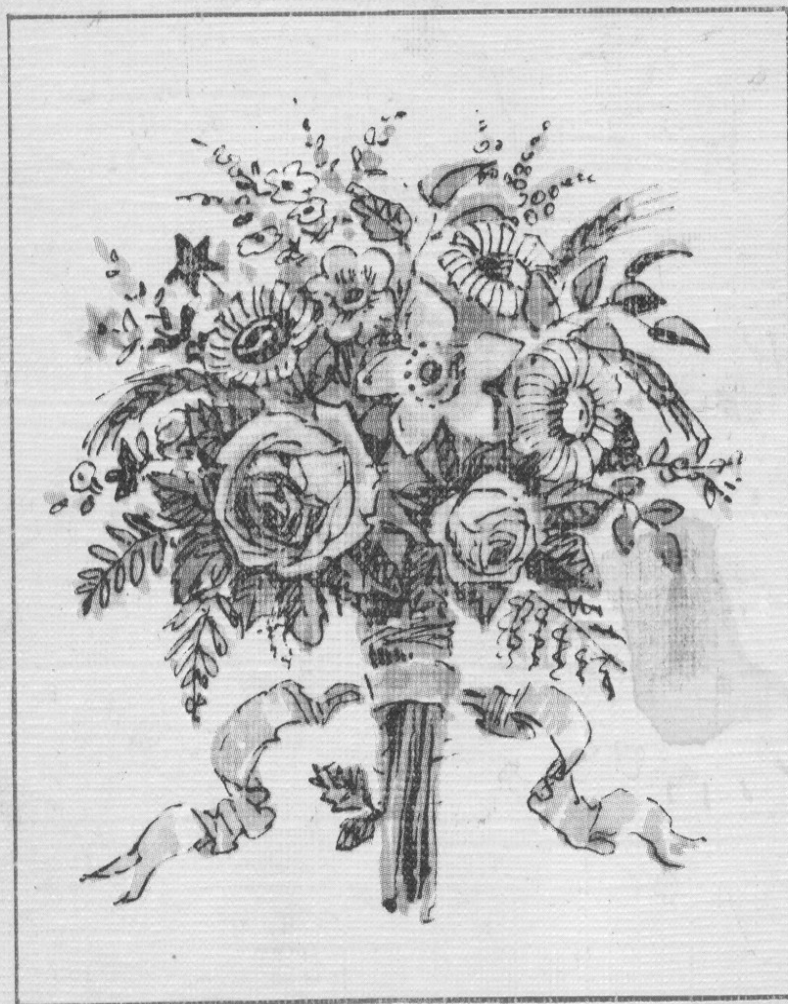
ISBN 5 – 280 – 00050 – 7

ISBN 5 – 280 – 00049 – 3

© Состав, оформление. Издательство
«Художественная литература», 1988 г.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНИЕ

Любовная лирика
русских поэтов

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ ТРЕДИАКОВСКИЙ

1703—1768

СТИХИ ИЗ РОМАНА «ЕЗДА В ОСТРОВ ЛЮБВИ»

Перестань противляться сугубому жару:
Две девы в твоём сердце вмястятся без свару, Ибо ежели без любви нельзя быть счастливу,
То кто залюбит больше,
Тот счастлив есть надолго. Люби Сильвию красну, Ирису учтиву,
И ещё мало двух, быть коли надо чиву.

Мощной богини любви сладость так есть многа,
Что на ста олтарях ей жертва есть убога. Ах! Коль есть сладко сердцу на то попуститься!
Одна любить не рада?
То другу искать надо, Дабы не престать когда в похоти любиться
И не позабыть того, что в любви чинится.

Не печалься, что будешь столько любви иметь:
Ибо можно с услугой к той и другой поспеть. Лъзя удовлетворить одну, так же и другую;
Часов во дни довольно,
От той с другой быть вольно. Удовольив первую, доволю и вторую,
А хотя и десяток, немного сказую!

(1730)

* * *

Не кажи больше моей днесь памяти слабкой,
Что невозможно в свете жить без любви сладкой,
Не кажи, мое сердце, надобно, чтоб Слава
Больше тысячи Филис возымела права.
Ступай и не противься куды ведет тая:
Сей любви не может быть лучше иная.
Ты выиграшь сей пременою:
Слава паче красна,
Нежели сто Аминт, Ирис, Сильвий, и всем ясна.

(1730)

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

1711—1765

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон,
«Кто так стучится смело?»
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал.
— Чего ты устранился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мня,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук,
В дожде, чать, повредился»,
И с словом стрёлил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал.
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал. —
Мой лук еще годится,
И цел, и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

(1747)

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СУМАРОКОВ

1717—1777

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна,
Всё любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи.
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно:
Мной бесчисленно целован
Всякий рук твоих и палец.

(1755)

* * *

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую лъзя сыскать.

(1755)

СОНЕТ

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что век прошел несчастью.

Любися в младости, доколе сердце страстно:
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покамест есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда когда уже завял ея листок:
И красота твоя, подобно ей, завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты нестара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

(1755)

ЭЛЕГИЯ

В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютой, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзенна грудь моя, и расточен весь ум.
О яростны часы! Жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайших разлуки,
Когда зла смерть... И я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стенья.
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

(1760)

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
 Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
 И ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
 Имей на мысли то к отраде ты себе,
 Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищался, не зная, что страх;
 Услышишь ты, что я не робок в поле был,
 Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
 Для всех своих красот ты выпей из него,
 И будь ко мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
 В подарок принесу я шиты башмаки,
 Манжеты, опухало, щегольски чулки.

(1770)

* * *

Если девушки метрессы,
Бросим мудрости умы;
Если девушки тигрессы,
Будем тигры так и мы.

Как любиться в жизни сладко,
Ревновать толико гадко,
Только крив ревнивых путь,
Их нетрудно обмануть.

У муринов в государстве
Жаркий обладает юг.
Жар любви во всяком царстве,
Любится земной весь круг.

(1781)

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ РЖЕВСКИЙ

1737—1804

ИДИЛЛИЯ

На берегах текущих рек
Пастушок мне тако рек:
«Не видал прелестнее твоего я стану,
 Глаз твоих, лица и век.
 Знай, доколь продлится век,
Верно я, мой свет, тебя, верь, любити стану».

Вздохи взор его мой зрел,
Разум был еще незрел,
Согласилась мысль моя с лестной мыслью с ток
 Я сказала: «Будешь мой,
 Ты лица в слезах не мой,
Только будь лишь верен мне, коль того я стою»

Страсть на лесть днесь променя,
И не мыслит про меня.
О, неверный! ныне стал пленен ты иною.
 Мне сказал: «Поди ты прочь,
 И себе другого прочь».
Как несносно стражду днесь, рвуся я и ною.

(1762)

ИПОЛИТ ФЕДОРОВИЧ БОГДАНОВИЧ

1744—1803

ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. 2

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток, —
Что дать? Не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2

Дала б ему я посох свой, —
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. 2

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? 2

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану,
Я в том не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
 Как быть, научит наконец. 2

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
 Пускай пастух придет сюда. 2

(1773)

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

1743—1816

ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобье тени,
В мечте иль легком сне,
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь,
И все мои ты мысли
Проникни и поверь, —
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.

Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленира на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно вслух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Милой половину
Займи души твоей».

(Середина 1794)

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребророзова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом.

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:
Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.
Как за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

(1798)

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тииский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами золотыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгоценными
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

(Весна 1799)

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;

Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

(1802)

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человеческий след.

Увы! я помощи себе между людьми
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится мне, кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувства жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальны
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

(1807 (?))

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

1749—1802

ПЕСНЯ

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
 Твой взгляд
Для сердца лютый яд,
Веселье исчезает,
Надежда погасает,
 Твой взгляд,
 Ах, лютый яд.

Несчастный, позабуди...
Ах, если только можно,
 Забуди,
Что ты когда-нибудь
Любил её неложно;
И сердцу коль возможно,
 Забуди
 Когда-нибудь.

Нет, я её люблю,
Любить вовеки буду;
 Люблю,
Терзанья все стерплю
[Её не позабуду]
И верен ей пребуду;
 Терплю,
 А все люблю.

Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
 Пройдет,
Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
 Придет
 Любви предмет.

Любви моей венец
Хоть будет лишь презренье,
 Венец
Сей жизни будь конец;
Скончаю я терпенье,
Прерву мое мученье;
 Конец
 Мой будь венец.

Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
 Я мнил,
В твоей душе я жил,
Любовью наслаждался,
Я ею величался
 И мнил,
 Что счастлив был.

Все было как во сне,
Мечта уж миновалась,
 Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любви притворяла
 Ко мне,
 Как бы во сне.

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
 Рукой
Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится.
Моей кровь претворится
 Рукой
 Тебе в яд злой.

(Первая половина 1770)

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
 Тополы белы.

Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню нощи дала порукой;
Север хладный дунул один раз крепче —
 Клятва исчезла.

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
 Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
 Быть без любви.

(1801)

ЕРМИЛ ИВАНОВИЧ КОСТРОВ

1755—1796

КЛЯТВА

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить,
Чем бы он меня ни льстил,
Что бы мне ни говорил.
Чуть окончить я успела,
Вдруг повеял ветерок.
Он унес с собой листок —
С ним и клятва улетела.

(1786)

ПЕСНЯ

Прости, любезный мой пастух,
Кем грудь моя всегда пылала,
Прости, оставлю здешний луг,
Где каждый день с тобой бывала,
Где восхищался страстью дух
И нежность с нежностью играла.

Уединясь на брег другой,
Я стану повторять всечасно,
Что я одним горю тобой;
Но стану повторять несчастно:
К тебе плачевный голос мой
Не дойдет... полетит напрасно.

Но ты не плачь, не плачь, мой свет.
Не долго буду в томной скуке,
Ты знаешь: смерть конец всех бед,
Конец страдания и муке —
И мне, мне жить надежды нет,
Коль буду я с тобой в разлуке.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЬВОВ

1751—1804

ИЗ АНАКРЕОНА

ОДА I

К ЛИРЕ

Я петь хочу Атридов,
Хочу о Кадме петь;
Но струны лиры только
Одну любовь звучат.
Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул,
Хотел на ней Иракла
Я подвиги воспеть;
Но лира возглашала
Единую любовь.
Простите впредь, ирои!
Коль лира уж моя
Одну любовь бряцает

ОДА XL

EROT

Купидон, не видя спящей
В розовом кусте пчелы,
В палец ею был ужален;
Вскрикнул, вспорхнул, побежал
Он к прекрасной Цитереи.
Плача и крича: «Пропал,
Матушка! пропал: до смерти
Ах! ужалила меня
С крылышками небольшая
И летучая змея,
Та, которую пчелою
Землепахари зовут».
Тут богиня отвечала:
«Если маленькой пчелы
Больно так терзает жало,
То суди ты сам теперь,
Сколько те должны терзаться,
Коих ты разишь, Ерот?»

ОДА LV

О ЛЮБОВНИКАХ

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

(1794)

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

1752—1829

ПЕСНЯ

Ах! тошно мне
На своей стороне;
 Все уныло,
 Все постыло:
Моей милыя нет!

Моей милыя нет;
Не глядел бы я на свет!
 Что, бывало,
 Утешало,
О том плачу теперь.

Во любимом леску
Я питаю тоску:
 Все листочки
 И кусточки
В нем о милой мне твердят.

Представляю себе,
Говорит будто мне;
 Забываюсь,
 Откликаюсь
Часто на голос свой.

Здесь милой нет!
Я пойду за ней вслед;
 Где б ни крылась,
 Ни таилась,
Сердце скажет мне путь.

Ах! грустно мне
На своей, стороне:
 Слезы льются,
 Не уймутся, —
В них отрада моя.

(1791)

* * *

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет! унести с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.
 За струей струя катится

По склоненью твоему;
Мысль за мыслью так стремится
Все к предмету одному.

Ноет сердце, занывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его — мой весь закон;
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем пылаю
Кем я мышлю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь —
Словом ласковым — хоть ложным,
Ад души моей умерь!

(1796)

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАПНИСТ

1758—1823

ВЗДОХ

С Миленой поздною порою,
Под тенью скромного леска,
Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась,
Душа на языке была,
Но, полна страстью, грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.
Увы! почто ж уста немели
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуметь хотели,
Не все ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе всё видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

(1799)

СИЛУЭТ

Твой образ в сердце врезан ясно,
На что ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любви страстной
Ты дружбой заменить велишь?
Но льзя ль веленью покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огонь в крови.

Возьми ж обратно дар напрасный, —
Ах! нет: оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной
Еще быть счастливым заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты,
Что, как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

(1806)

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

Кн. II, ода VIII

Когда б хоть раз ты казнь, Барина,
За ложны клятвы понесла:
Хоть тень на зуб, на лоб морщина,
На ноготь крапинка б взошла;

Поверил бы, но лишь ужасной

Главу измене обречешь,
Милее кажешься — и страстный
Влюбленный рой сильнее ждешь.

И праху матери, и ясным
В нахмуренной ночи звездам,
И, хладной смерти непричастным,
Тебе полезно лгать богам.

Смеётся мать любви; веселы
Смеются нимфы вокруг харит
И бог, что пламенные стрелы
Кровавым камнем острит.

Тебе повсюду юнош стая
И новые рабы растут,
И прежни, гнев их забывая,
Под кровь изменницы бегут.

Тебя все матери боятся
И стары скряги за детей;
И жены юные страшатся,
Чтоб блеск твой не взманил мужей.

(Вторая половина 1810-х)

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

Эпод XV

Ночь длилась, и луна золотая
Сияла меж подруг своих,
Когда, о Лида! прижимая
Меня в объятиях твоих
Сильней, чем плющ вокруг дуба вьется,
Ты клятву повторяла мне,
Ту клятву, что богам смеётся,
Живущим в звездной вышине.
Клялась ты: волк пока в долине
Ягненков будет устрашать
И Орион зыбей в пучине
Не перестанет воздвигать,
Пока зефир не позабудет
Лелеять Фебовых кудрей, —
Любовь твоя взаимно будет
Ответствовать любви моей.

Но бойся, мести чтоб достойной
Ты от меня не понесла:
Я не стерплю, чтоб ты спокойно
Все ночи с милым провела;
Другую полюблю сердечно,
Сказав изменнице «прости!»,
К тебе ж не возвращуся вечно,
Как ни жалею и ни грусти.
А ты, счастливцев обольщенный,

Утратой ныне горд моей!
Хотя сады распространены,
Хоть тысячу ты стад имей,
Хотя б обширнее Босфора
К тебе златый Пактол протек,
Хоть будь мудрее Пифагора,
Что в мире жил двукратный век;

Хотя б прекрасного Нирея
Твоей ты превзошел красой,
Но тож, о ясных днях жалея,
Их мрачной заменишь тоской;
Изменой станешь ты терзаться
И лежковерность клясть свою.
Тогда-то над тобой смеяться
Я буду в очередь мою.

(7 декабря 1819, Обуховка)

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Ах! пойду рассею скуку
По лесочкам, по лугам,
Тайную, сердечну муку
Эхам томным передам.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою;
Другу милому скажите,
Что по нем здесь слезы лью.

Пусть хотя чрез вас узнает
То, чего сказать нет сил:
Что по нем душа страдает,
Без него и свет немил.

Эхи! пристально внимайте:
Если милый мой вздохнет,
Вздох скорей мне передайте! —
Сердце лишь ответа ждет.

(1819)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ

1760—1837

* * *

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружок
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Все тоскует, все тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет её... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

(1792)

* * *

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды,
Веселясь бы не встречала
Полуночные звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой, злой моей судьбе
Я слила б из воска яра
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
«Добры люди! как мне быть?
Я неверного любила...
Научите не любить».

(1792)

НАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен
Лавры! вас я не ищу;
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
Будь герой вселенной страх, —
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой
Иль полынь на ней растет, —
Все равно, о друг мой милый!
В прахе чувства уж нет.

Прочь же, скука! Прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Может быть, в сию минуту,
Милый друг, всеильный рок
Посылает парку люту
Дней моих прервати ток.

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца!

(1792)

Что с тобою, ангел, стало?
Не слышать твоих речей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь как соловей.

«С милым пела, говорила,
А без милого грущу;
Поневоле приуныла:
Где я милого сыщу?»

Разве милого' другого
Не найдешь из пастушков?
Выбирай себе любого,
Всяк тебя любить готов.

«Хоть царевич мной прельстится,
Все я буду горевать!
Сердце с сердцем подружится —
Уж не властно выбирать».

(1796)

ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ ПЕЛЬСКИЙ

1765—1803

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

(Триолеты)

В любовь коль дружба обратится —
Прости, спокойство наших дней!
Тоскою жизнь вся отравится,
В любовь где дружба обратится.
Премены сей пусть всяк страшится!
Сердец союз опасен сей.
В любовь где дружба обратится,
Прости, спокойство наших дней!

Любовь коль в дружбу обратится,
Прости, утеха наших дней!
Унынье, томность тут родится,
Любовь где в дружбу обратится;
Веселье скукой заменится,
Страшится премены сей.
Любовь где в дружбу обратится,
Прости, утеха наших дней!

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

1766—1826

ПРОСТИ

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно плениться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен, —
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен, —
За что меня любить?

Простое сердце, чувство
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал — и, ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей...
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,
Желать конца — прости!

(1792)

(ПЕСНЯ ИЗ ПОВЕСТИ «ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ»)

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Люблю — любить ввек буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостные души,
Жестокие сердца!

Священная Природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;

Твои дары благие
Украсили её, —
Природа! ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!

Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.

О Борнгольм, милый Борнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!

Еще ли ты, о Лиля,
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?

Явился мне, явился,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.

(1793)

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МЕРЗЛЯКОВ

1778—1830

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко:
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка:
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много серебра, золота,
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей.
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми:
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими:
Поклон — да пара слов.

Одних и сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все друзья, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не выются вокруг малюточки,
Тихонечко резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

(1810)

ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ

1779—1840

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Мне говорят: «Она поет —
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтанье сладком сердце бьется;

И то, что мило на земли,
Когда поет она — милее,
И пламенной огонь любви,
И все прекрасное святее!»

А я, я слез не проливал,
Волшебным голосом плененный;
Я только помню, что видал
Певицы образ несравненный.

О, помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе её младом
Вилися кудри золотые!

И помню звук её речей,
Как помнят чувство дорогое;
Он слышится в душе моей,
В нем было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о пери молодой
Долины светлой Кашемира.

Звезда любви над ней горит,
И — стан обхвачен пеленою
Она, эфирная, летит,
Чуть озаренная луною;

Из лилий с розами венок
Небрежно волосы венчает,
И локоны её взвевает
Душистой ночи ветерок.

(1825)

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Фантазия

П. А. Плетневу

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Brenta протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимья волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы молодой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Нет её: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живёт одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Все спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно-шумною волной,

Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядую,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

(1825)

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

1783—1852

ПЕСНЯ

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалою твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим, дары благоденья
обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!
благостью моей любовь твоя была!

(1807)

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ — забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

(1808)

К НЕЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы о тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце — как тайну ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

(1810—1811)

ПЕСНЯ

О милый друг! теперь с тобою радость!
А я один — и мой печален путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;]
В душе не изменись; достойна счастья будь...
Но не отринь, в толпе пленяемых тобою,
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели — ему отрадой будь;
Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усадят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту не подвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь.
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны;
Туда моя душа уж все перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

(1811)

ЖАЛОБА

Романс

Над прозрачными водами
Сидя, рвал Услад венок;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток.
«Так бегут лета молодые
Невозвратною струей;
Так все радости земные —
Цвет увядший полевой.

Ах! безвременной тоскою
Умерщвлен мой милый цвет.
Все воскреснуло с весною;
Обновился божий свет;
Я смотрю — и холм веселый
И поля омрачены;
Для души осиротелой
Нет цветущия весны.

Что в природе, озаренной
Красотою майских дней?
Есть одна во всей вселенной —
К ней душа, и мысль об ней;
К ней стремлю, забывшись, руки
Милый призрак прочь летит.
Кто ж мои услышит муки,
Жажду сердца утолит?»

(1811)

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылося все; я в стороне свиданья;
И знаю здесь, сколь ваш прекрасен свет.

Друг, на земле великое не тщетно;
Будь тверд, а здесь тебе не изменят;
О милый, здесь не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одном;
Будь верен мне прекрасною душою;
Сверши один начатое вдвоем.

(1815)

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! Не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

(1816)

ВОСПОМИНАНИЕ

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

К вам часто мчит привычное желанье —
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье — об вас воспоминанье!
Но более несчастье — вас забыть!

О, будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам — о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увы! и позабыть!

(1816)

УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

«Скажи, что так задумчив ты?
Все весело вокруг;
В твоих глазах печали след;
Ты, верно, плакал, друг?»

«О чем грущу, то в сердце мне
Запало глубоко;
А слезы... слезы в сладость нам;
От них душе легко».

«К тебе ласкаются друзья,
Их ласки не дичись;
И что бы ни утратил ты,
Утратой поделись».

«Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! оно мое,
Хотя и не со мной».

«Не унывай же, ободрись;
Еще ты в цвете лет;
Ищи — найдешь; отважным, друг,
Несбыточного нет».

«Увы! напрасные слова!
Найдешь — сказать легко;
Мне до него, как до звезды
Небесной, далеко».

«На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысли в небеса».

«Ах! я люблюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

(1817)

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое Прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: живи надежде?
Скажу ль тому, что было: будь?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть один жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

(1818)

9 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете...

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звезды небес,
Тихая ночь!..

(1823)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГНЕДИЧ

1784—1833

ДУМА

Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот предвкусить не успел сладостной жизни *другой*:
Он, как туман, при рождении гибнущий, умер, не живши.

(1831)

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ДАВЫДОВ

1784—1839

(ЭЛЕГИЯ V)

Все тихо! и заря багряною чертой
По синеве небес безмолвно пробежала...
И мгла, что гор хребты и рощи покрыв
Волнуясь, стелется туманною рекой
По лугу пестрому и ниве молодой.
Блаженные часы! весь мир в отдохновенье!
Еще зефиры спят на дремлющих листьях,
Еще пернатые покоятся в кустах,
И все безмолвствует в моем уединенье...
Но боги! неужель вы с мира тишиной
И чувств души моей волненья умилили;
Неужто и во мне господствует покой!..
Уже, о счастье! не вижу пред собой
 Я призрак грозный — вечно милый,
Которого нигде мой взор не покидал...
 Нигде! Ни в шумной сечи боя,
Ни в бранных игрищах военного покоя!
О ты, которое я в помощь призывал,
Бесчувствие! о дар рассудка драгоценный,
 Ты, вняв мольбе моей смиренной,
Нисходишь наконец спасителем моим.
 Я погибал! тобой одним
Достигнул берега, и с мирных вершины
Смотрю бестрепетно, грозою невредим,
На шумные валы обширных пучины!
А ты, с кем некогда делился я душой
И кем душа моя в мученьях истощилась...
 Утешься, ты забыта мной!
Но отчего слезой ланита окропилась?
О слезы пламенны, теките! Я свои
Минуты радости от сих минут считаю
 И вас не о любви,
А от блаженства проливаю!

(1816)

(ЭЛЕГИЯ VIII)

О пощади! — Зачем волшебство ласк и слов,
 Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
 Зачем скользит небрежно покров
 С плеч белых и груди высокой?
О пощади! Я гибну без того,
 Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
 Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
 Бегут по вспыхнувшей крови,
 И разрывается дыханье!

С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!

(1818)

ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой, —
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

(1818)

* * *

1

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя обманом,
Я обомлел! — Так, случаем неожиданным,
Гуляющий на вале сорванец —
Встречается солдат-беглец
С своим суровым капитаном.

(1834)

2

Вошла, как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива, —
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

(1833)

В тебе, в тебе одной природа, не искусство,
 Ум обольстительный с душевной простотой,
 Веселость резвая с мечтательной душой,
 И в каждом слове мысль, и в каждом взоре

(1829)

* * *

Не пробуждай, не пробуждай
 Моих безумств и исступлений,
 И мимолетных сновидений
 Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
 Которой память — мука жизни,
 Как на чужбине песнь отчизны
 Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
 Меня забывшие напасти —
 Дай отдохнуть тревогам страсти
 И ран живых не раздражай!

Иль нет! Сорви покров долой...
 Мне легче горя своеволие,
 Чем ложное холоднокровье,
 Чем мой обманчивый покой!

(1834)

* * *

Я вас люблю так, как любить вас должно;
 Наперекор судьбы и сплетней городских,
 Наперекор, быть может, вас самих,
 Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
 Я вас люблю, — не оттого, что вы
 Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,

Уста роскошествуют и взор востоком пышет,
 Что вы — поэзия от ног до головы.

Я вас люблю без страха, опасенья
 Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
 Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
 Я вас люблю затем, что это — вы!

На право вас любить не прибегу к пашпорту
 Иссохших завистью жеманниц отставных:
 Давно с почтением я умоляю их
 Не заниматься мной и — убираться к черту!

(1834 (?))

* * *

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив! Я любим!
Приветливость даруется тобою
 Соперникам моим...
Но теплота души, но все, что так люблю я
 С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
 Не им, а мне!

(1835 (?))

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

1786—1880

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам
сладок и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густеют молодые ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем..
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

(1825)

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ

1787—1855

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: Парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

(1807 (?))

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет:
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти невидимкой
Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развеивать
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,

От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенной
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценной,
Это — я! Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крылами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о, блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Все опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

(1810)

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с Амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежной!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась — я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!

Гименей за все ручался,
И Амуры на часах.
Все в безмолвии глубоком,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном —
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

(1810)

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!

Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвoэ! и неги глас!

(1815)

МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

(1815)

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива —
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви холодными словами.

(1815)

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ

1792—1878

К МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЕ

Мне грустно, на тебя смотря,
Твоя не верится мне радость,
И розами твоя увенчанная младость
Есть дня холодного блестящая заря.

Нет прозаического счастья
Для поэтической души:
Поэзией любви дни наши хороши,
А ты чужда её святого сладострастья.

Нет, нет — он не любим тобой;
Нет, нет — любить его не можешь;
В стихии спорные одно движенье вложишь,
С фальшивым верный звук сольешь в согласный строй;

Насильством хитрого искусства
Стесненная, творит природа чудеса,
Но не позволят небеса,
Чтоб предрассудков власть уравнивала чувства.
Сердцам избранным дан язык
Непосвященному невнятный;
Кто в таинства его с рожденья не проник,
Тот не постигнет их награды благодатной.

Где в двух сердцах нет тайного сродства
Поверья общего, сочувствия, понятия,
Там холодны любви права,
Там холодны любви объятья!

Товарищи в земном плену житейских уз,
Друг другу чужды вы вне рокового круга:
Не промысл вас берег и прочил друг для друга,
Но света произвол вам наложил союз.

Я знаю, ты не лицемеришь;
Как свежая роса, душа твоя светла;
Но, суеверная, рассудку слепо веришь
И сердце на его поруку отдала.

Ты веришь, что, как честь, насильственным обетом
И сердце вольное нетрудно обложить,
И что ему под добровольным гнетом
Долг может счастье заменить!

О женщины, какой мудрец вас разгадает?
В вас две природы, в вас два спорят существа.
В вас часто любит голова
И часто сердце рассуждает.

Но силой ли души, иль слепотой почесть,
Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,
Надежды лучшие дерзаете принести
На жертвенник обязанности строгой?

Что к отреченью вас влечет? Какая власть
Вас счастья признаком дарит на плахе счастья?
Смиренья ль чистого возвышенная страсть,
Иль безмятежный сон холодного бесстрастья?

Вы совершенней ли иль хладнокровней нас?
Вы жизни выше ли иль, как в избранный камень
От Пигмальноновой любви, равно и в вас
Ударить должен чистый пламень?

Иль, в тяжбе с обществом и с силою в борьбе,
Страхась испытывать игру превратных долей,
Заране ищите убежища себе
В благоразумьи и неволе?

Умеренность — расчет, когда начнут от лет
Ум боле поверять, а сердце менее верить,
Необходимостью свои желанья мерить —
Нам и природы глас и опыта совет.

Но в возраст тот, когда печальных истин свиток
В мерцанья радужном еще сокрыт от нас,
Для сердца жадного и самый благ избыток
Есть недостаточный запас.

А ты, разбив сосуд волшебный
И с жизни оборвав поэзии цветы,
Чем сердце обольстишь, когда рукой враждебной
Сердечный мир разворожила ты?

Есть к счастью выдержка в долине зол и плача,
Но в свет заброшенный небесный сей залог
Не положительный известных благ итог,
Не алгеброй ума решенная задача.

Нет, вдохновением дается счастье нам,
Как искра творчества живой душе поэта,
Как розе свежий фимиам,
Как нега звучная певцу любви и лета.

И горе смертному, который в слепоте
Взысканьям общества сей вышний дар уступит,
Иль, робко жертвуя приличью и тщете,
Земные выгоды его ценою купит.

Мне грустно, на тебя смотря;
Твоя не верится мне радость,
И розами твоя увенчанная младость
Есть дня холодного блестящая заря.

С полудня светлого переселенец милый,
Цветок, предчувствие о лучшей стороне,
К растению севера привитый гневной силой,
Цветет нерадостно, тоскуя по весне.

Иль, жертва долгая минуты ослепленья,
Младая пери, дочь воздушных семьи,
Из чаши благ земных не почерпнет забвенья
Обетованных ей восторгов и любви.

Любуйся тишиной под небом безмятежным,
Но хлад рассудка, хлад до сердца не проник;
В нем пламень не потух; так под убором снежным
Кипит невидимо земных огней тайник.

В сердечном забытии, а не во сне спокойном,
Еще таишь в себе мятежных дум следы;
Еще тоскуешь ты о бурях, небе знойном,
Под коим зреют в нас душевные плоды.

Завидуя мученьям милым
И бурным радостям, неведомым тебе,
Хотела б жертвовать ты счастьем постылым
Страстей волненью и борьбе.

(1825)

ПРОСТОВОЛОСАЯ ГОЛОВКА

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз,
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

Все в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на неё,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет свое.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью, и, шутя,
Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным и богам.

У них во всем одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза её знакомы,
Того уж сглазили давно.

Её игрушка — сердцеловка,
Поймает сердце и швырнет;
Простоволосая головка
Всех поголовно поберет!

(Июль 1828)

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАТЕНИН

1792—1853

ЛЮБОВЬ

О чем, о чем в тени ветвей
Поешь ты ночью, соловей?
Что песнь твою к подруге милой
Живит огнем и полнит силой,
Колеблет грудь, волнует кровь?
Живущих всех душа: любовь.

Не сетуй, девица-краса!
Дождешься радостей часа.
Зачем в лице завяли розы?
Зачем из глаз лиются слезы?
К веселью душу приготовь;
Его дарит тебе: любовь.

Покуда дней златых весна,
Отрадой нам любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный час, час неги сладкой;
Пробьет... любите вновь и вновь;
Земного счастья верх: любовь.

(1827 (?))

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛОНОВ

1792—1821

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Элегия

Рассыпан осени рукою,
Лежал поблекший лист кустов;
Зимы предтеча, страх с тоскою
Умолкших прогонял певцов;
Места сии опустошенны
Страдалец юный проходил;
Их вид во дни его блаженны
Очам его приятен был.
«Твое, о роща, опустенье
Мне предвещает жребий мой,
И каждого листа в паденье
Я вижу смерть перед собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мне внятен глас:
«Долин отцветших созерцатель,
Ты здесь уже в последний раз!
Твоя весна скорей промчится,
Чем пожелтеет лист в полях
И с стебля сельный цвет свалится».
И гроб отверст в моих очах!
Осенни ветры восшумели
И дышат хладом средь полей,
Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
Вались, валися, лист мгновенный,
И скорбной матери моей
Мой завтра гроб уединенный
Сокрой от слезных ты очей!
Когда ж к нему, с тоской, с слезами
И с распущенными придет
Вокруг лилейных плеч власами
Моих подруга юных лет,
В безмолвье осени угрюмом,
Как станет помрачаться день,
Тогда буди ты легким шумом
Мою утешенную тень!»
Сказал — и в путь свой устремился,
Назад уже не приходил;
Последний с древа лист сронился,
Последний час его пробил.
Близ дуба юноши могила;
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерняя зарницы,

Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.

(1819)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ

1795—1829

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях её? в них негой упивался,
Роскошествовал и обмирал?..

Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный; он где-нибудь, он есть,
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! — Вами,
Нет, — не моей душе процветать.

(Декабрь 1823 — январь 1824)

ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВИЧ РАЕВСКИЙ

1795—1872

О милая, прости минутному стремленье:
Желаньем движимый причину благ познать,
Могу ли, слабый, я всеильному влеченью
Природы-матери в борьбе противустать?
И чувства покорить холодному сужденью?
Лауры пламенный певец,
Лаурой вдохновенный,
При (плесках) лавровый венец
В награду получил за свой талант смиренный!
Поэту юному, мне ль вслед ему парить?
Бессмертие удел феномену-поэту!
Я не могу, как он, быть изумленьем света,
Но пламенней его могу тебя любить!

(1810-е)

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ РЫЛЕЕВ

1795—1826

К N. N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу её присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Занятя нужны мне иные:
Отрада мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет, —
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

(1824 или 1825)

ИВАН ПЕТРОВИЧ МЯТЛЕВ

1796—1844

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая —
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они одели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг её вились и радость и любовь!

В её очах — веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, —
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.

(1834)

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕСТУЖЕВ

1797—1837

ОЖИВЛЕНИЕ

Чуть крылатая весна
 Радостью повеет,
Оживает старина,
 Сердце молодеет;
Присмирелые мечты
 Рвут долой оковы,
Словно юные цветы
 Рядятся в обновы,
И любви златые сны,
 Осенняя вежда,
Вновь и вновь озарены
 Радугой надежды.

(1829)

РАЗЛУКА

О дева, дева,
Звучит труба!
Румянцем гнева
Горит судьба!
Уж сердце к бою
Замкнула сталь,
Передо мною
Разлуки даль.
Но всюду, всюду,
Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли;
И вечно, вечно —
Клянусь, сулю! —
Моей сердечной
Не разлюблю.
Ни день истомы,
И страх, и месть,
Ни битвы громы,
Ни славы лесть,
Ни кубок пенный,
Ни шумный хор,
Ни девы пленной
Манящий взор...

(1829, Якутск)

ВИЛЬГЕЛЬМ КАРЛОВИЧ КЮХЕЛЬБЕКЕР

1797—1846

ПРОБУЖДЕНИЕ

Благодатное забвенье
Отлетело с томных вежд;
И в груди моей мученье
Всех разрушенных надежд.

Что несешь мне, день грядущий?
Отцвели мои цветы;
Слышу голос, вас зовущий,
Вас, души моей мечты!

И взвились они толпою
И уносят за собой
Юных дней моих с весною
Жизнь и радость и покой.

Но не ты ль, Любовь святая,
Мне хранителем дана!
Так лети ж, мечта золотая,
Увядай, моя весна!

(1820)

ЛЮБОВЬ

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встречаю вновь?
И даже в мраке заточенья
Ты обрела меня, любовь!

Увы! почто твои приветы?
К чему улыбка мне твоя?
Твоим светилом ли согреть
Воскресну вновь для жизни я?

Нет! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
От мраза лютого страданий
Хладееет ток моей крови.

Для узника ли взоров страстных
Восторг, и блеск, и темнота? —
Погаснет луч в парах ненастных:
Забудь страдальца, красота!

(1829)

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЦЫГАНОВ

1797—1831

— Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать.

Золотая волюшка
Мне милей всего —
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!

— Дитя мое, дитятко.
Дочка милая!
Головка победная,
Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать.

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость воспоминаючи,
На детей глядим.

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!

(1834)

АНТОН АНТОНОВИЧ ДЕЛЬВИГ

1798—1831

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю -
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я.
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

(1814)

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон.
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,

То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

(Между 1814—1817)

ФАНИ

(Горацианская ода)

Мне ль под оковами Гимена
Все видеть то же и одно?
Мое блаженство — перемена,
Я дев меняю, как вино.

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Чем с девой робкой и стыдливой
Случайно быть наедине,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить в её притворном сне —

Не слаще ли прелестной Фани
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном?

(Между 1814 и 1817)

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда в венке из роз
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
 На памяти моей,
Единой молодости знак,
 Вы, песни прошлых дней!
Я горько доли и леса
 И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
 Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастье мне,
 Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
 Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
 Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
 Не повторяйте ей!

(1821 или 1822)

СОНЕТ

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с неё моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.

Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Все нежилось. — Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?

Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?

Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

(1822)

РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В её он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть её остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

(1823)

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

(1823)

РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилося во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

(1823)

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страдания,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких снов не говорят.

Её один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальний,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

(1824)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей.
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночь пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкая очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночь на руке

Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

(1825)

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!

(1829)

* * *

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль холодным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

(1829 или 1830)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

1799—1837

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирили звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

(1816)

* * *

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

(1820)

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

(1823)

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать, — с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор, —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.
(1823)

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!., вспыхнули... пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатление,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

(1825)

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

(1825)

* * *

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

(1825)

* * *

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

(1825)

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

(1825)

ПРИЗНАНИЕ

К Александре Ивановне Осиповой

Я вас люблю — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

(1826)

Ты богоматерь, нет сомненья,
 Не та, которая красой
 Пленила только дух святой,
 Мила ты всем без исключенья;
 Не та, которая Христа
 Родила, не спросясь супруга.
 Есть бог другой земного круга —
 Ему послушна красота,
 Он бог Парни, Тибулла, Мура,
 Им мучусь, им утешен я.
 Он весь в тебя — ты мать Амура,
 Ты богородица моя.

(1826)

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
 С вами буду неразлучен.
 Томных уст и томных глаз
 Буду памятью размучен;
 Изнывая в тишине,
 Не хочу я быть утешен, —
 Вы ж вздохнете ль обо мне,
 Если буду я повешен?

(1827)

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
 Она, обмолвясь, заменила
 И все счастливые мечты
 В душе влюбленной возбудила.
 Пред ней задумчиво стою,
 Свести очей с неё нет силы;
 И говорю ей: *как вы милы!*
 И мыслю: *как тебя люблю!*

(1828)

ЕЁ ГЛАЗА

(В ответ на стихи князя Вяземского)

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Её черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

(1828)

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

(1828)

* * *

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Клянущим коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Клянущим речей любовный шепот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковверных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

(1830)

* * *

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнюю следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

(1829)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит — оттого,
 Что не любить оно не может.

(1829)

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
 Чуть-чуть, назло моих затей,
 Меня похвальная привычка
 Не увлекла среди степей
 Вслед за кибиткою твоей.
 Твои глаза, конечно, узки,
 И плосок нос, и лоб широк,
 Ты не лепечешь по-французски,
 Ты шелком не сжимаешь ног,
 По-английски пред самоваром
 Узором хлеба не крошишь,
 Не восхищаешься Сен-Маром,
 Слегка Шекспира не ценишь,
 Не погружаешься в мечтанье,
 Когда нет мысли в голове,
 Не распеваешь: *Ma dov'è*¹,
 Галоп не прыгаешь в собрание...
 Что нужды? — Ровно полчаса,
 Пока коней мне запрягали,
 Мне ум и сердце занимали
 Твой взор и дикая краса.
 Друзья! не все ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 В блестящей зале, в модной ложе
 Или в кибитке кочевой?

(1829)

¹ Но где (иг).

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга хчилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

(1829)

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

(1829)

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

(1830)

МАДОННА

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

(1830)

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

(1830)

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут меняясь наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

(1830)

* * *

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

(1830)

КРАСАВИЦА
(В альбом Г****)

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В её сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

(1832)

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять её на радость и на счастье
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги
Все — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

(1832)

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

(1835)

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонялся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

(1827—1836)

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ

1800—1844

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

(1820)

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней
Уж я не верю увереньям.
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

(1821)

ПОЦЕЛУЙ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой.
Мне снишься ты, мне снится наслаждение!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

(1822)

ДОГАДКА

Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!
В ней говорит
И жар ланит,
И вздох случайный.,
О! я знаком
С сим языком
Любви тайной!
В душе твоей
Уж нет покоя;
Давным-давно я
Читаю в ней:
Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!

(1822)

РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя,
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелён; нет, нет, я не дитя.
Прости, я сам теперь знаком со светом.

Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

(1823)

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя,
Судьбины полную победу надо мной:
Кто знает? мнением сольюсь я с толпой;
Подругу без любви, кто знает? изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим сном,
И назову её моею,
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

(1823)

ОПРАВДАНИЕ

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовью пылал?
Нет, милая! когда в уединеньи
Себя потом я тихо проверял,
Их находя в моем воображеньи,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости молодой,
Из-за угла Пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты все еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

(1824)

ЛЮБОВЬ

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный,
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости,
Тебе открыл бы душу вновь.

(1824)

ОЖИДАНИЕ

Она придет! к её устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье!
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

(1825)

ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К её ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

(1826)

УВЕРЕНИЕ

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.

Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

(1828 ?)

* * *

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,—
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

(1844)

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ТУМАНСКИЙ

1800—1860

НА КОНЧИНУ Р(ИЗНИЧ)

Сонет

Посвящ(ается) А. С. Пушкину

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слез,
Горела страсть, блистало небо Юга.

К твоим стопам с горячностью друга
Склонялся мир — твои оковы нес,
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,

Уж новый огонь волнует души их,
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья!

(Июль 1825, Одесса)

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ОДОЕВСКИЙ

1802—1839

Звучит вся жизнь, как звонкий смех,
От жара чувств душа не вянет...
Люблю я всех и пью за всех!
Вина, ей-богу, неостанет!

Я меньше пью, зато к вину
Воды вовек не примешаю...
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

(1828, Чита)

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды.
И сквозь неё небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

(25 декабря 1829, Чита)

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

1803—1873

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

(Не позднее апреля 1836)

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

(Не позднее апреля 1836)

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

(1848)

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Её волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь её она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В её душевной глубине
Ей оставались воспоминаья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

(Первая половина 1851)

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

(1851 или начало 1852)

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я
Но эта жизнь!... О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

(1851 или начало 1852)

* * *

Я очи знал,— о, эти очи!
Как я любил их,— знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц её густой,
Как наслаждение, утомленный
И, как страдание, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

(Не позднее начала 1852)

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пушай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеёт нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

(Между 1852 и началом 1854)

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пушай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

(1855)

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,-
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

(Не позднее апреля 1858)

* * *

Весь день она лежала в забытии,
И всю её уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

.

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!., и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

(Октябрь — декабрь 1864)

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет лёгкой тенью,
А под землёй, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страдания
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял её, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,—

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

(Конец) марта 1865)

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

(15 июля 1865)

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Все темней, темнее над землею —

Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,

Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

(3 августа 1865)

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем,

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

(23 ноября 1865)

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает он.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты.
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

(Март 1869)

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,-
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

(26 июля 1870)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯЗЫКОВ

1803—1847

К А. Н. Вульфу

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах её денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны молодые розы
Её застенчивых ланит.
Её жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,—
Чего ж они не заменяют?

(Начало ноября 1825)

ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя,— она придет!

(Ноябрь или начало декабря 1825)

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

(2 мая 1826)

ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует М(арья) П(етровна),
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снега полей —
Ланиты её молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Её восхитительны очи
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет её девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

(23 марта 1829)

А. И.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живой и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих послушаться речей,
Упитья песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

(1829)

ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

(1830)

ПЕРСТЕНЬ

Татьяне Дмитриевне

Да! как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной;
В тот час (забудь меня камена,
Когда его забуду я!),
Как на твои склоняюсь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня;
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно люблюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя,—
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

(26 марта 1831)

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ОЗНОБИШИН

1804—1877

МИГ ВОСТОРГА

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердце упоеньи
Внезапно взор встречаю твой,
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой,
Когда в восторге обнимаешь...
Тогда язык немеет мой.
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной,
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и парки роковой.

(1822)

К N.

Страдалец произвольной муки,
Неводишь ты с неё очей,
Как Тантал, жадно ловишь звуки
Её младенческих речей.
Но тщетны все твои терзанья:
Язык любви ей незнаком,
Ей не понятны ни страданья,
Ни бледность на лице твоём.
Когда в волненьи страсти буйной
Ты с жаром руку жмешь у ней.
Её пугает взгляд безумный,
Внезапный блеск твоих очей.
Холодная к твоей печали,
Её душа тиха, ясна,
Как волн в недвижимом кристалле
С небес глядящая луна.

(13 августа 1826, Москва)

К N. N.

Зачем на краткое мгновенье
В сей жизни нас судьба свела,
Когда иное назначенье,
Нам розный путь она дала?

Твой робкий взгляд, живые речи -
Все, все я, милый друг, понял.
Я запылал от первой встречи
И тайны сердца разгадал.

В другой стране — вдали я буду,
Меня легко забудешь ты!
Но я — я сохраню повсюду
Твои небесные черты.

Так грубый мрамор сохраняет
Черты волшебного резца,
И вдохновенная сияет
В нем мысль художника-творца.

(30 ноября 1827, Москва)

ВОСПОМИНАНИЕ

Нева, свод лип, беседка, розы,
Луна, поющий соловей,
Моленья робкие и слезы,
И бледность в памяти моей...

Другие дни, мечты другие!
Но часто думаю о ней,
Про очи темно-голубые,
Как небо северных ночей.

Теперь, быть может, в думе сладкой
Вздыхает милая в тиши,
Быть может, слезы льет украдкой
При светлой памяти души?

Иль слезы время осушило,
Иль клятв минувших след погиб?
И сердце женское забыло
Неву, беседку, своды лип?

(1830)

ЧУДНАЯ БАНДУРА

Гуляет по Дону казак молодой;
Льет слезы девица над быстрой рекой.

«О чем ты льешь слезы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?»

О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»

«Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!»

«Родной ли, отца ли, сестер тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»

«С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!

Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.

Когда я ребенком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла.

И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: утонешь в день свадебный свой!»

«Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу верст;

Поедешь к венцу ты — я конников дам:
Вперед будет двадцать и сто по бокам».

Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;

Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон её принял в клубящийся вал...

«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»

Лад первый он тихо и робко берет...
Хочет русалка сквозь пенистых вод.

Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слезы русалки из глаз,

И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.

Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».

(Апрель 1835)

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПОЛЕЖАЕВ

1804—1838

ЦЫГАНКА

Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красотою
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом,
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..
Вьются локоны небрежно
По нагим её плечам,
Искры наглости мятежно
Разбежались по очам, —
И, страшной ударов сечи,
Как гремучая река,
Льются сладостные речи
У бесстыдной с языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!
Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!
Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, — и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...

(1833)

ПРИЗВАНИЕ

В душе горит огонь любви,
 Я жажду наслажденья, —
О милый мой, лови, лови
 Минуту заблужденья!
Явись ко мне — явись, как дух,
 Нежданный, беспощадный,
Пока томится, ноет дух
 В надежде безотрадной,
Пока играет на челе
 Румянец прихотливый,
И вижу я в туманной мгле
 Звезду любви счастливой!
Я жду тебя — я вся твоя,
 Покрой меня лобзаньем,
И полно жить, — и тихо я
 Сольюсь с твоим дыханьем!
В душе горит огонь любви,
 Я жажду наслажденья, —
О милый мой, лови, лови
 Минуту заблужденья!

(1833)

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВЕНЕВИТИНОВ

1805—1827

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечной
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной.
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье, —
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тебя в прощаньи не забуду:
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя откроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.

(1826 или 1827)

ЭЛЕГИЯ

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упиалась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась,
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась.
И новый огонь в душе моей зажгла.
Но этот огонь томительный, мятежной,
Он не горит любовью тихой, нежной, —
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит.
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

(1826 или 1827)

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ПОДОЛИНСКИЙ

1806—1886

ПОРТРЕТ

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!
Коса и кудри темно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетание
В живом огне её очей,
И тихий звук её речей
Рождает негу и желанья
В груди тоскующей моей.

(1828)

СОНЕТ

Не потому томительным виденьем
Во снах твоих блуждает образ мой,
Что, может быть, с тоскою и волненьем
Ты обо мне подумаешь порой,

Но оттого, что часто с напряженьем,
В ночи без сна, к тебе стремлюсь мечтой,
И увлечен я весь воображеньем,
И с сном твоим сливаюсь душой.

Прости меня! Невольной, неизбежной.
Я предаюсь мечте моей вполне,
Я бы хотел, чтоб призрак мой мятежный

Не говорил о милой старине, —
Но ты простишь: не ты ль сама так нежно
Об этих снах рассказывала мне!..

(1831)

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ БЕНЕДИКТОВ

1807—1873

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

«Люблю тебя» произнести не смея,
«Люблю тебя!» — я взорами сказал;
Но страстный взор вдруг опустился, млея,
Когда твой взор суровый повстречал.
«Люблю тебя!» — я вымолвил, робея,
Но твой ответ язык мой оковал;
Язык мой смолк, и взор огня не мечет,
А сердце всё «люблю тебя» лепечет.

И звонкое сердечное биенье
Ты слышишь — так, оно к тебе дошло;
Но уж твое сердитое веленье
Остановить его не могло...
Люблю тебя! И в месть за отверженье,
Когда-нибудь, безжалостной назло,
Когда и грудь любовью отдышит,
Мое перо «люблю тебя!» напишет.

(1835)

КУДРИ

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадимы;
Только роза — цвет любви,
Роза — нежности эмблема —
Красит роскошью эдема
Ваши мягкие струи.
Помню прелесть пирной ночи, —
Живо помню я, как вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы;
В ароматной сфере бала,
При пылающих свечах,
Пышно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко,
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.

Мы, смущенные, смотрели, —
Сердце взорами неслоь,
Ум тускнел, уста немели,
А в очах сверкал вопрос:
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?»

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись,
И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец;
Но, снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не далися никому:
Появились, порезвились —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль!

(Конец 1835)

Я ЗНАЮ

Я знаю, — томлюсь я напрасно,
Я знаю, — люблю я бесплодно,
Её равнодушие мне ясно,
Ей сердце мое — неуютно.

Я -нежные песни слагаю,
А ей и внимать недосужно,
Ей, всеми любимой, я знаю,
Мое поклоненье не нужно.

Решенье судьбы неизменно.
Не так же ль средь жизненной битвы
Мы молимся небу смиренно, —
А нужны ли небу молитвы?

Над нашею брэнностью гибкой,
Клонящейся долу послушно,
Стоит оно с вечной улыбкой
И смотрит на нас равнодушно, —

И, видя, как смертный склоняет
Главу свою, трепетный, бледный,
Оно неподвижно сияет,
И смотрит, и думает: «Бедный!»

И мыслю я, пронят глубоко
Сознанием, что небо бесстрастно:
Не тем ли оно и высоко?
Не тем ли оно и прекрасно?

(Между 1850 и 1856)

КАРОЛИНА КАРЛОВНА ПАВЛОВА

1807—1893

10-го НОЯБРЯ 1840

Среди забот и в людной той пустыне,
Свои мечты покинув и меня,
Успел ли ты бывшее вспомнить ныне?
Заветного ты не забыл ли дня?
Подумал ли, скажи, ты ныне снова,
Что с верою я детской, в оный час.
Из рук твоих свой жребий взять готова,
Тебе навек без страха обреклась?
Что свят тот миг пред божьим провиденьем,
Когда душа, глубоко любя,
С невольным скажет убежденьем
Душе чужой: я верую в тебя!
Что этот луч, ниспосланный из рая, —
Какой судьба дорогой ни веда, —
Как в камне искра спит живая,
В остылой будет спать груди;
Что не погубит горя бремя
В ней этой тайны неземной;
Что не истлеет это семя
И расцветет в стране другой.
Ты вспомнил ли, как я, при шуме бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Как больно сердце задрожало,
Как гордо вспыхнул огонь очей?
Вносясь над всей тревогой света,
В тебе хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измененного цела?

(1840)

ДВЕ КОМЕТЫ

Текут в согласии и мире,
Сияя радостным лучом,
Семейства звездные в эфире
Своим указанным путем.

Но две проносятся кометы
Тем стройным хорам не в пример;
Они их солнцем не согреты, —
Не сестры безмятежных сфер.

И в небе встретились уныло,
Среди скитанья своего,
Два безотрадные светила
И поняли свое родство.

И, может, с севера и с юга
Ведет их тайная любовь
В пространстве вновь искать друг друга,
Приветствовать друг друга вновь.

И, в розное они течение
Опять влекомые судьбой,
Сойдутся ближе на мгновенье,
Чем все миры между собой.

(Апрель 1855)

* * *

За тяжкий час, когда я дорогою
Плачусь ценой,
И, пользуясь минутною виною,
Когда стоишь холодным судиею
Ты предо мной, —

Нельзя забыть, как много в нас родного
Сошлось сперва;
Радужного нельзя не помнить слова
Мне твоего, когда звучат сурово
Твои слова.

Пускай ты прав, пускай я виновата,
Но ты поймешь,
Что в нас все то, что истинно и свято,
Не может вдруг исчезнуть без возврата,
Как бред и ложь.

Я в силах ждать, хотя бы дней и много
Мне ждать пришлось,
Хотя б была наказана и строго
Невольная, безумная тревога
Сердечных гроз.

Я в силах ждать, хоть грудь полна недуга
И злой мечты;
В душе моей есть боль, но нет испуга:
Когда-нибудь мне снова руку друга
Протянешь ты!

(1855 или 1856)

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЬЦОВ

1809—1842

ПЕСНЯ

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои
Что сказать — не сыщу.

А лобзаньям твоим,
А восторгам живым
На земле, у людей
Выражения нет!

Дева-радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

(1827)

КОЛЬЦО

Песня

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе..
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

(20 сентября 1830)

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

(1834)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимнюю ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Полутру, на заре,
Обнимать-проводить,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

(1 апреля 1840)

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-травы — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет её,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылось, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

(21 мая 1840)

НОЧЬ

*Посвящена князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому*

Не смотря в лицо,
Она пела мне,
Как ревнивый муж
Бил жену свою.

А в окно луна
Тихо свет лила,
Сладострастных снов
Была ночь полна!

Лишь зеленый сад
Под горой чернел;
Мрачный образ к нам
Из него глядел.

Улыбаясь, он
Зуб о зуб стучал;
Жгучей искрою
Его глаз сверкал.

Вот он к нам идет,
Словно дуб большой...
И тот призрак был —
Её муж лихой...

По костям моим
Пробежал мороз;
Сам не знаю как,
К полу я прирос.

Но лишь только он
Рукой за дверь взял,
Я схватился с ним —
И он мертвый пал.

«Что ж ты, милая,
Вся, как лист, дрожишь?
С детским ужасом
На него глядишь?»

Уж не будет он
Караулить нас;
Не придет теперь
В полуночный час!...»

«Ах, не то, чтоб я...
Ум мешается...
Все два мужа мне
Представляются:

На полу один
Весь в кройи лежит,
А другой — смотри
Вон в саду стоит!...»

(Москва, 11 декабря 1840)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогут никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огонь пылает в крови,

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

(20 декабря 1841)

НЕСТОР ВАСИЛЬЕВИЧ КУКОЛЬНИК

1809—1868

* * *

О боже мой, как я её люблю!..

Ни крик врагов, ни шум разгульный пира
Не отвлекут от моего кумира
Крылатых дум! Я всё её пою!

Но стих моих страданий глух, невнятен,
Он к темноте загадочной привык;
Но вече чувств — особенный язык,
И редкому он может быть понятен.

В моей любви нет людям откровенья!
Пусть я паду под тайною моей,
Пусть в жизни не увижу вдохновенья,
Но не отдам любви на суд людей!
Я не скажу печального признанья
Ни ей, ни вам, враги страстей святых!

От вашего до моего страданья
Нет переходов, ступеней земных.
Прочь, искренность! Скорее — легкой птице,
Когда уж должно откровенным быть!
Еще скорей — разрушенной гробнице
Решусь любовь несчастную открыть;
Но никогда Элеоноре милой
Ни страстных слов, ни взоров не пошлю,
А прошепчу сам про себя уныло:
«О боже мой, как я её люблю!..»

(1837)

АНГЛИЙСКИЙ РОМАНС

Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
 Я плачу, я стражду, —
Душа истомилась в разлуке.
 Я плачу, я стражду!
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает, —
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
 И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
 И тайно и злобно
Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
 И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
 И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает, —
Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И все улыбнулось в природе;
Как солнце, душа просияла;
 Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя.

(Август 1838)

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
 Песня раздается,
Неисходною струей
 Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
 Где поет так громко
Над подружкой своей
 Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
 А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
 От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
 Песнь надежды сладкой.,
Кто-то вспомнит про меня
 И вздохнет украдкой.

(11 июля 1840)

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КРАСОВ

1810—1854

ЭЛЕГИЯ

Не говорите ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разuverяться трудно,
И вы её уверите едва ль.

Нет! вы не видели немых её страданий,
Ночей без сна, рыданий в тьме ночной,
Не испытали вы любви без упований,
Не знаете вы страсти роковой!
О, как она любила и страдала!
Какое сердце в дар несла!

Какая юношу награда ожидала!
Увы! его душа её не поняла.
Я видел: бедная, бледна и молчалива,
Она приход любимца стерегла;
Вот вспыхнула, подходит боязливо —
И тайна снова в сердце умерла!

Не говорите ж ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разuverяться трудно,
И вы её уверите едва ль!

(1834)

РАЗЛУКА

Пронесется ли буря мятежная
И пустынную розу сорвет,
Затоскуется ль горлица нежная,
Как птенцов её коршун убьет.
Гибнет роза в степи одинокая,
Не воскреснет поблекший цветок,
Твои очи, подруга далекая,
Не утешит венчальный венок.
Рано высохла грудь твоя страстная,
Рано взор твой веселый потух.
Не на счастье любила, прекрасная,
Не на радость узнал тебя друг!
О, как рано с блаженством простилася
И уж столько бессонных ночей,
Столько стонов во тьме утаилось,
Столько пролито слез из очей!..
Его нет — не придет на свидание:
Он в туманную даль полетел;
Не сбылися, как сон, упования,
Неизбежен несчастной удел.

При прощаньи, как тень над могилою,
Ты стояла с поблекшим челом,
Ты упала на грудь тебе милую,
Ты рыдала на сердце младом.
Было тяжко для друга прощание,
Но по-прежнему милый ласкал,
Его стоны, глухие рыдания
Только ветер в степи услышал...
Отуманен тоскою глубокою,
Охладел он для жизни душой,
Только помнит тебя, одинокую,
И что счастье погибло с тобой...
Допую ли я песню печальную?
Если сорван надежды цветок —
Вы не куйте кольца обручального,
А готовьте могильный венок.

(1839)

МЕТЕЛЬ

Поздно. Стужа. Кони мчатся
Вьюги бешеной быстрей.
Ах! когда бы нам добратся
До ночлега поскорей!
У! как в поле темно, бледно.
Что за страшная метель!
И далек ночлег мой бедный,
Одинокая постель.

Мчуся. Грустно. Злится вьюга
По белеющим полям;
И сердечного недуга
Я постичь не в силах сам.
То — прошедшее ль с тоскою
Смутным чувством говорит?
Иль грядущее бедою
Мне неожиданною грозит?..

Пусть все сгибло в раннем цвете,
Рок мой мрачен и жесток;
Сладко думать мне: на свете
Есть блаженный уголок...
И в полночи глубокой,
Как спешу к ночлегу я,
Может — ангел одинокой
Молит небо за меня...

(1840)

ВОСПОМИНАНИЕ

Не спрашивай, чего мне стало жаль,
Что грустию мне память омрачило:
Мой друг, тоска пройдет, как прежде проходила,
Я вспомнил детских лет волнующую даль,
Несвязную, но сладостную повесть
Весенних дней моих, волшебный, светлый сон.
Мне стало жаль его! Давно исчез уж он...

Укором восстает тоскующая совесть...
Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение —
Все живо вновь в моем воображении...
Вон дом большой чернеет над горой,
Заря вечерняя за лесом потухает,
Кругом все спит, — лишь робкою рукой
Она окно свое для друга открывает...
Луна взошла, зари уж нет давно,
А я смотрю, влюбленный, на окно!..

(1840)

СТАНСЫ

К***

Ты помнишь ли последнее свиданье?
В аллею лип велела ты прийти...
Дала одно безмолвное лобзанье
И безотрадное «прости».

Твой смутный взор, поблекшие ланиты,
Твой слабый стон мне душу растерзал,
Как я, двойным отчаяньем убитый,
В последний раз тебя лобзал.

Несчастный друг, увы! во мраке ночи
Я и теперь с слезами помню вновь
Твой дальний край, потупленные очи,
Твою безмолвную любовь.

Аллею лип с шумящими ветвями,
Где мы навек расстались с тобой,
И твой вуаль над черными кудрями,
И как вдали махнула мне рукой...

(1840)

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Увы! Столько лет пролетело!
Пора перестать нам грустить;
В нас сердце давно охладело,
Давно перестало любить.

Иная чреда ожидала.
Молили и мать и отец;
Ты долго им, знаю, внимала —
И тихо пошла под венец.

Любви не дала ты с рукою;
Все было равно для тебя...
Что ж? Может, обычной чредою,
Я буду женат, не любя.

Сойдемся ль чрез долгие лета,
В помине не будет любовь —
В пустыне ли, в вихре ли света
С тобою мы встретимся вновь...

(1842)

ИВАН ПЕТРОВИЧ КЛЮШНИКОВ

1811—1895

Я не люблю тебя: мне суждено судьбою,
 Не полюбивши, разлюбить.
Я не люблю тебя; больной моей душою
 Я никого не буду здесь любить.

О, не кляни меня! Я обманул природу,
 Тебя, себя, когда в волшебный миг
Я сердце праздное и бедную свободу
 Поверг в слезах у милых ног твоих.

Я не люблю тебя, но, любя другую,
 Я презирал бы горько сам себя,
И, как безумный, я и плачу и тоскую,
 И все о том, что не люблю тебя!..

(1838)

НА СМЕРТЬ ДЕВУШКИ

Закрылись прекрасные очи,
Поблекли ланиты её,
И сумраком вечных ночи
Покрылось младое чело.

Ты счастья земного не знала,
Одним ожиданьем жила,
Любила — любя, ты страдала,
Страдая — в могилу сошла.

Зачем же, краса молодая,
Так краток печальный твой путь?
Зачем? — И тоска неземная
Невольно теснится мне в грудь.

 Лобзаю холодные руки
 И плачу, над гробом склонясь...
И песни, сливаясь с торжественным звоном,
 Звучат упованьем святым.

И я примиряюсь с предвечным законом
И тихо молюся над прахом твоим.
 Не всё здесь кончается в жизни —
 Могила лишь землю берёт.

 Не всё — там, в небесной отчизне,
 И жизнь и блаженство нас ждёт.
 Я в вечности встречусь с тобою —
Здесь жизнь и страданье на час...

(1838)

Я понимаю взор твой страстный,
Я знаю смысл твоих речей:
Я вижу всё... Но, друг прекрасный,
Я не прошу любви твоей!

Тоску души моей холодной
Она не в силах исцелить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, как ты, любить.

В сияньи дня, во мраке ночи
Я вижу бледные уста,
И смотрят плачущие очи
С святой любовью на меня...

Непостижимой, тайной силой
Она везде, всегда со мной —
И на груди твоей, друг милый,
Я стал бы думать о другой!

(1840)

* * *

Когда, горя преступным жаром,
Ты о любви мне говоришь,
Восторг твой кажется угаром, —
Меня ты мучишь и смешишь.

Нет! ты не любишь, ты не знаешь
Великой тайны — ты профан!
Ты о любви в грехе мечтаешь,
Ты от хмельных желаний пьян.

Не любишь ты! Когда бы ясно
Сознал ты в сердце благодать,
Не стал бы ты про гнев прекрасной
И про надежды лепетать.

В любви нет страха, нет надежды:
Она дитя, она слепа.
Над ней ругаются невежды,
Её не ведает толпа.

Блажен, кто наяву увидит
Заветный идеал мечты!
Он сам себя возненавидит
Перед святыней красоты.

В немой тоске потупит очи,
Стыдясь на божество взглянуть
И как звезда на лоно ночи,
Она падет к нему на грудь.

(1840)

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ ГРЕБЕНКА

1812—1848

ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице все конница идет.
К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...
Он уехал... долго я смотрела вслед, —
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал..
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

(1841)

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.
Ох, не даром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нём сердце бедное.
Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам.

(1843)

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА

1812—1858

{Из «Неизвестного романа»}

ТЕБЕ ОДНОМУ

Нет, не тогда бываю я счастлива,
Когда наряд, и ленты, и цветы
Блестят на мне, и свежестью красивой
Зажгут в тебе влюбленные мечты.

И не тогда, как об руку с тобою,
Увлечена разгулом молодым,
Припав к тебе вскруженной головою, —
Мы проскользнуть сквозь вальса вихрь спешим.

И не тогда, как оба мы беспечны,
Когда наш смех, наш длинный разговор
Оживлены весёлостью сердечной,
И радостно горит наш светлый взор.

Счастлива я, когда рукою нежной
Я обовьюсь вокруг головы твоей,
И ты ко мне прислонишься небрежно,
И мы молчим, не разводя очей...

Счастлива я, когда любви высокой
Святую скорбь вдвоем почуем мы,
И думаем о вечности далёкой,
И ждем её, взамен житейской тьмы!.

Счастлива я наедине с тобою,
Когда забудем мы весь мир земной,
Хранимые свободной тишиною
И заняты, ты мной, а я тобой!..

Счастлива я в часы благоговенья,
Когда, полна блаженства моего,
Я о тебе молюся провиденью
И за тебя благодарю его!

ВМЕСТО УПРЁКА

Когда недавней старины
Мы переписку разбираем,
И удивления полны —
Так много страсти в ней читаем,
Так много чувства и тоски
В разлуке, столько слез страданья,
Молитв и просьб о дне свиданья, -
Мы в изумлении: далеки
Те дни, те чувства!.. Холод света
Отравую дохнул на них!..

Его насмешек и навета,
Речей завистливых и злых
Рассудок подкрепил влиянье;
Разочаровано одно
Из двух сердец... Ему смешно
Любви недавней излиянье!..
Не узнает теперь оно
Ни слов своих, ни упований,
И утомленное борьбой,
Лишь ловит с жалостью немой
Забытый след воспоминаний...
Прочь, письма, прочь! Прошла она.
Пора восторга молодого.
Меж нас расчета рокового
Наука грозная слышна...
Прочь, память прежнего!.. Бессильна,
Докучна ты, как плач могильный
Вблизи пиров ушам гостей!..
Блаженства нежного скрижали,
Глашатаи минувших дней,
Простите!.. Вы нам чужды стали!..
Нам грех вас холодно читать,
Мы вас не можем понимать:
Иль вы, иль мы, — то богу знать —
Вдруг устарели и отстали...

(1848)

{Из романа в стихах «Дневник девушки»}

* * *

Любя его, принадлежать другому!..
И мне в удел сей тяжкий долг избрать?
Мне, изменяя обету дорогому,
Иной обет пред алтарями дать?..

Жестокие!.. Они не понимают,
Что буду я, их воле покорясь;
Судьбой моей они располагают,
Ни чувств моих, ни сердца не спросясь!

Могу ли я забыть любовь былую...
Заменит ли одна рука моя
Привязанность и преданность прямую?..
Позволено ль коварством подкупным
Обманывать искателя молодого
И заплатить за жар огня святого
Кокетством лишь расчетливым одним!..
Когда во мне, любовью ослепленный,
Он думает сочувствие сыскать,
Должна ли я, играя им надменно,
Безумные мечты его питать?..
Должна ли я надеждою напрасной
Его привлечь, в нём сердце упоить,
Его на миг блаженством озарить,

Чтоб, ложь презрев, он вправе был несчастный,
Проклятием меня обременить?..
Ах, нет! Грешно и низко бы то было!..
Доверие — святыня!.. Горе той,
Кто, не поняв измены первой силу,
Сомнениям предаст весь век чужой!

Но я, любви я слишком цену знаю,
Чтоб ею мне бессмысленно шутить!
Я не могу другого полюбить,
Но искренно в нем чувство уважаю!

Победу я заметила свою
Без радости, без гордости сердечной...
И клятву я самой себе даю.
Люблю к тому остаться верной вечно!

(1842—1850)

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ОГАРЕВ

1813—1877

* * *

О, возвратись, любви прекрасное мгновенье,
О, исцели тоскующую грудь,
Дай тихо, свято, радостнодохнуть
Восторгом чистым неземного упоенья.

Минуты чудные живого наслажденья:
Влюбленных душ безмолвный разговор,
И поцелуй, и неги полный взор,
И мира дольного прекрасное забвенье.

Я отвыкал от вас — и тьма на ум ложилась,
И сердце сохло в душевной пустоте,
И замирала жизнь в бесцельной суете,
И скука надо мной тяжелая носилась.

Теперь опять ко мне, сдружись с моей душою,
Знакомый рай святой любви моей,
Я выплакал тебя бесцветных дней
Несносной, длинною и скучной чередой.

(1839, январь)

* * *

Тебе я счастья не давал довольно,
Во многом я тебя не понимал,
И мучил я тебя и сам страдал...
Теперь я еду, друг мой! сердцу больно:
И я с слезой скажу тебе — прощай!
Никто тебя так не любил глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой друг, без желчи, без упрека,
Минутам скорбным ты забвенье дай,
И помни лишь, что я любил глубоко,
И с грустию сказал тебе — прощай!
Теперь блуждать в стране я стану дальней..
Мне тяжело. Еще лета мои
Так молоды; но в жизни я печальной
Растратил много веры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все сам в себе. Но ты не забывай,
Что я, мой друг, тебя любил глубоко,
И с грустию сказал тебе — прощай!..

(1841, 5 декабря)

* * *

Она никогда его не любила
А он её втайне любил;
Но он о любви не выронил слова:
В себе её свято хранил.

И в церкви с другим она обвенчалась;
По-прежнему вхож он был в дом,
И молча в лицо глядел ей украдкой,
И долго томился потом.

Она умерла. И днем он и ночью
Все к ней на могилу ходил;
Она никогда его не любила,
А он о ней память любил.

(1842)

* * *

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признание,
Я помню слезы и любовь.

Шло время — ласки были реже,
И высох слёз поток живой,
И только оставались те же
Желанья с прежнею тоской.

Просило сердце впечатлений,
И теплых слез просило вновь,
И новых ласк, и вдохновений,
Просило новую любовь.

Пришла пора — прошло желанье,
И в сердце стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещет горестно оно.

(1842, 24 февраля)

К (М. Л. ОГАРЁВОЙ)

Расстались мы — то, может, нужно,
То, может, должно было нам, —
Уж мы давно не делим дружно
Единой жизни пополам.

И, может, врознь нам будет можно
Ещё с годами как-нибудь
Устроиться не так тревожно
И даже сердцем отдохнуть.

Я несть готов твои упреки,
Хотя и жгут они, как яд,
Конечно, я имел пороки,
Конечно, в многом виноват;

Но было время — ведь я верил,
Ведь я любил, быть счастливым мог,
Я будущность широко мерил,
Мой мир был полон и глубок!

Но замер он среди печали;
И кто из нас виновен в том,
Какое дело — ты ли, я ли, —
Его назад мы не вернем.

Еще слезу зовет с ресницы,
И холодом сжимает грудь
О прошлом мысль, как у гробницы,
Где в муках детский век потух.

Закрыта книга — наша повесть
Прочлась до крайнего листа;
Но не смутят укором совесть
Тебе отнюдь мои уста.

Благодарю за те мгновенья,
Когда я верил и любил;
Я не дал только б им забвенья,
А горечь радостно б забыл.

О, я не враг тебе... Дай руку!
Прощай! Не дай тебе знать бог
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблуждения тревог...

Прощай! на жизнь, быть может, взглянем
Ещё с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час.

(Конец 1844)

К Н. (А. ТУЧКОВОЙ)

На наш союз святой и вольный —
Я знаю — с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеёй.

Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.

С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.

Ещё не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.

И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — к свободным берегам.

(1850—1852)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмينا
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибрежных влюблённо
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатия руки.

Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар и замиранье —
Всю эту музыку любви.

(До 1855, 3 июня)

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАНКЕВИЧ

1813—1840

ПРОСТИ!

Прости! Тебе моей не быть!
С твоей холодной красотой,
С твоей бесчувственной душой
Ты не назначена любить.
Тебе безвестен нежный пламень;
Один обман — твой страстный взгляд,
Улыбка — нектар, сердце — камень,
А поцелуи — сладкий яд!
Прошла пора очарованья,
Прошли в груди моей терзанья!..

Знавал я радость и любовь,
Живилось сердце упованьем,
Огнем любви пылала кровь,
Когда с несбыточным желаньем
Тебе навек отдался я
И, полный страстным упоеньем
С самолюбивым увереньем
Твердил в душе: она моя!
Я долго сею жил мечтою,
Я долго по тебе грустил,
Страдал, тобой надеждой жил, —
Но ты смеялась надо мною!..

Теперь... прости! прости навек!
Любви мне тяжело вспоминанье!
Не вырвешь более признанья;
Но сердца горестный упрек
Тебе напомнить лишь заставил
О том, что было... Полно! я
Свой жребий небу предоставил...
Прости! ты больше не моя!..

(1830, Воронеж)

НА МОГИЛЕ ЭМИЛИИ

Привет могиле одинокой!
Печальный мох её покрыл
С тех пор, как смерти сон глубокой
От нас её жилищу скрыл.

Окончен рано подвиг трудный,
Загадка жизни решена!
Любовь почилла беспробудно,
И радость тленью предана.

Какие тайные законы
Тебя б в сей жизни ни вели,
Но участь горькую Миньоны
Ты испытала на земли.

Ты с горем свыклась с колыбели,
Тебя не видел отчий кров,
Звездой падучей пролетели
И жизнь, и младость, и любовь.

Но над печальною могилой
Не смолкнул голос клеветы;
Она терзает призрак милый
И жжёт надгробные цветы...

Пусть смертный ждет судьбы со страхом,
И чем бы ни был бог земной —
Повсюдной жизнью или прахом, —
Благословение с тобой!

Но если утро воскресенья
Придет на светлых облаках,
Восстань с лучом преображенья
В твоих лазоревых очах.

Лети, лети в края отчизны,
Оковы тленья разорви!
Будь с ним одна в единой жизни,
В единой зиждущей любви.

(1833)

ЭДУАРД ИВАНОВИЧ ГУБЕР

1814—1847

ДУШЕ

Умри, заглохни, страсть мятежная,
Души печальной не волнуй!
Не для тебя надежда нежная,
Любви горячий поцелуй!

Зачем ты требуешь участия,
Душа, страдальца моя?
Тебе ль искать земного счастья
В холодном море бытия?

Не ты ль сподобилась страдания
От юных лет, от первых дней?
Неси свой крест без содрогания,
Красуйся язвами скорбей!

Но долго слово отвержения
Волнует пламенную кровь,
Но страшно слушать смех презрения
В ответ на знойную любовь.

Для всех цветет надежда нежная,
Любовь для всех дана судьбой;
Лишь для тебя, душа мятежная,
Души не создано другой!

(1839)

ЛЮБОВЬ

Безумно жаждать тихой встречи,
Со страхом встречи избегать,
С безмолвной негой слушать речи,
Дыханье сладкое впивать;

Ловить задумчивые взоры,
Упасть на девственную грудь,
С восторгом — ласки и укоры
В одном лобзании вдохнуть;

Её одну повсюду видеть,
В неё и душу перелить,
Весь этот мир возненавидеть,
Чтоб в нем одну её любить;

Терзать с жестоким наслаждением,
Чтоб слёзы пить с её ресниц;
Ревнивым мучить подозреньем,
И проклинять, и падать ниц;

Слезами робко ей молиться,
Её терзать, её томить,
Её томленьем насладиться —
Вот так хотел бы я любить!

(1842)

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Её лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли её прощенье,
Пади, пади к её ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье,
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

(1830)

Н. Ф. И....ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливыцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытал,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

(1830)

К СУ(ШКОВОЙ)

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Ещё желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

(1830)

* * *

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук!
Уносят все, что я теперь люблю!
Я встречу взор её прекрасных глаз,
И, может быть, как знать... в последний раз!

(1830)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой,
Я видел женский лик, он хладен был, как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетел мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущённый
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

(1830)

К***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор,
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слёз
Гораздо мучительней будет.

(1831)

К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю её, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебрежение
Её могущества опять
Мне доказало, что влечение
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залётный херувима
Над сонной демонов толпой.

(1831)

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О будь!... о! вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог!..

(1831)

К Н. И.....

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Ещё никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

(1831)

* * *

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — Но порой
Всё это не зовём мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветов!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!., я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шёлк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам её,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство — яд!

(1831)

* * *

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так все бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

(1832)

Я не унижусь пред тобою;
 Ни твой привет, ни твой укор
 Не властны над моей душою.
 Знай: мы чужие с этих пор.
 Ты позабыла: я свободы
 Для заблужденья не отдам;
 И так пожертвовал я годы
 Твоей улыбке и глазам,
 И так я слишком долго видел
 В тебе надежду юных дней
 И целый мир возненавидел,
 Чтобы тебя любить сильней.
 Как знать, быть может, те мгновенья,
 Что протекли у ног твоих,
 Я отнимал у вдохновенья!
 А чем ты заменила их?
 Быть может, мыслию небесной
 И силой духа убежден,
 Я дал бы миру дар чудесный,
 А мне за то бессмертье он?
 Зачем так нежно обещала
 Ты заменить его венец,
 Зачем ты не была сначала,
 Какою стала наконец!
 Я горд! — прости! люби другого,
 Мечтай любовь найти в другом;
 Чего б то ни было земного
 Я не соделаюсь рабом.
 К чужим горам, под небо юга
 Я удалюсь, может быть;
 Но слишком знаем мы друг друга,
 Чтобы друг друга позабыть.
 Отныне стану наслаждаться
 И в страсти стану клясться всем;
 Со всеми буду я смеяться,
 А плакать не хочу ни с кем;
 Начну обманывать безбожно,
 Чтоб не любить, как я любил —
 Иль женщин уважать возможно,
 Когда мне ангел изменил?
 Я был готов на смерть и муку
 И целый мир на битву звать,
 Чтобы твою младую руку —
 Безумец! — лишний раз пожать!
 Не зная коварную измену,
 Тебе я душу отдавал;
 Такой души ты знала ль цену?
 Ты знала — я тебя не знал!

(1832)

* * *

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал —
А теперь никого не люблю!

И я счёт своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

(1832)

К *

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не отроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что все, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат,
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.

(1832)

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан её не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все её движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,

Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

(1832)

МОЛИТВА

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

(1837)

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог!

(1837)

* * *

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто избрал мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пушай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

(1837)

* * *

Она поет — и звуки тают
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В её божественных глазах;
Идет ли — все её движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

(1838)

* * *

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

(1838)

* * *

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

(1838)

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

(1840)

А. О. СМЕРНОВОЙ

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискusной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно..

(1840)

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

(1841)

* * *

*Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.*

Heine

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла; наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

(1841)

*Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому.
Гейне (нем.).*

* * *

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором;
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

(1841)

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрёк...

Едет царевич задумчиво прочь,
Будет он помнить про царскую дочь!

1841

* * *

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой, отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА ТЕПЛОВА

1814—1848

ЯЗЫК ОЧЕЙ

Как много дум невнятных выражает
Один уныло-долгий взор;
И сей беззвучный разговор
Одно лишь сердце понимает!
Язык очей — язык красноречивый!
Внимай ему в час вдохновенный тот,
Когда поэт, мечтой своей счастливый,
Не говорит и не поёт.

(1831)

СОЖАЛЕНИЕ

Мне жаль его! зачем его душою
Так суетно, нещадно так играть,
И сон любви прекрасной нарушать
Насмешкою холодной и пустою!

Мне жаль его; когда без разделенья
В душе умрет таимая любовь,
Оставь его в счастливом заблужденьи
Иль возврати ему надежду вновь!..

(1837)

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ДУРОВ

1816—1869

Жаркое чувство любви не надолго в душе остается:
Только что вспыхнет оно и угасает сейчас же. Но пепел
Этого чувства души возрождает в нас новое чувство:
Дружбу, которая нам никогда и ни в чем не изменит.
Так из простого цветка образуется осенью поздней
Плод, услаждающий вкус, обонянье и взгляд человека.

(1847)

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

1817—1860

* * *

Помнишь ли ты, помнишь ли ты?
Здесь по весенним долинам цветы,
В полдень торжественный шум водопада,
Звуки рожка и бродящее стадо,
Легкий румянец вечерних небес,
Звездную ночь и задумчивый лес, —
Помнишь ли ты?

Помнишь ли ты, помнишь ли ты?
Чудные светлые детства мечты,
Счастье с улыбкою, с радостью вечной,
Игры, забавы той жизни беспечной,
Детства прекрасного ясные дни,
Облаком легким промчались они, —
Помнишь ли ты?

(1836)

СТИХОТВОРЕНИЯ В ДУХЕ НЕДАВНО ПРОШЕДШЕЙ ПОЭЗИИ

1

Мой друг, любовь мы оба знали,
Мы оба, в сладостном огне,
Друг к другу страстию пылали,
И я к тебе, и ты ко мне.

Царило сладкое безумье,
Лилися слезы, взор горел...
Но наконец пришло раздумье,
Полет любви отяжелел.

Улыбка злая промелькнула,
Извив насмешливо уста;
Она о многом намекнула,
Что впереди. Вдали сверкнуло...
Свет новый озарил места.

Счастлива ты, моя подруга,
Что так же гордо, как и я,
Сосуд любовного недуга
Разбила вмиг рука твоя.

Так, мы не стали дожидаться
Тех вялых, бесполезных дней,
Когда любовь начнет скрываться,
Когда обманы нужны ей.

И неспособны мы, как дети,
Одно мечтать, одно любить
И детски в собственные сети
Себя самих всегда ловить.

Смеёмся мы теперь с тобою
Над тем, что было счастьем нам.
Разрушен, тешит нас собою
Хвалы когда-то полный храм.

(1846)

2

Твои уста, твой взор молили,
Чтоб я тебя не покидал;
Младые очи слезы лили,
И голос, плача, замирал;

Просила ты хотя участия;
Ты клятвы вспоминала мне,
Пору безумия и счастья;
Ты бредила о прежнем сне.

Но я, с улыбкой горделивой,
Сказал: «Оставь свои мечты!
Носи оковы терпеливо,
Коль их разбить не хочешь ты.

Страдай, сама виной страданий;
Мечтай, коль не устала ты
От вечных грез и упований;
Влачи всю жизнь рабой мечты.

Плачь над развалинами счастья,
Встречай в стенании зарю!
Безумью жалкому — участия
Я никогда не подарю.

А я, смотри, как птица волен;
Не зная мнения препон,
Всегда свободен и доволен,
Всегда я сам себе закон.

Одето сердце будто сталью.
Оставь мольбы свои,пусти!
Смеюсь я над твоей печалью,
С улыбкой говорю: прости!»

(1846)

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

1817—1875

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

(1851)

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

(30 октября 1851)

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь её терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновение,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновение...

(1851 или 1852 (?))

* * *

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя, —
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам —
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам.

(Лето 1856)

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звёзды светят так светло —
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю
И земной весны тебе не жаль...

(1856)

* * *

Острою секирой ранена берёза,
По коре серебристой покатались слёзы.
Ты не плачь, берёза, бедная, не сетуй,
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана, —
Лишь больное сердце не залечит раны.

(Лето 1856)

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре —
О, не грусти, ты всё мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе —
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.
Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам её светила
Нисходят порознь редкие лучи.
И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струёю холодной
И говорят, качаясь, цветы.
И любим мы любовью раздроблённой
И тихий шёпот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склонённый,
И звёздный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольём.
Но не грусти, земное минет горе,
Пожди ещё — неволя недолга, —
В одну любовь мы все сольёмся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!

(1858)

* * *

С тех пор как я один, с тех пор как ты далёко,
В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственной духовная твоя.
Сестра моей души, с улыбкою участия
Твой тихий, кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне.
О, если в этот час ты также им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой?

(1858)

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умея высказать, как тебя люблю!

(1858)

* * *

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

(1862)

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
 О счастье! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
 О свежий дух березы!

(Май 1871)

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

1818—1883

* * *

Дай мне руку — и пойдем мы в поле,
Друг души задумчивой моей...
Наша жизнь сегодня в нашей воле —
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя.
Все, о чем томились мы, что любим —
Позабудем до другого дня...
Пусть над жизнью пестрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь...
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.
Ах, сойтись хотел бы я с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
«Но к чему, не снова ли былое
Повторять?» — мне отвечаешь ты.
Позабудь все тяжкое, все злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущен и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озеро не просится волна...
Посмотри... как небо дивно блещет,
Наглядись, а там кругом взгляни,
Ничего напрасно не трепещет,
Благодать покоя и любви...
И в себе присутствие святыни
Признаю, хоть недостойн ей.
Нет стыда, ни страха, ни гордыни,
Даже грусти нет в душе моей...
О, пойдем — и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной, —
Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживем.
Этот день, быть может, день спасенья,
Может быть, друг друга мы пойдем.

(1842)

Я вас знавал... тому давно,
Мне, право, стыдно и грешно.
Что я тогда вас не заметил...
Вы только что вступили в свет —
Вам было восемнадцать лет...
На бале где-то я вас встретил.

И кто-то к вам меня подвел —
Я с вами нехотя пошел,
Я полон был тревоги страстной...
Тогда — тогда я был влюблен;
Но та любовь прошла, как сон,
И безотрадный и напрасный.

Другую женщину я ждал,
Я даже вам не отвечал;
Но я заметил ваши руки...
Заметил милый ваш наряд,
И ваш прекрасный, умный взгляд,
И речи девственные звуки.

Но все, что в сердце молодом
Дремало легким, чутким сном
Перед внезапным пробуждением, —
Осталось тайной для меня...
Хоть помню, вас покинул я
С каким-то смутным сожаленьем.

А случай вновь не сблизил нас...
И вдруг теперь я встретил вас.
Вы изменились, как Татьяна;
Я не слыхал таких речей,
Я не видал таких плечей,
Такого царственного стана...

На ваших мраморных чертах,
На несмеющихся губах
Печать могучего сознания...
Сияя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной
Богиней гордого страданья.

И я молю вас в тишине:
Всю вашу жизнь раскройте мне...
Но взгляда вашего я трушу...
Нет, нет! я стар — нет, я вам чужд,
Давно в борьбе страстей и нужд
Я истощил и жизнь и душу.

(1843)

* * *

К чему твержу я стих унылый,
Зачем в полночной тишине
Тот голос страстный, голос милый,
Летит и просится ко мне,—
Зачем? огонь немых страданий
В её душе зажег не я...
В её груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.
Так для чего же так безумно
Душа бежит к её ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

(1843)

(В ДОРОГЕ)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

(1843)

АЛЕКСЕЙ ЕРМИЛОВИЧ РАЗОРЕНОВ

1819—1891

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как в огне,
Все немило, все постыло,
И страдаю я по нем.

В ясны дни и темны ночи,
И во сне и наяву
Слезы мне туманят очи,
Все летела б я к нему.

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить,
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить.

(1880)

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ПОЛОНСКИЙ

1819—1898

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак её очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Её волос, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.

Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаясь, назад.
Её потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! погоди!

(1842)

ВСТРЕЧА

Вчера мы встретились; — она остановилась —
Я также — мы в глаза друг другу посмотрели.
О боже, как она с тех пор переменилась;
В глазах потух огонь, и щеки побледнели.
И долго на неё глядел я молча строго —
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел — она же ради бога
Велела мне молчать, и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья»,
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье».

(1844)

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Соловей поет в затишье сада;
Огоньки потухли за прудом.
Ночь тиха.— Ты, может быть, не рада,
Что с тобой остался я вдвоем?

Я б и сам желал с тобой расстаться;
Да мне жаль покинуть ту скамью,
Где мечтам ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью.

Не смущайся! Ни о том, что было,
Ни о том, как мог бы я любить,
Ни о том, как это сердце ныло,—
Я с тобой не стану говорить.

Речь моя волнует и тревожит...
Веселее соловью внимать,
Оттого что соловей не может
Заблуждаться и, любя, страдать...

Но и он затих во мраке ночи,
Улетел, счастливец, на покой...
Пожелай и мне спокойной ночи
До приятного свидания с тобой!

Пожелай мне ночи не заметить
И другим очнуться в небесах,
Где б я мог тебя достойно встретить
С соловьиной песней на устах!

(1845)

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:

О жизни неизведанной,
 О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
 Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
 «Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
 Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
 Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
 И поцелуй звучал —
И ветер занавескою
 Тревожно колыхал.

(Тифлис, 1846, июля 20)

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету..
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы её, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету..
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

(1853 (?))

КОЛОКОЛЬЧИК

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою — и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!., чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской кровать!..

У меня ли не жизнь!., ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит
Всё по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне, тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!., полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого, что мне весело с ним!..»

(1854)

УТРАТА

Когда предчувствием разлуки
Мне грустно голос ваш звучал,
Когда, смеясь, я ваши руки
В моих руках отогревал,
Когда дорога яркой далью
Меня манила из глуши —
Я вашей тайною печалью
Гордился в глубине души.

Перед непризнанной любовью
Я весел был в прощальный час,
Но — боже мой! с какою болью
В душе очнулся я без вас!
Какими тягостными снами
Томит, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голос ваш приветный
Звучал мне, как далекий звон,
Из-за пучины: путь заветный
Мне к вам навеки прегражден, —
Забудь же, сердце, образ бледный,
Мелькнувший в памяти твоей,
И вновь у жизни, чувством бедной,
Ищи подобья прежних дней!

(1857)

* * *

Я читаю книгу песен,
«Рай любви — змея любовь» —
Ничего не понимаю —
Перечитываю вновь.

Что со мной! — с невольным страхом
В душу крадется тоска...
Словно книгу заслонила
Чья-то мертвая рука —

Словно чья-то тень поникла
За плечом — и в тишине
Тихо плачет — тихо дышит
И дышать мешает мне.

Словно эту книгу песен
Прочитать хотят со мной
Потухающие очи
С накипевшею слезой.

(1 марта 1861)

ПОЦЕЛУЙ

И рассудок, и сердце, и память губя,
Я недаром так жарко целую тебя —
 Я целую тебя и за ту, перед кем
 Я таил мои страсти — был робок и нем,
 И за ту, что меня обожгла без огня,
 И смеялась, и долго терзала меня.
 И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
 Да, убитая, спит под могильным крестом.
Все, что в сердце моем загоралось для них,
Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

(1863)

* * *

Заплета свои тёмные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Всё то счастье, которым мы грезим во сне,
Грёзы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем тёмных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне,-
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, тёмным цветом одежды твоей.
И могилу, и слёзы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Всё, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Всё, что время навек от меня унесло,
Всё, что гибло, и все, что стремилось любить,—
Ты напомнила мне. — Помоги позабыть!

(14 сентября 1864)

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

В дни ребячества я помню
Чудный отроческий бред:
Полюбил я царь-девицу,
Что на свете краше нет.

На челе сияло солнце,
Месяц прятался в косе,
По косицам рдели звёзды,—
Бог сиял в её красе.

И жила та царь-девица,
Недоступна никому,
И ключами золотыми
Замыкалась в терему.

Только ночью выходила
Шелестить в тени берез:
То ключи свои роняла,
То роняла капли слез...

Только в праздники, когда я,
Полусонный, брел домой,—
Из-за рощи яркий, влажный
Глаз её следил за мной.

И уж как случилось это,—
Наяву или во сне?! —
Раз она весной, в час утра,
Зарумянилась в окне:

Всколыхнулась занавеска,
Вспыхнул роз махровый куст,
И, закрыв глаза, я встретил
Поцелуй душистых уст.

Но едва-едва успел я
Блеск лица её поймать,
Ускользая, гостя ко лбу
Мне прижгла свою печать.

С той поры её печати
Мне ничем уже не смыть,
Вечно юной царь-девице
Я не в силах изменить...

Жду,— вторичным поцелуем
Заградив мои уста,—
Красота в свой тайный терем
Мне отворит ворота...

(1876)

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

1820—1892

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной.
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы,
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

(1842)

* * *

На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что скользя затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты её, не буди,
На заре она сладко так спит!

(1842)

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь — но только песня зреет.

(1843)

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять бывшие выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

(1844)

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

(1850)

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью...

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки,
И льнут к моему изголовью...

(1853)

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало, и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя, —
О, слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

(1854)

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку, —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! -
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоем этих строк и жгучая слеза.

(1859 (?))

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный,
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой её колыбелью.

Но безмолвствует, пышно-чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

(1873)

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

(2 августа 1877)

* * *

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть,
И о том, что, я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу.
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

(2 сентября 1885)

* * *

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мне сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, -
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвести,
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!

(1885)

* * *

Долго снились мне вопли рыданий твоих, —
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
Как тебя умолил я — несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,
Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, — и пришлось уходить:
Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: «Идешь?»
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
Я в бессонные ночи навек перенес.

(2 апреля 1886)

* * *

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

(2 февраля 1887)

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льёт кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
 Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
 Вставала вдруг заря.

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за тёмный весь предел,
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
 Там человек сгорел!

(5 февраля 1887)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЖЕМЧУЖНИКОВ

1821—1908

* * *

Странно! мы почти что незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, -
Странно думать! — я в тебя влюблен!

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

(1856)

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

В ту пору знойную, когда бывают грозы
И ночи пред дождем прохладны и теплы;
В саду бушует ветер; в аллеях, полных мглы,
Дубы качаются и мечутся березы;
И ты в шумящий сад, один, в такую ночь
Пойдешь на тайное свиданье в час условный, —
Умей обуздывать игру мечты любовной,
Старайся страстное влечение превозмочь.
Не представляй себе, пока желанной встречи
Миг не настал еще, как трепетную грудь,
Ланиты жаркие и молодые плечи
Ты будешь лобызать свободно. Позабудь,
Как прежде их ласкал. Послушный нетерпению,
Вслед за мелькнувшею в куртине белой тенью
Ты не спеши. Вот тень еще. Взгляни назад —
Вон пробежала тень... и там, и там... Весь сад
Наполнен по ночам тенями без названья.
В дали темнеющей послышится ли зов —
Не обращай вспять, не напрягай вниманья...
Тот голос не её. Здесь много голосов,
Под гнетом чуждой нам, какой-то странной грезы
Ведущих меж собой невнятный разговор
Иль порознь шепчущихся... Как страстен этот хор!
То вздохи томные послышатся, то слезы...
Вокруг тебя обман; но правда впереди.
Тебя ждет счастье, и ты спокойно жди.
И трепетом твой дух займется сладострастным,
Когда вдруг шепотом таинственным, но ясным
«Я здесь» произнесут знакомые уста;
И взгляда зоркого виденье не обманет,
Когда увидишь ты: рука из-за куста
Тебя и с робостью и с нетерпеньем манит.

(1856)

* * *

Если б ты видеть могла мое горе —
Как ты жалела б меня!
Праздник встречать мне приходится вскоре
Нашего лучшего дня...

Словно мне вести грозят роковые,
Словно я чую беду...
Милая, как же наш праздник впервые
Я без тебя проведу?

В день незабвенный союза с тобою —
Счастья погибшего день —
Буду вотще моей скорбной мольбою
Звать твою грустную тень.

Пусто мне будет. В безмолвии глубоком
Глухо замрет мой призыв...
Ты не потужишь о мне, одиноком,
Нашу любовь позабыв.

Я же, томим безутешной кручиной,
Помню, чем праздник наш был...
Жизни с тобой я черты ни единой,
Друг мой, еще не забыл.

(24 февраля 1876)

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ

1821—1897

* * *

О чем в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чем при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

(*Март 1841*)

* * *

Люблю, если тихо к плечу моему головой прислонившись,
С любовью ты смотришь, как, очи потупив, я думаю думу,
А ты угадать её хочешь. Невольно, проникнут тобою,
Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы в сладком молчаньи
Мы мыслью сошлись и много сказали улыбкой и взором.

(1842)

FORTUNATA ¹

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце, — не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю,
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..

Верь в любви, что счастьем не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам в век с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя в век...

(1845)

¹ Счастливая (*ит.*).

* * *

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

(1860)

ПОЦЕЛУЙ

Между мраморных обломков,
Посреди сребристой пыли,
Однорукий клефтик тешет
Мрамор нежный, словно пена,
Прибываемая морем.
Мимо девица проходит,
Златокудрая, что солнце,
Говорит: «Зачем одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда ж девал другую?»

«Полюбилась мне девица,
Роза первая Стамбула!
Поцелуй один горячий —
И мне руку отрубили!
В свете есть еще девица,
Златокудрая, что солнце...
Поцелуй один бы только —
И руби другую руку!»

(1860)

* * *

Точно голубь светлою весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И меж тем, как музыкою счастья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди ненастья,
Охватить душой своей вполне.

И молчу, чтоб не терять ни звука,
Что дрожат в сердцах у нас с тобой, —
Вижу вдруг — ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла
И страшит тебя — к добру ль оно?..

Ну, так что ж? Пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

(1855)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

1821—1877/78

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

(1845)

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

(1846)

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и глядят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море
Без обычного страха гляжу...

(1847)

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,

И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем,
И то теперь я счастьем зову...

А ты?., ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли?
И позабыла ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

(1850)

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь её отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

(1850)

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир, и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с неё долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

(1851)

* * *

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —

Отдайте ей её посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказания,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пусть мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

(1852)

* * *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

(1855)

* * *

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал её палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!., близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна.
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

(1855)

ПРОЩАНИЕ

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы,
С могилы сердца моего!

(1856)

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

(1856)

* * *

Ни стыда, ни состраданья,
Кудри в мелких завитках,
Стан, волнующийся гибко,
И на чувственных губах
Сладострастная улыбка.

(1876)

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЩЕРБИНА

1821—1869

ПИСЬМО

Письмо лежит передо мною;
Его коснуться не могу;
Я с сожаленьем и тоскою,
Не прочитав, его сожгу...

Зачем читать!.. Ведь я вас знаю,
Ведь сердца мне не пробудить...
Поверьте, временно любить
Я не могу и не желаю!

Давно не верю я в блаженство:
На бедном жизненном пути
Не отыскать мне совершенства,
Души родной мне не найти!

Я уж давно не лицемерил,
И жизнь с мечтами примирил;
Любовь я женскую изверил:
Я без страданья не любил!

Прощайте, более ни слова...
Я с сердцем не привык шутить,
Вам полюбить легко другого,
Но тяжело мне разлюбить!

(1844)

В ДЕРЕВНЕ

Как-то привольней дышать мне под этим живительным небом,
Как-то мне лучше живется в тиши деревенской:
Гаснут мечты честолюбья, тревожные сны улетают;
Мыслей о будущем нет, — настоящим я полон. .
Будто младенец, прильнул я к широкому лону природы,
С нею живу, её тайным веленьям послушный:
Музам я утро свое посвящаю, вставая с Авророй;
Знойного полдня часы провожу под наметом
Темнопрохладных дерев, и на ложе забывчивой неги
Сладко дремлю я, вкусивши здоровых и сытных
Блюдов деревенских, облитых крепительной влагою Вакха,
Ночью я весь отдаюсь Афродите-богине:
Полною чашей восторги любви испиваю во мраке;
Тонут уста мои в жарких устах Левконой,
Руки по мрамору тела скользят, красоты ощущая
Гибкого стана и груди упругой и полной.

(1847)

ЖЕНЩИНЕ

Как над тобою посмеялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь в удел досталась
Тебе, царица и раба!

Ты стала средь мгновенной власти,
Мишурным блеском облитой,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человеком, не женой...

И, на коленях пред тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина с жаркою мольбою
Цепями путает тебя.

Свое призванье ты забыла
Для грез дремоты вековой,
И новая, живая сила
У мира отнята с тобой.

Пред всякой ложью и тщетою,
Как пред кумиром, пала ты,
И пустоцветною красою
Взросла на почве суеты.

Твое святое назначенье —
Наш гений из пелен приять,
Направить душу поколенья,
Отчизне граждан воспитать...

И струн в тебе сокрыто много:
Под райской музыкою их
Нам облегчилась бы дорога
В тяжелых странствиях земных.

Ты сердца чуткого прозреньем
Те правды можешь угадать,
Которых нам ни размышленьем,
Ни долгой жизнью не дознаться...

Я верю, что настанет время
Тебе вознестись меж людей
И сбросить вековое бремя
С судьбы таинственной своей, —

И новой мыслью, новой страстью,
Огнем, любовью, красотой
Подвинуть мир в путях ко счастью
И взволновать его застой.

(1848)

АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

1822—1864

Над тобою мне тайная сила дана,
 Это — сила звезды роковой.
Есть преданье — сама ты преданий полна
 Так послушай: бывает порой,
В небесах загорится, средь сонма светил,
 Небывалое вдруг иногда,
И гореть ему ярко господь присудил —
 Но падучая это звезда...
И сама ли нечистым огнем сожжена,
 Или, звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она, —
 Рассыпается прахом звезда;
И дано, говорят, той печальной звезде
 Искушение посеять одно,
Да лукавые сны, да страданье везде,
 Где рассыпаться ей суждено.

Над тобою мне тайная сила дана,
 Эту силу я знаю давно:
Так уносит в безбрежное море волна
 За собой из залива судно,
Так, от дерева лист оторвавши, гроза
 В вихре пыли его закружит,
И, с участием следя, не увидят глаза,
 Где кружится, куда он летит...
Над тобою мне тайная сила дана,
 И тебя мне увлечь суждено,
И пускай ты горда, и пускай ты скрытна,
 Эту силу я понял давно.

(Август 1843)

(ИЗ ЦИКЛА «БОРЬБА»)

* * *

Я её не люблю, не люблю...
 Это — сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На неё я смотрю, её речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах
Тихой девочки с женской улыбкой?
Что в задумчиво-робко смотрящих очах
Этой тени воздушной и гибкой?

Отчего же — и сам не пойму —
Мне при ней как-то сладко и больно,
Отчего трепещу я невольно,
Если руку её на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит
Я порою гляжу с непонятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит.

И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически-милые, детские речи;
Отчего я боюсь и жду с нею встречи?..
Ведь её не люблю я, клянусь, не люблю.

(1853, 1857)

* * *

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована..

И сердце ведаёт мое,
Отравой облитое,
Что впитывал в себя её
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные..
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

(1857)

(ИЗ «ИМПРОВИЗАЦИЙ
СТРАНСТВУЮЩЕГО РОМАНТИКА»)

* * *

Твои движенья гибкие,
Твои кошачьи ласки,
То гневом, то улыбкою
Сверкающие глазки...
То лень в тебе небрежная,
То — прыг! поди лови!
И дышит речь мятежная
Всею жаждою любви.

Тревожная загадочность
И ледяная чинность,
То страсти лихорадочность,
То детская невинность,
Те мягкий и ласкающий
Взгляд бархатных очей,
То холод ужасающий
Язвительных речей.

Любить тебя — мучение,
А не любить — так вдвое...
Капризное творение,
Я полон весь тобою.
Мятежная и странная —
Морская ты волна,
Но ты, моя желанная,
Ты киской создана.

И пусть под нежной лапкою
Кошачьи когти скрыты —
А все ж тебя в охапку я
Схватил бы, хоть пищи ты...
Что хочешь, делай ты со мной,
Царапай лапкой больно,
У ног твоих я твой, я твой —
Ты киска — и довольно.

Готов я все мучения
Терпеть, как в стары годы,
От гибкого творения
Из кошачьей породы.
Пусть вечно когти разгляжу,
Лишь подойду я близко.
Я по тебе с ума схожу,
Прелестный друг мой — киска!

(6 февраля 1858, Città dei Fiori)

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЙ

1822—1862

* * *

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в неё: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовью своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует..
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне её придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеётся...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

(1844)

ТЫ ПЕЧАЛЬНА

Кому-то

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...
Так и слезы молодые
Улетают навсегда.
Словно росы полевые —
Знает бог один — куда.

Развекает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

(30 июля 1857, С. Кораллово)

{Из Г. Гейне}

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль,
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно к тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

(1859)

ЗАЧЕМ?

Зачем ты мне приснилася,
Красавица далекая,
И вспыхнула, что в полуме,
Подушка одинокая?

Ох, сгинь ты, полуночица!
Глаза твои ленивые,
И пепел кос рассыпчатый,
И губы горделивые —

Все наяву мне снилося,
И все, что греза вешняя,
Умчалось, — и на сердце
Легла потьма кромешная...

Зачем же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынет вместе с грезой
Подушка одинокая?..

(1861)

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПАЛЬМ

1822—1885

* * *

Напрасно прозрачные глазки твои
Твердят о блаженстве любви.
Заглохшее сердце, молю, не тревожь
В нем звуков былых не найдешь...

Пустые желанья и грезы страстей
Души не волнуют моей.
Испытан иною тяжелой борьбой
С моей безотрадной судьбой.

Забыл я порывы к немym небесам,
К воздушным и светлым мечтам...
Но память про вольную юность мою,
Как грустную тайну, люблю.

ЮЛИЯ ВАЛЕРИАНОВНА ЖАДОВСКАЯ

1824—1883

* * *

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь;
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Без радостей, жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

(1844)

* * *

Я все еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я все еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него создателя молю.

(1846)

ВЗГЛЯД

Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд! —
Он предо мной горит неотразимо:
В нем счастья блеск, в нем чудной страсти яд,
Огонь тоски, любви невыразимой.
Он душу мне так сильно волновал,
Он новых чувств родил во мне так много,
Он сердце мне надолго оковал
Неведомой и сладостной тревогой!

(1847)

* * *

Любви не может быть меж нами:
Её мы оба далеки;
Зачем же взглядами, речами
Ты льешь мне в сердце яд тоски?

Зачем тревогою, заботой
С тобой полна душа моя?
Да, есть в тебе такое что-то,
Чего забыть не в силах я;

Что в день печали, в день разлуки
В душе откликнется не раз,
И старые пробудит муки,
И слезы вызовет из глаз.

(1848)

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН

1824—1861

* * *

Как мне легко, как счастлив я в тот миг,
Когда, мой друг, речам твоим внимаю
И кроткую любовь в очах твоих,
Задумчивый, внимательно читаю!
Тогда молчит тоска в моей груди
И нет в уме холодной укоризны.
Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!
Зато, когда один я остаюсь
И о судьбе грядущей размышляю,
Как глубоко я грусти предаюсь,
Как много слез безмолвно проливаю!

(1850)

* * *

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебе меня любить.
Беспечный мир твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебе ль, с младенчества не знавшей огорчений,
Со мною об руку идти одним путем,
Глядеть на зло и грязь и гаснуть за трудом,
И плакать, может быть, под бременем лишений,
Страдать не день, не два — всю жизнь свою страдать!..
Но где ж на это сил, где воли нужно взять?
И что тебе в тот час скажу я в оправданье,
Когда, убитая и горем и тоской,
Упреком мне и горькою слезой
Ответишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себе не мог бы я простить...
Но кто ж меня бесчувствию научит
И, наконец, заставит позабыть
Все, что меня и радует и мучит,
Что для меня, под холодом забот,
Под гнетом нужд, печали и сомнений, —
Единая отрада и оплот,
Источник дум, надежд и песнопений?..

(1853)

* * *

Уж не я ли тебя, милая, упрашивал,
Честью, ласкою, как друга, уговаривал:
«Позабудь меня — ты после будешь счастлива,
Обвенчают нас — ты вспомнишь волю девичью.

У меня зимой в избушке сыро, холодно,
Мать-старуха привередлива, причудлива,
Сестры злы, а я головушка разгульная,
Много горя ты со мною понатерпишься».

Ты не верила, сквозь слезы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
«Не покинь меня, надежда, все я вынесу,
При тебе и злое горе будет радостью...»

Уж на что ж теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовок горько плакаться?
Не они тоски-кручины тебе придали —
Что трава от ветра, от меня ты высохла.

Разлюбил я друга, как — и сам не ведаю!
Ноет мое сердце, разума не слушает:
О тебе печалюсь, об иной я думаю,
Ты вся сокрушилась, — весь и я измучился!

(1854, январь 1855)

* * *

Пошутила я — и другу слово молвила:
«Не ходи ты темной ночью в наш зеленый сад:
Молодой сосед догадлив, он дознается,
Быль и небыль станет всем про нас рассказывать».

Милый друг мой, что ненастный день, нахмурился,
Не подумал и ответил мне с усмешкою:
«Не молвы людской боишься ты, изменница,
Верно, видеться со мною тебе не любо».

Вот неделя — моя радость не является,
Засыпаю — мне во сне он, сокол, видится,
Просыпаюсь — мне походка его чудится,
Вспомню речь его — все сердце разрывается.

Для чего же меня, друг мой, ты обманывал,
Называл душою, дорогою радостью?
Покидая радость, ты слезы не выронил
И с душой расстался, что с заботой скучною.

Не виню я друга, на себя и плачуся:
Уж зачем его я слушала, лелеяла?
Полюбить умела лучше милой матери,
Позабыть нет сил, разлюбить — нет разума.

(19 января 1855)

* * *

Чуть сошлись мы — друг друга узнали.
Ваши речи мне в душу запали,
Но, увы! не услышать мне их,
Не услышать мне звуков родных.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встретился с вами,
Расстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы бог весть куда!

Вот как жизнь иногда бестолкова!
Вот как доля глупа и сурова!
Уж как ляжет она на плечах —
Белый свет помутится в глазах!

(Май (?) 1856)

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЛЕЩЕЕВ

1825—1893

ЗВУКИ

Не умолкай, не умолкай!
Отрадны сердцу эти звуки,
Хоть на единый миг пускай
В груди больной задремлют муки.

Волненья прошлых, давних дней
Мне песнь твоя напоминает;
И льются слезы из очей,
И сладко сердце замирает...

И мнится мне, что слышу я
Знакомый голос, сердцу милый;
Бывало, он влечет меня
К себе какой-то чудной силой;

И будто снова предо мной
Спокойный, тихий взор сияет
И душу сладостной тоской,
Тоской блаженства наполняет...

Так пой же! Легче дышит грудь,
И стихли в ней сомненья муки...
О, если б мог когда-нибудь
Я умереть под эти звуки!

(1846)

ЭЛЕГИЯ

(На мотив одного французского поэта)

Да, я люблю тебя, прелестное создание,
Как бледную звезду в вечерних облаках,
Как розы аромат, как ветерка дыханье,
Как грустной песни звук на дремлющих водах;

Как грезы я люблю, как сладкое забвенье
Под шепот тростника на берегу морском, —
Без ревности, без слез, без жажды упоенья:
Любовь моя к тебе — мечтанье о былом...

Гляжу ль я на тебя, прошедшие волненья
Приходят мне на ум, забытая любовь
И все, что так давно осмеяно сомненьем,
Что им заменено, что не вернется вновь.

Мне не дано в удел беспечно наслаждаться:
Передо мной лежит далекий, скорбный путь;
И я спешу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на миг душой от скорби отдохнуть.

(1846)

* * *

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачного былого
Из книги жизни вырвать мог!

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь —
Он примет скорбное моление
И, ниспослав мне искупление,
К добру меня направит вновь,

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

(Октябрь 1857)

МОЛЧАНИЕ (Из М. Гартмана)

Ни слова, о друг мой, ни вздоха...
Мы будем с тобой молчаливы...
Ведь молча над камнем могильным
Склоняются грустные ивы...

И только склонившись, читают,
Как я, в твоём взоре усталом,
Что были дни ясного счастья,
Что этого счастья — не стало!

(1861)

* * *

Тебе обязан я спасеньем
Души, измученной борьбой,
Твоя любовь — мне утешеньем,
Твои слова — закон святой!
Ты безотрадную темницу
Преобразила в рай земной,
Меня ты к жизни пробудила
И возвратила мне покой.
Теперь я снова оживился,
Гляжу вперед теперь смелей,
Мне в жизни новый путь открылся,
Идти по нем спешу скорей!

(1879)

МИХАИЛ ЛАРИОНОВИЧ МИХАЙЛОВ

1829—1865

НА ПУТИ

За туманами потух
Свет зари вечерней;
Раздражительнее слух,
Сердце суеверней.

Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой;
Но душа полна тобой —
Как святой молитвой.

(Май 1856)

* * *

Ведь только строчка лишь одна,
Узнать, что ты жива,
Что ты здорова и ясна;
Всего лишь слова два —

И все вокруг меня светло,
И счастлив я опять,
И все, что бременем легло,
Могу я презирать.

(1863 или 1864(?))

* * *

Всегда, везде ты, друг, со мной,
Пока гляжу на свет.
В моей душе любви к одной
Тебе утраты нет!

Все, чем живу, что есть в душе
Святых и чистых грез,
Не ты ли, светлый гений мой,
Для жизни мне принес!

(1863 или 1864 (?))

* * *

Идут года, но все сильнее любовь;
И думаешь — пора уgomониться.
Но сердце любит с прежней страстью
И хочет воротить всю негу,
Которая одним воспоминаньем
Все сердце жжет.

(1863 или 1864)

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ КУРОЧКИН

1831—1875

* * *

Мчит меня в твои объятья
 Страстная тревога, —
И хочу тебе сказать я
 Много, много, много.

Но возлюбленной сердечко
 На ответы скупю.
И глядит моя овечка
 Глупо, глупо, глупо.

На душе мороз трескучий,
 А на щечках розы —
И в глазах, на всякий случай,
 Слезы, слезы, слезы.

(1856)

В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
 Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
 Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
 Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
 Я встретиться могла!

(1856)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнет мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.
Мы поглупеем, как все, в свой черед,
А уж любовь не придет, не придет!
 Нет, уж любовь не придет!

В зрелых умом, скудных чувствами летах
Тьму новостей прочитаем в газетах:
Про наводнения, пожары, войну,
Про отнятую у горцев страну,
Скотский падеж и осушку болот —
А уж любовь не придет, не придет!
 Нет, уж любовь не придет!

Будем, как все люди добрые, жить;
Будем влюбляться, не будем любить —
Ты продашь сердце для партии громкой,
С горя и я заведусь экономкой...
Та старика под венец поведет...
А уж любовь не придет, не придет!
 Нет, уж любовь не придет!

Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;
Общие сны будут сниться обоим;
Разум обманем и сердце закроем —
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет —
 Нет, уж любовь не придет!

(1857)

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ СЛУЧЕВСКИЙ

1837—1904

* * *

Рано, рано! Глаза свои снова закрой
И вернись к неоконченным снам!
Ночь, пришлец-великан, разлеглась над землей;
В поле темень и мрак по лесам.

Но когда — ждать недолго — час утра придет,
Обозначит и холм, и межу,
Засверкают леса, — великан пропадет, —
Я тебя разбужу, разбужу...

(1876)

* * *

Возьмите все — не пожалею!
Но одного не дам я взять —
Того, как счастлив был я с нею,
Начав любить, начав страдать!

Любви роскошные страницы —
Их дважды в жизни не прочесть,
Как стае странствующей птицы
На то же взморье не присесть.

Другие волны, нарождаясь,
Дадут отлив других теней,
И будет солнце, опускаясь,
На целый длинный год старей.

А птицам в сроки перелетов
Придется убыль понести,
Убавить путников со счетов
И растерять их по пути...

(1884)

* * *

Не погасай хоть ты, — ты, пламя золотое,
Любви негаданной последний огонек!
Ночь жизни так темна, покрыла все земное,
Все пусто, все мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильнее любви сиянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне все равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, — не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет..
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь — мечта,

Как тысячи других, мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

(1887)

* * *

Не знал я, что разлад с тобою,
Всю жизнь разбивший пополам,
Дохнет неожиданной теплотою
Навстречу поздним седидам.

Да!.. Я из этого разлада
Познал, что значит тишина, —
Как велика её отрада
Для тех, кому она дана...

Когда б не это, — без сомненья,
Я, даже и на склоне дней,
Не оценил бы единенья
И счастья у чужих людей.

Теперь я чувства те лелею,
Люблю, как ландыш — близость мхов,
Как любит бабочка лилею —
Заметней всех других цветов.

(1898)

* * *

Всегда, всегда несчастлив был я тем,
Что все те женщины, что близки мне бывали,
Смеялись творчеству в стихах! Был дух их нем
К тому, что мне мечтанья навевали.

И ни в одной из них нимало, никогда
Не мог я вызывать отзывчивых мечтаний...
Не к ним я, радостный, спешил в тот час, когда
Являлся новый стих счастливых сочетаний!

Не к ним, не к ним с новинкой я спешил,
С открытою, еще дрожавшею душою,
И приносил цветок, что сам я опылил,
Цветок, дымившийся невысохшей росой.

(1900)

* * *

Упала молния в ручей,
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

(1901)

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ТРЕФОЛЕВ

1839—1905

В ГЛУХОМ САДУ

Пусть в вальсе игривом кружится
Гостей беззаботных толпа —
Хочу я в саду освежиться,
Там есть невидимка-тропа.
По ней в час последней разлуки
Я тихо и робко иду...
Гремят соловьиные звуки
В глухом саду.

Гремят соловьиные звуки...
В саду мы блуждаем одни.
Пожми горячее мне руки,
Головку стыдливо склони!
Под пологом северной ночи,
Не видя грядущей беды,
Пусть светят мне милые очи,
Как две звезды.

Пусть светят мне милые очи,
Пусть громче свистит соловей!
Лицо мне, под сумраком ночи,
Косой шелковистой обвей!
Не видят нас звезды, мигая
Миллионами радужных глаз...
Еще поцелуй, дорогая,
В последний раз!

Еще поцелуй, дорогая,
Под вальс и под трель соловья!
И я, от тебя убегая,
Сокроюсь в чужие края.
Там вспомню приют наш убогий
И светлые наши мечты.
Пойдем мы неровной дорогой —
И я, и ты.

Пойдем мы неровной дорогой
На жизненном нашем пути...
Ты издали с нежной тревогой
Тернистый мой путь освети.
Забудешь ты старое горе,
Но вальс и певца-соловья
Мы оба забудем не вскоре,
Ни ты, ни я.

Мы оба забудем не вскоре,
Как шли невидимкой-тропой,
Как в темном саду на просторе
Смеялись над жалкой толпой.
Пора! Наступил час разлуки...
Мне слышится в чудном бреду:
Гремят соловьиные звуки
В глухом саду.

(1894)

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АПУХТИН

1840—1893

РАСЧЕТ

Я так тебя любил, как ты любить не можешь:
Безумно, пламенно... с рыданием немым.
Потухла страсть моя, недуг неизлечим, —
Ему забвеньем не поможешь!

Все кончено... Иной я отдаюсь судьбе,
С ней я могу идти бесстрастно до могилы;
Ей весь избыток чувств, ей весь остаток силы,
Одно проклятие — тебе.

(6 июня 1858)

* * *

Когда любовь охватит нас
Своими крепкими когтями,
Когда за взглядом гордых глаз
Следим мы робкими глазами,
Когда не в силах превозмочь
Мы сердца мук и, как на страже,
Повсюду нас и день и ночь
Гнетет все мысль одна и та же;
Когда в безмолвии, как тать,
К душе подкрадется измена, —
Мы рвемся, ропщем и бежать
Хотим из тягостного плена.
Мы просим воли у судьбы,
Клянем любовь — приют обмана,
И, как восставшие рабы,
Кричим: «Долой, долой тирана!»

Но если боги, вняв мольбам,
Освободят нас от неволи,
Как пуст покажется он нам,
Спокойный мир без мук и боли.
О, как захочется нам вновь
Цепей, давно проклятых нами.
Ночей с безумными слезами
И слов, сжигающих нам кровь...
Промчатся дни без наслажденья,
Минуют годы без следа,
Пустыней скучной, без волненья
Нам жизнь покажется...

.....Тогда,
Как предки наши, мы с гонцами
Пошлем врагам такой привет:

«Обильно сердце в нас мечтами,
Но в нем теперь порядка нет,
Придите княжити над нами...»

(1870-е годы)

* * *

Мне не жаль, что тобою я не был любим, —
Я любви не достоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим, —
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим и к слезам, и к мольбам
Оставалась ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил, —
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

(1870-е годы)

ЛЮБОВЬ

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла.
Дала мне счастье без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской;

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль — и в блеске новом
В душе светила моя!

Я все забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить её не смею
И не могу её проклясть.

(1872)

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

(1876)

Письмо у ней в руках. Прелестная головка
Склонилась над ним; одна в ночной тиши,
И мысль меня страшит, что, может быть, неловко
И грустно ей читать тот стон моей души...

О, только б ей прожить счастливой и любимой,
Не даром ввериться пленительным мечтам...
И помыслы мои всю ночь неудержимо,
Как волны Волхова, текут к её ногам...

(21 сентября 1884)

* * *

Два сердца любящих и чающих ответа
Случайно встретились в пустыне черствой света,
Но долго робостью томились они.
И вечной суетой наполненные дни,
И светской черни суд, без смысла, без пощады,
Им клали на пути тяжелые преграды;
И, словно нехотя, в тиши полей пустых
С рыданьем вырвалась святая тайна их.
С тех пор помчались дни, как сон волшебный, странный,
Преграды рушились, и близок день желанный,
Когда прекрасный сон не будет больше сном...

И ночи целые я думаю о нем,
Об этом близком дне... В тумане ожидания
Грядущего еще не ясны очертанья,
И страстно допросить хочу я у судьбы:
Грозят ли им часы сомнений и борьбы,
Иль ждет их долгое, безоблачное счастье?
Душа моя полна тревоги и участия;
Порою злая мысль, подкравшись в тишине,
Змеиным языком нашептывает мне:
«Как ты смешон с твоим участием глубоким!
Умрешь ты, как и жил, скитальцем одиноким,
Ведь это счастье чужое, не твое!»

Горька мне эта мысль, но я гоню её
И радуюсь тому, что счастье чужое
Мне счастья моего милей, дороже вдвое!

(8 декабря 1884)

ИВАН ЗАХАРОВИЧ СУРИКОВ

1841—1880

* * *

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде,

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растёт высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась..

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

(1864)

Не проси от меня
Светлых песен любви;
Грустны песни мои,
Как осенние дни!

Звуки их — шум дождя,
За окном ветра вой;
То рыданья души,
Стоны груди больной.

(1869)

АРСЕНИЙ АРКАДЬЕВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

1848—1913

* * *

Снилось мне утро лазурное, чистое,
Снилась мне родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свежесть и юность моя невозвратная...

Снилось мне, будто иду я дорогою —
Ярче и ярче восток разгорается;
Сердце полно предрассветной тревогою,
Сердце от счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческим лепетом
Мне отвечают на чувство приветное;
Шепчут уста с умилением и трепетом
Имя любимое, имя заветное!..

(1884)

* * *

День кончен, ночь идет: страшусь я этой ночи!
Я знаю: тихий сон в приют мой не слетит,
И будет мрак её смотреть мне прямо в очи,
И тишина её со мной заговорит.

О чем заговорит? Какой коснется раны
В заветном тайнике души моей больной?
Какие озарит в ней бездны и туманы?
Какие призраки поставит предо мной?

Что вновь она создаст? Что прежнее разрушит?
В какую глубину свой бросит взор немой?
Всё — тайна в ней! Но страх томит меня и душит!
Пред этой шепчущей и зрячей темнотой.

О сон, покрой меня ревнивыми крылами!
О бред, зажги вокруг победные лучи!
Явись, желанный лик, и стань перед очами,
Чтоб тьмы мне не видать... О ночь, молчи, молчи!

(1894)

* * *

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.
Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... И звук её слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Краткой песни потеряны звуки;
Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятеж превозмочь.
Жгучий пламень под пеплом таится —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

(1904)

СПИРИДОН ДМИТРИЕВИЧ ДРОЖЖИН

1848—1930

ПЕСНЯ

По дороге вьюга снежная
Крутит, пылью рассыпается,
На леса, поля безбрежные
Словно туча надвигается
И летит путем-дорогою
Над деревнею убогою.

Что мне эта непогодушка,
Холод, зимняя метелица,
Когда ждет меня зазнобушка,
Молодая красна девица,
Ждет, и грудь её кипучая
Вся полна любовью жгучею.

Молодецкой сладкой думою
Бьется сердце одинокое,
Как войду я в ночь угрюмую
На крыльцо её высокое,
Как открою дверь дубовую
И увижу чернобровую.

(1869)

ПЕСНЯ

Не жена ему
Я венчанная,
Да люблю его,
Окаянная.
Для него ли я,
Друга милого,
Дом родной, отца,
Мать покинула.
Без него от слез
Я не вижу дня...
Словно зельем он
Опьянял меня.
По полям весной
Все гулял со мной
До тех пор, пока
Не сходил к другой..
И теперь за ней
Он гоняется,
А со мной, злодей,
И не знается.

(12 февраля 1912)

ПЕСНЯ

Расцвела моя черемуха в саду...
Ныне утром ты шепнула мне: «Приду!
Жди меня, как станет ночь потемней!»
Приходи же, моя радость, поскорей!

Я хочу тебе в последний раз сказать,
Можно ль, милая, мне сватов засылать
И не полно ли украдкою с тобой
Нам сходиться под черемухой густой.

(25 февраля 1915)

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

1853—1900

Бедный друг! истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

(18 сентября 1887)

* * *

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

(Начало сентября 1892)

* * *

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали словно клад, —
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего я свободе не рад?

Ноет сердце, и падают руки,
Все так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

(3 декабря 1892)

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чувствуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

(1892)

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОРОЗОВ

1854—1946

РОМАНС

Ксане

Вот здесь она жила. Склоняются, как прежде,
Вершины старых лип над флигелем пустым.
И, кажется, глядят в окно его, в надежде,
Что снова милый стан появится за ним.

Но нет её в окне. Во флигеле печальном
Давно уже царят покой и тишина,
И шелестом листов, как шепотом прощальным,
Вся парка глубина таинственно полна.

Как грустно без неё!.. Ушло очарование
Любимых с детства мест и теплых летних дней..
Она уж далеко!.. Лишь вечных звезд мерцанье,
Прекрасных, как она, мне говорит о ней.

Немая ночь кругом. Из мглистого тумана
Чуть светится Арктур на синеве небес,
Увижу скоро я восход Альдебарана,
И алая заря охватит дальний лес.

И глянет к ней в окно. Но в комнате унылой
Её уж не найдет в постеле ранний свет,
И облик дорогой, взглянув с улыбкой милой,
Мне больше не пошлет свой утренний привет.

ОБЛАКА

Ксане

На гнейсовой плите — ты помнишь? в час заката
Сидели мы с тобой на берегу Невы.
Тревогой новых чувств душа была объята,
И наблюдали нас лишь Каменные львы.

В тот час в душе твоей исчезли колебанья,
Я за любовь твою был жизнь отдать готов...
О будущем своем мы тайных указаний
Искали в небесах, в фигурах облаков.

А облака неслись толпою золотистой,
И нежно их ласкал последний солнца луч,
Синели кое-где клочки лазури чистой,
Серели, по местам, слои ненастных туч.

И чудилось мне, что небо предвещало
Нам много ясных дней и много гроз и бед.
С тех пор для нас с тобой жизнь новая настала
И все несла она лишь счастье да привет.

Но вот спустилась тень... Я от тебя далеко.
В пустынные края заброшен я судьбой,
И молча я брожу по лесу одиноко,
И вся душа полна ненастьем и тоской.

И снова в облаках ищу я предвещанья...
Что мне сулит судьба в дали грядущих лет.
Когда же, наконец, наступит час свиданья,
И вновь в твоих глазах блеснет ли ясный свет?

А мне в ответ горит с безоблачной лазури
Вечерняя заря багряной полосой,
Весь запад, как в огне, объят дыханьем бури,
И лишь одна звезда чуть блещет надо мной.

* * *

Ксане

Уж ночи летние становятся темнее,
А в сердце у меня все светлые мечты!
Иду ли я с тобой в запущенной аллее,
Вокруг меня — весь мир, а в центре мира — ты!

Повеет ли на нас от поля теплым летом,
И звездочки мелькнут, как взор твой хороши,
Я чувствую: к тебе пришли они с приветом!
Как я тебя люблю, душа моей души!

ИННОКЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ АННЕНСКИЙ

1855—1909

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластьясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала За,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

В МАРТЕ

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших лесах
Ярко-черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она, —
Только раз напоил её март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не смогли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ

Нависнет ли пламенный зной
Иль, пенясь, расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.

Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно-темно,
Сгорая, коснуться друг друга
Одним парусам не дано...

ДВЕ ЛЮБВИ

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и её не станет...
Быть как дым, — но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день..

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной молю ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

МИНУТА

Узорные ткани так зыбки,
Горячая пыль так бела, —
Не надо ни слов, ни улыбки:
Останься такой, как была;

Останься неясной, тоскливой,
Осеннего утра бледней
Под этой поникшею ивой,
На сетчатом фоне теней...

Минута — и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листы,
Минута — и сердце, проснувшись,
Увидит, что это — не ты...

Побудь же без слов, без улыбки,
Побудь точно призрак, пока
Узорные тени так зыбки
И белая пыль так чутка...

ЕГОР ЕФИМОВИЧ НЕЧАЕВ

1859—1925

* * *

Хоть ты уже не та, что в годы молодые,
На утре светлых дней промчавшейся весны:
Угас румянец щек, и очи голубые
Былых волшебных чар навеки лишены.
Высокое чело изрезали морщины,
Согнулся гибкий стан, и локон черный твой
Покрыли серебром глубокие кручины,
Речь гордая звучит болезненной тоской.
Хоть/ты уже не та... но все же в час свиданья
Случайного с тобой на склоне наших дней
Отрадно вспомнить минувшие страданья
За вольное житьё, за лучшее людей...
И мысленно идти по избранной дороге,
Где ожидали нас и подвиг и гроза:
Сильнее дышит грудь от радостной тревоги,
И искрятся росой весеннею глаза...

(1894)

ПЕТР ФИЛИППОВИЧ ЯКУБОВИЧ

1860—1911

* * *

Я так люблю тебя, что если солнца луч
С горячей ласкою твой милый лик осветит,
Когда, бродя по гребням сизых туч,
Волшебный свет очей твоих заметит, —
Твою любовь, заветный сердца клад,
Я даже с солнцем разделить не рад!

Когда ж порой касается небрежно
Любимых рук нечистая рука,
А ты глядишь доверчиво и нежно,
Ко всем добра и всякому близка, —
О, если б знала ты, какое в то мгновенье
Кипит в душе моей безумье и смятенье!

Друг милый мой! Не золотой чертог
Построю я тебе, моей царице-фее:
Я с музою моей сплету тебе венки,
Цветов нарядней и свежее, —
И в том венке, рука с моей рукой,
Иди со мной, умри со мной!..

(22 октября 1883)

* * *

Не счастье я тебе принес —
О нет! я это знаю, знаю:
Я каждый день твой отравляю
Отравой незримых слез...
Ты плакать, гордая, не стала б,
Хотя б на казнь, на пытку шла;
Никто твоих не слышал жалоб,
Не видел хмурого чела^
Цепями нас судьба сковала:
Ни вдаль меня умчавший вал,
Освирепев, их не порвал,
Ни ты сама их не порвала!
Не раз, любовь мою прокляв,
Рвалась на волю ты со злобой —
И вновь, к груди моей припав,
Клялась любить меня до гроба!

(22 октября 1884)

* * *

Здесь наконец ты, родная, — со мной!..
Горы да горы... Под снегом поляны...
Море холмов под волшебной луной...
Друг мой! не волны ли то великаны,
Волн заколдованных сонм ледяной?

Мы среди них затерялись, родная,
Будто челнок в бесконечности вод.
В мире душа не узнает живая,
Если волна этот челн захлестнет!
Месяц, исполненный грусти и лени,
Тихо дорогой лазурной плывет...
Где эти краски природа берет,
Эти воздушные тоны и тени?
Как прихотливо по синим горам
Сумрак змеится! Как гребни блистают!
Что же дрожишь ты? Зачем улетают
Думы больные к далеким полям?

Небо глядит величаво, бесстрастно,
Дикой сияет земля красотой...
Прелести нет в ней знакомой, родной, —
Смотришь, дивишься — а сердце безгласно!
Тихо, так тихо, что робость берет:
С родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Криком иль стоном, — он здесь и умрет!

(1894)

* * *

Как солнце, мне твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело — я пытку забываю..
Но тверже и острее я лезвия не знаю,
Чем блеск очей твоих перед лицом врага.

То — оскорбленная души твоей святыня
Глядит, безмолвная, как гордая звезда...
Я, втайне умилен, тебе молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь, как богиня!

(1905)

СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ НАДСОН

1862—1887

* * *

В тот тихий час, когда неслышными шагами
Немая ночь взойдет на трон свой голубой
И ризу звездную расстелет над горами, —
Незримо я беседую с тобой.

Душой растроганной речам твоим внимая,
Я у тебя учусь и верить и любить,
И чудный гимн любви — один из гимнов рая
В слова стараюсь перелить.

Но жалок робкий звук земного вдохновенья:
Бессилен голос мой, и песнь моя тиха,
И горько плачу я — и диссонанс мученья
Врывается в гармонию стиха.

(1879)

* * *

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в её крест побеждающий,
В её свет, лучезарно спасающий,
Мир, погрязший в грязи и крови,
Верь в великую силу любви!

(1882)

ИЗ ПЕСЕН ЛЮБВИ

Не гордым юношей с безоблачным челом,
С избытком сил в груди и пламенной душою, —
Ты встретила меня озлобленным бойцом,
Усталым путником под жизненной грозой.
Не торопись же мне любовь свою отдать,
Не наряжай меня в цветы твоих мечтаний, —
Подумай, в силах ли ты без конца прощать,
Не испугаешься ль грядущих испытаний?

Дитя мое — ведь ты еще почти дитя,
Твой смех так серебрист и взор так чудно ясен,
Дитя мое, ты в мир глядишь еще шутя,
И мир в очах твоих и светел и прекрасен;
А я, — я труп давно... Я рано жизнь узнал,
Я начал сердцем жить едва не с колыбели,
Я дерзко рвался ввысь, где светит идеал, —
И я устал... устал... и крылья одряхтели.

Моя любовь к тебе — дар нищего душой,
Моя любовь полна отравой сомненья;
И улыбаюсь я на взгляд твой, как больной,
Сознав, что смерть близка, — на речи ободренья.
Позволь же мне уйти, не поднимая глаз
На чистый образ твой, стоящий предо мною, —
Мне стыдно заплатить за царственный алмаз
Стеклом, оправленным дешевой мишурою!..

(1883)

* * *

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле — наслаждения рая!..
Поцелуй — первый шаг к охлажденью: мечта
И возможной и близкою стала;
С поцелуем роняет венок чистота,
И кумир низведен с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает..
Светлый храм в сладострастный гарем обращен.
Смолкли звуки священных молений,
И греховно-пылающий жрец распален
Знойной жаждой земных наслаждений.
Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,
Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнаженным бесстыдной рукою..
Дальше — миг наслажденья, и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны бывшего..
Праздник чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

(1883)

* * *

Любви, одной любви! Как нищий подаянья,
Как странник, на пути застигнутый грозой,
У крова чуждого молящий состраданья,
Так я молю любви с тревогой и тоской.

(1884)

Не принесет, дитя, покоя и забвенья
Моя любовь душе проснувшейся твоей:
Тяжелый труд, нужда и горькие лишенья —
Вот что нас ждет в дали грядущих наших дней!
Как сладкий чад, как сон обманчиво-прекрасный,
Развею я твой мир неведенья и грез,
И мысль твою зажгу моей печалью страстной,
И жизнь твою умчу навстречу бурь и гроз!
Из сада, где вчера под липою душистой
Наш первый поцелуй раздался в тишине,
Когда румяный день, и кроткий и лучистый,
Гас на обрывках туч в небесной вышине,
Из теплого гнезда, от близких и любимых,
От мирной праздности, от солнца и цветов
Зову тебя для жертв и мук невыносимых
В ряды истерзанных, озлобленных борцов.
Зову тебя на путь тревоги и ненастья,
Где меры нет труду и счету нет врагам!..
Тупого, сытого, бессмысленного счастья
Не принесу я в дар сложить к твоим ногам.
Но если счастье — знать, что друг твой не изменит
Заветам совести и родины своей,
Что выше красоты в тебе он душу ценит,
Её отзывчивость к страданиям людей, —
Тогда в моей груди нет за тебя тревоги,
Дай руку мне, дитя, и прочь минутный страх:
Мы будем счастливы, — так счастливы, как боги
На недоступных небесах!..

(Декабрь 1885)

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ФОФАНОВ

1862—1911

* * *

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

(Июнь 1885)

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали" листы изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжался тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

(Декабрь 1885)

* * *

Исполнен горького упрёка
За злую повесть прежних лет,
За сон безумства и порока,
Я на её гляжу портрет.

Я вновь люблю, страдая страстно,
И на меня, как в день обид,
Она взирает безучастно
И ничего не говорит.

Но к ней прикованный случайно,
Я не свожу с неё очей...
В её молчаньи скрыта тайна,
А в тайне — память прошлых дней..

(Октябрь 1886)

* * *

Печально верба наклоняла
Зеленый локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.

Сияло небо необъятно,
И в нем, как стая легких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.

Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска,

И мне хотелось в то мгновенье
Живою песнью воскресить
Всё перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..

(1887)

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!

Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...

Все тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;

Ты села к роялю небрежно,
И все, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятежно,
Все в звуки любви облекла;

Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..

(Август 1891)

* * *

Мы любим, кажется, друг друга,
Но отчего же иногда
От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?

Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?

(Сентябрь 1891)

* * *

Прошла любовь, прошла гроза,
Но грусть живей меня тревожит.
Еще слеза, одна слеза,
Еще — последняя, быть может.

А там — покончен с жизнью счет,
Забуду все, чем был когда-то;
И я направлю свой полет
Туда, откуда нет возврата!

Пусть я умру, лишенный сил,
Не все кончина уничтожит.
Узнай, что я тебя любил,
Как полюбить никто не может!

С последней песнею любви
Я очи грустные смежаю...
И ты мой сон благослови,
Как я тебя благословляю!

(1900)

ФЕДОР КУЗЬМИЧ СОЛОГУБ

1863—1927

* * *

Ты печально мерцала
Между ярких подруг
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И, молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

(26 марта 1897)

Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажжённое кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришёл земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засиял предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась.
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

(1 октября 1898)

* * *

Твоя любовь — тот круг магический,
Который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.

Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнем.
Неистошимо неусталое
Пыланье дивное — мы вместе в нем.

Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймешь, как утомление
Безмерно сильным делает меня.

(11 июля 1920)

* * *

Любви неодолима сила.
Она не ведает преград,
И даже то, что смерть скосила,
Любовный воскрешает взгляд.

Светло ликует Евридика,
И ад её не полонит,
Когда багряная гвоздика
Ей близость друга возвестит,

И не замедлит на дороге,
И не оглянется Орфей,
Когда в стремительной тревоге
С земли нисходит он за ней.

Не верь тому, что возвестили
Преданья темной старины,
Что есть предел любовной силе,
Что ей ущербы суждены.

Хотя лукавая Психея
Запрету бога не вняла
И жаркой струйкою еля
Плечо Амуру обожгла.

Не улетает от Психеи
Крылатый бог во тьме ночей.
С невинной белизной лилеи
Навеки сочетался змей.

Любви неодолима сила.
Она не ведает преград.
Её и смерть не победила,
Земной не устрашает ад.

Альдонса грубая сгорает,
Преображенная в любви,
И снова Дон-Кихот вещает:
«Живи, прекрасная, живи!»

И возникает Дульцинея,
Горя, как юная заря,
Невинной страстью пламенея,
Святой завет любви творя.

Не верь тому, что возвестили
Преданья, чуждые любви.
Слагай хвалы державной силе
И мощь любви благослови.

(3 мая 1921)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ

1866—1949

ЛЮБОВЬ

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела.

Мы — два коня, чьи держит удила
Одна рука, — одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы — двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы Сфинкс единый оба.
Мы — две руки единого креста.

(1901)

ЗАРЯ ЛЮБВИ

Как, наливаясь, рдяной плод
Полдневной кровию смуглеет,
Как в брызгах огненных смелеет,
Пред близким солнцем небосвод, —

Так ты, любовь, упреждена
Зарей души, лучом-предтечей.
Таинственно осветлена.
На солнце зарится она,
Пока слепительною встречей
Не обомрет — помрачена.

(1906)

СЛАВЯНСКАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ

М. А. Бородаевской

Как речь славянская лелеет
Усладу жён! Какая мгла
Благоухает, лунность млеет
В медлительном глагольном *ла*!

Воздушной лаской покрывала,
Крылатым обаяньем сна
Звучит о женщине: *она*,
Поёт о ней: *очаровала*.

(1910)

СЧАСТЬЕ

Солнце, сияя, теплом излучается:
Счастливо сердце, когда расточается.

Счастлив, кто так даровит
Щедрой любовью, что светлому чается,
Будто со всем он живым обручается.
Счастлив, кто жив и живит.

Счастье не то, что годиною случается
И с мимолетной годиною кончается:

Счастья не жди, не лови.
Дух, как на царство, на счастье венчается,
В счастье, как в солнце, навек облачается:
Счастье — победа любви.

(20 июня 1917)

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

1867—1942

БЕАТРИЧЕ

Сонет

Я полюбил тебя, лишь увидал впервые.
Я помню, шел кругом ничтожный разговор,
Молчала только ты, и речи огневые,
Безмолвные слова мне посылал твой взор.

За днями гасли дни. Уж год прошел с тех пор.
И снова шлет весна лучи свои живые,
Цветы одели вновь причудливый убор.
А я? Я все люблю, как прежде, как впервые.

И ты по-прежнему безмолвна и грустна.
Лишь взор твой искрится и говорит порою.
Не так ли иногда владычица-луна

Свой лучезарный лик скрывает за горою, —
Но и за гранью скал, склонив свое чело,
Из тесной темноты она горит светло.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг:
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

ПОЗДНО

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов угрюмых
Был таинственен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам — поздно.

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзвучало
Без блаженных исступлений.

И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в наших думах
Было поздно, поздно, поздно.

* * *

Она отдалась без упрёка,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

КАК НОЧЬ

Она пришла ко мне, молчащая, как ночь,
Глядящая, как ночь, фиалками-очами,
Где росы кроткие звездились лучами,
Она пришла ко мне — такая же точь-в-точь,
Как тиховейная, как вкрадчивая ночь.

Её единый взгляд проник до глубины тайной,
Где в зеркале немом — мое другое я,
И я — как лик ея, она — как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью и тайной.

ПОЛИКСЕНА СЕРГЕЕВНА СОЛОВЬЕВА

(Allegro)

1867—1924

* * *

Мы живём и мертвеем,
Наше сердце молчит.
Мы понять не умеем,
Что нам жизнь говорит.

Отчего мы стыдимся
Слов нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видеть вещие сны?

Наша радость застыла
В темноте и пыли,
Наши мысли покрыла
Паутина земли.

Но душой неусталой
Мы должны подстеречь
Для любви небывалой
Небывалую речь.

(1903)

В ОСЕННЕМ САДУ

Тишина золотовейная в осеннем саду,
Только слышно, как колотят бельё на пруду,
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чьё-то сердце тихо с сердцем моим.

(1908)

ДАНИИЛ МАКСИМОВИЧ РАТГАУЗ

1868—1937

* * *

Мы сидели с тобой у заснувшей реки.
С тихой песней проплыли домой рыбаки.
Солнца луч золотой за рекой догорал...
И тебе я тогда ничего не сказал.

Загремело вдали — надвигалась гроза.
По ресницам твоим покатилась слеза.
И с безумным рыданьем к тебе я припал...
И тебе ничего, ничего не сказал.

И теперь, в эти дни, я, как прежде, один.
Уж не жду ничего от грядущих годин.
В сердце жизненный звук уж давно отзвучал..
Ах, зачем я тебе ничего не сказал!

(1893)

В ЭТУ ЛУННУЮ НОЧЬ

В эту лунную ночь, в эту дивную ночь,
В этот миг благодатный свиданья,
О мой друг! я не в силах любви превозмочь,
Удержать я не в силах признанья.

В серебре чуть колыхнется озера гладь,
Наклонясь, зашептались ивы...
Но бессильны слова! — как тебе передать
Истомленного сердца порывы?

Ночь не ждет, ночь летит. Закатилась луна,
Заалело в таинственной дали...
Дорогая! прости, — снова жизни волна
Нам несет день тоски и печали.

(1893)

* * *

Обмани мою душу усталую,
Беспокойную душу мою,
И под ласку твою запоздалую
Я тебе о любви пропою.

Под волшебными счастья картинами
Хлынут в грудь тихой неги струи...,
И сольются с устами невинными
Помертвелые губы мои.

Ты зажжешь своим чистым дыханием
Отснявших желаний огни...
Хоть минутным, но пылким признанием
Обмани ты меня, обмани!

(1906)

МИРРА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОХВИЦКАЯ

1869—1905

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Хотела б я свои мечты,
Желанья тайные и грезы
В живые обратить цветы, —
Но... слишком ярки были б розы!

Хотела б лиру я иметь
В груди, чтоб чувства, вечно юны,
Как песни, стали в ней звенеть, —
Но... порвались бы сердца струны!

Хотела б я в минутном сне
Изведать сладость наслажденья, —
Но... умереть пришлось бы мне,
Чтоб не дожидаться пробужденья!

(1889)

УМЕЙ СТРАДАТЬ

Когда в тебе клеймят и женщину, и мать —
За миг, один лишь миг, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой бесстрастья,
Умей молчать!

И если радостей короткой будет нить
И твой кумир тебя осудит скоро
На гнет тоски, и горя, и позора, —
Умей любить!

И если на тебе избрания печать,
Но суждено тебе влачить ярмо рабыни,
Неси свой крест с величием богини, —
Умей страдать!

(1895)

СОПЕРНИЦЕ

Да, верю я, она прекрасна,
Но и с небесной красотой
Она пыталась бы напрасно
Затмить венец мой золотой.

Многоколонен и обширен
Стоит сияющий мой храм;
Там в благовонии кумирен
Не угасает фимиам.

Там я царица! Я владею
Толпою рифм, моих рабов;
Мой стих, как бич, висит над нею
И беспощаден, и суров.

Певучий дактиль плеском знойным
Сменяет ямб мой огневой;
За анапестом беспокойным
Я шлю хореев светлый рой.

И строфы звучною волною
Бегут послушны и легки,
Свивая избранному мною
Благоуханные венки...

Так проходи же! Прочь с дороги!
Рассудку слабому внемли:
Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

О, пусть зовут тебя прекрасной,
Но красота — цветок земной —
Померкнет бледной и безгласной
Пред зазвучавшею струной!

(1896—1898)

ЗАКЛИНАНИЕ

Ты лети, мой сон, лети,
Тронь шиповник по пути,
Отягчи кудрявый хмель,
Колыхни камыш и ель.
И, стряхнув цветенье трав
В чаши белые купав,
Брызни ласковой волной
На кувшинчик водяной.
Ты умчись в немую высь,
Рога месяца коснись,
Чуть дыша прохладой струй,
Звезды ясные задуй.
И, спустясь к отрадной мгле,
К успокоенной земле,
Тихим вздохом не шурши
В очарованной тиши.
Ты не прячься в зыбь полей,
Будь послушней, будь смелей
И, покинув гроздь ржи,
Очи властные смежи.
И в дурмане сладких грез,
Чище лилий, ярче роз,
Воскреси мой поцелуй,
Обольсти и околдуй!

(20 июня 1899)

* * *

Твои уста — два лепестка граната,
Но в них пчела услады не найдет.
 Я жадно выпила когда-то
 Их пряный хмель, их крепкий мед.

Твои ресницы — крылья черной ночи,
Но до утра их не смыкает сон.
 Я заглянула в эти очи —
 И в них мой образ отражен.

Твоя душа — восточная загадка.
В ней мир чудес, в ней сказка, но не ложь.
 И весь ты — мой, весь без остатка,
 Доколе дышишь и живешь.

(1899)

* * *

Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцисс, к волне склоненный, — блеск и холод сонных вод.
Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,
Как поэт — свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, как пламя — однодневки-мотыльки,
От любви изнемогая, изнывая от тоски.
Я люблю тебя, как любит звонкий ветер камыши,
Я люблю тебя всей волей, всеми струнами души.
Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.

(1899)

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

1870—1953

* * *

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

(1896)

* * *

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, —
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

Знаю я — опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне — обмани меня!

(1898)

* * *

Беру твою руку и долго смотрю на неё,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке — все твое бытие,
Я всю тебя чувствую — душу и тело.

Что надо еще? Возможно ль блаженнее быть?
Но ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертную страстью губить,
Уж мчится над нами!

(1898)

* * *

Чашу с темным вином подала мне богиня печали.
Тихо выпив вино, я в смертельной истоме поник.
И сказала бесстрастно, с холодной улыбкой богиня:
«Сладок яд мой хмельной. Это лозы с могилы любви».

(1902)

* * *

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп, — прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвевял на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

(1905)

ЧУЖАЯ

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила —
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?
Сколько в каждом движении
Простоты, красоты!

Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

(1906)

ПЕСНЯ

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду..
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

(1906)

ПЕСНЯ

Зацвела на воле
В поле бирюза.
Да не смотрят в душу
Милые глаза.

Помню, помню нежный,
Безмятежный лен.
Да далеко где-то
Зацветает он.

Помню, помню чистый
И лучистый взгляд.
Да поднять ресницы
Люди не велят.

(1909)

* * *

Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.

Белели стужей облака
Сквозь сад, где падали капли,
Бледна была твоя щека,
И, как цветы, глаза синели.

Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
Но был еще блаженно пуст
Тот дивный мир, где шли мы рядом.

(25 IX 1917)

* * *

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих
Толпились — как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаще —
И вся их чуткая краса,
Весь сон блаженный и дрожащий
Уж мчался молнией в леса!

(26 VIII 1922)

СЛОВАРЬ

Аврора (Рим. миф.)	— богиня утренней зари. Соответствует греческой Эос.
Альдебаран	— звезда в созвездии Тельца.
Амвра (Амбра), амброзия (греч. миф.)	— буквально: «бессмертное», пища и благовонное притирание олимпийских богов; поддерживает их бессмертие и вечную юность.
Амур (Купидон) (рим. миф.)	— божество любви. Соответствует греческому Эроту.
Аргус (Аргос) (греч. миф.)	— стоокий великан; в переносном смысле — зоркий страж.
Арктос	— созвездие Медведицы.
Арктур	— самая яркая в Северном полушарии звезда в созвездии Волопаса.
Атриды (греч. миф.)	— сыновья микенского царя Атрея — Агамемнон и Менелай.
Афродита (греч. миф.)	— богиня любви и красоты. В Риме Афродита почиталась под именем Венеры.
Вакх (Дионис) (греч. миф.)	— бог плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия. Вакханки (менады) — спутницы бога Вакха, украшенные виноградными листьями, плющом.
Воот	— созвездие Водолея.
Гименей (греч. миф.)	— божество брака, сын Диониса и Афродиты. Торжественная песнь в честь новобрачных называлась гименей.
Гурия (хурия)	— в мусульманской мифологии целомудренные девы, вместе с праведниками населяющие Джанну (рай).
Демон (греч. миф.)	— обобщенное представление о некоей неопределенной и неоформленной божественной силе, злой или реже благодетельной, часто определяющей жизненную судьбу человека.
Денница (слав. миф.)	— образ полуденной зари (или звезды).
Евридика (Эвридика) (греч. миф.)	— жена легендарного фракийского певца Орфея.
Зевес (Зевс) (греч. миф.)	— верховное божество, властелин неба и земли, отец богов и людей.
Зефир (греч. миф.)	— обожествленный западный ветер.
Иракл (Геракл) (греч. миф.)	— легендарный герой, совершивший двенадцать подвигов, обладал большой силой духа и ловкостью.
Кадм (греч. миф.)	— легендарный основатель города Фивы в Древней Греции.
Камеры (касмены) (рим. миф.)	— нимфы ручья в посвященной им в Риме у Капенских ворот роще, где они имели небольшое святилище и получали жертвоприношения из воды и молока, были отождествлены с музами.
Купидон (рим. миф.)	— см.: Амур .
Лета (греч. миф.)	— река в царстве мертвых, испив воду которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь.
Мирро	— «благовонное масло, пахучая мазь или душистое маслянистое вещество». (Вл. Даль.)
Мирт	— южный вечнозеленый кустарник с белыми душистыми цветками.

Морфей (греч. миф.)	— крылатое божество, один из сыновей Гипноса (сна). Принимая разные человеческие формы, он является людям во сне.
Мурины	— мавры.
Нимфы (греч. миф.)	— божества, олицетворяющие стихийные силы природы; изображались в виде девушек.
Нирей (греч. миф.)	— «царь острова Накса, сын Харопса и Аглаи, был прекрасней всех, кроме Ахилла». (Примеч. В. Капниста.)
Орион (греч. миф.)	— великан, сын Посейдона, славился как охотник. Был наделен Посейдоном способностью ходить по морю.
Орковы поля (Орк) (рим. миф.)	— божество смерти, а также само царство мертвых. — Соответствует греческому Аиду.
Орфей (греч. миф.)	— певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа.
Пактол	— «лидийская река... впадающая в Эгейское море, между городом Смирною и Фоцеею. Во времена Креза с струями Пактола мешался золотой песок, собиранием которого обогатился сам царь сей». (Примеч. В. Капниста.)
Парки (рим. миф.)	— три богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни.
Пафосские пилигримы	— На острове Пафос в древности было святилище Афродиты, куда стекались пилигримы со всей Греции.
Певец Тиискип	— Анакреонт (ок. 570—478 до н. э.) древнегреческий поэт, автор любовных стихов и застольных песен.
Пери (пэри) (мус. миф.)	— добрая фея, райская дева; переносно — красавица.
Пигмальон (Пигмалион) (греч. миф.)	— легендарный скульптор, царь Кипра, влюбившийся в изваянную им статую Галатеи. Богиня Афродита оживила статую, и Галатея стала женой Пигмалиона.
Психея (греч. миф.)	— олицетворение души, дыхания; изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки.
Сион	— холмистая часть Иерусалима, где, согласно Библии, была резиденция легендарного царя Давида, а также храм верховного иудаистского бога Яхве.
Тантал (греч. миф.)	— сын Зевса, обреченный на вечные мучения.
Тимпан	— древний ударный музыкальный инструмент.
Феб (греч. миф.)	— одно из имен бога Аполлона, покровителя поэзии и искусства.
Фимиам	— благовонное вещество, применяемое при богослужениях.
Хариты (греч. миф.)	— три богини красоты и изящества (Аглая, Ефросина, Талия).
Цевница	— русская многоствольная флейта.
Цитерея (греч. миф.)	— одно из имен Афродиты, которое дано ей по названию греческого острова Цитера, где был распространен её культ.
Эвоз	— восклицание в честь Вакха (см.) на празднествах, посвященных ему.
Эвр (греч. миф.)	— божество юго-восточного ветра.
Эпидавр	— древнегреческий город в Пелопоннесе, культовый центр бога врачевания Асклепия.

- Эреб** (греч. миф.) — персонификация мрака, сын Хаоса и брат Ночи.
- Эригона** (греч. миф.) — дочь афинянина Икария, которого Дионис (см.: Вакх) научил виноделию. В честь Эригоны и Икария ежегодно устраивались празднества.
- Эрот** (греч. миф.) — см.: **Амур**.

Книга вторая.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Любовная лирика русских поэтов.

Москва

«Художественная литература»

1988

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Составление *Л. Озерова*

Оформление художника *А. Озереской*

В сборник «Чудное мгновение» входят лирические стихотворения поэтов XVIII – XX веков.

В первую книгу включены подборки шедевров лирических откровений классиков национальной поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, И. Бунина и отдельные стихотворения менее известных поэтов, многие афористичные строки которых давно уже стали «крылатыми словами». Стихотворения дают достаточно полное представление не только о становлении и развитии этого жанра с точки зрения раскрытия тончайших знаков внутреннего мира лирического «я» поэта, но и отражают проникновение в интимную лирику гражданских мотивов, что позволяет говорить о неповторимом своеобразии нашей отечественной поэзии.

Ч 4702010100 — 29-88
028(01)-88

ISBN 5 – 280 – 00050 – 7

ISBN 5 – 280 – 00049 – 3

© Состав, оформление. Издательство
«Художественная литература», 1988 г.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ

1873—1924

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю», — ты хотела сказать.

3 ноября 1894

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь — палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, -
Играть, блуждать в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. — И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права,
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

* * *

*Odi et amo.
Catullus¹*

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно..
Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг..
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвие,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

¹ *Ненавижу и люблю (лат.). — Катулл.*

Три женщины — белая, черная, алая —
 Стоят в моей жизни. Зачем и когда
 Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
 Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
 И смотрит обманчивой чарой зрачков,
 Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
 За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
 И требует знаком — идти за собой.
 А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
 Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
 Глаза ее — грусть, безнадежность — уста.
 И странно застыла душа онемелая,
 С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины — белая, черная, алая —
 Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
 Что нет, не довольно я плакал, что мало я
 Любовь воспевал! Дни и миги — вперед!

1912

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закат
 Царит на дальнем небосклоне
 И духи пламени хранят
 Воссевшего на алом троне, —
 Вещает он, воздев ладони,
 Смотря, как с неба льется кровь.
 Что сказано в земном законе:
 Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраков проходит ряд
 В простых одеждах и в короне:
 Ромео, много лет назад
 Пронзивший грудь клинком в Вероне;
 Надменный триумвир Антоний,
 В час скорби меч подъявший вновь;
 Пирам и Паоло... В их стоне —
 Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, — безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

1913

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КУЗМИН

1875—1936

ЛЮБВИ УТЕХИ

(К рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж»)

*Plaisir d'amour ne dure qu'un moment.
Chagrin d'amour dure toute la vie ¹.*

Любви утехы длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной,
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! недолго той любви нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, насытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

На том лужке, где вместе мы развились,
Коса скосила мягкую траву;
Венки любви, увы! они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго после в томном жаре нег
Других красавиц звал в бреду Надиной
Любви страданья длятся долгий век,
Любви утехы длятся миг единый.

¹ Наслаждение любви длится лишь мгновенье,
Тоска любви длится всю жизнь (фр.).

1906. Ноябрь

* * *

«Люблю», сказал я не любя —
Вдруг прилетел Амур крылатый
И, руку взявши, как вожатый,
Меня повлек вослед тебя.

С прозревших глаз сметая сон
Любви минувшей и забытой,
На светлый луг, росой омытый,
Меня неожиданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
Я вижу странно, прозревая,
Как алость нежно-заревая
Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
Я вижу краску щек стыдливых
И взгляд очей еще сонливых
И шеи тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
Я жадно пью струи живые —
И снова я люблю впервые,
Навеки снова я влюблен!

1907. Апрель

* * *

О, быть покинутым — какое счастье!
Какой безмерный в прошлом виден свет
Так после лета — зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
Пуškai теперь в пути темно и вязко,
Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
Иной есть путь — пустынен и широк.
О, быть покинутым — такое счастье!
Быть нелюбимым — вот горчайший рок.

1907. Сентябрь

* * *

У всех одинаково бьется,
Но разнo у всех живет,
Сердце, сердце, придется
Вести тебе с небом счет.
Что значит: «сердечные муки»?
Что значит: «любви восторг»?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений налeпит
На слово точный ярлык?
Только слух наш в слове «трепет»
Какой-то трепет ловить привык.
Любовь сама вырастает,
Как дитя, как милый цветок,
И часто забывает
Про маленький, мутный исток.
Не следил ее перемены —
И вдруг... о, боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!
Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки,
Веет родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуи
Лучше не вспоминай.

Я солнце предпочитаю
Зайчику мерклых зеркал,
Как Саул, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ль? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь хОлодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею, —
Лишь рожденный воздухом звук?

1917

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

1877—1932

* * *

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

29 июня 1905, Париж

* * *

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты — слезный свет во тьме железной,
Ты — горький звездный сок. А я —
Я — помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907, Петербург

* * *

Раскрыв ладонь, плечо склонила..
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи
(Быть может, топоты погонь),
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

3 декабря 1910

* * *

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас .
Я полюбил благоговейно
Текучий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

1910

* * *

Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог..
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...

Смирясь, я все ж не принимал
Забвенья холод неминуемый
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал.

И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, —
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

1910

* * *

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая..
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце!

8 июля 1914

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
(Борис Николаевич Бугаёв)

1880—1934

ЛЮБОВЬ

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики ,чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное вошло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902, Москва

К НЕЙ

Травы одеты
Перлами.
Где-то приветы
Грустные
Слышу, — приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?

Вечера светы
Ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя.
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, -
Милая?

Апрель 1908, Москва

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Паренёк плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень,
На дорогу тень упала —
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни!
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает ввысь.
Миловались вы, любились
С девкою надясь —

В колокольчиках в лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.

Что ж ты вдруг поник тоскливо,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни!

1908, Суйда

АСЕ
(При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнули стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем — грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916, Дорнах

АСЕ

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разрежились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь.
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем грядущие встречи;
В будущем — давность мечты;
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

Сентябрь 1916, Москва

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК

1880—1921

Она молода и прекрасна была
И чистой Мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце моё разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль..
Как сердце моё разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце моё разрывалось!..

27 июля 1898

* * *

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгараний
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

13 мая 1902

* * *

Вхожу я в тёмные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озарённый,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушён.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна,

И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склонённые
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

¹ *Истина в вине! (лат.)*

24 апреля 1906, Озерки

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов.

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

* * *

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В тёмных провалах, где дышит гроза,
Вижу зелёные злые глаза.

Ты ли глядишь иль старуха-сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

В углу дивана

Но в камине дозвенели
Угольки

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я – поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу.

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне.

Станных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

(9 января 1907 года)

* * *

В густой траве пропадёшь с головой.
В тихий дом войдёшь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетёт косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сёл...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовёт и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне»
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

* * *

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах тёмных окна,
Чтоб мои воспалённые взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветлённый простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда ни откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

* * *

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, жёлтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела.
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюблённый
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шепот,
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем -
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звёзды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда ещё безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненависть, мстят, скорбь?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908 (осень 1910)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твоё лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твоё лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюблённое сердце бросаю
В тёмный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюблённый.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдёт, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой чёткости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту.

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Её не ждёт у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Её не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовёт,
Всё только — продолжение бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910, Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущённо и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблён».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Истукплённо запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали жёлтые и синие;
В зелёных плакали и пели.

Вставали сонные за стёклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Её, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поёт рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Чёрный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришёл. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнажённых
Жёлтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осуждённых
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропылённые кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушённый дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнажённые плечи
Бьёт огромный холодный закат?

Только губы с запёкшейся кровью
На иконе твоей золотой —
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В жёлтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Ещё тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползёт на ковер...

Ты смела! Так ещё будь бесстрашной!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце моё,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твоё.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетёт коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увёл далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

ИЗ ЦИКЛА «КАРМЕН»

Л. А. Д.

*

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагромождённой туче
Вдруг полыхнёт мигнувший свет,
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слёзы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

*

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

*

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник чёрный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюблённый Эскамильо,
Не Вы возьмётесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснёт уж ряд жемчужный

Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идёте — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...
А там: *Уйдём, уйдём от жизни,*
Уйдём от грустной этой жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

*

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснёт мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой.
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой,
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою верёвкой кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

ВИЛЬГЕЛЬМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗОРГЕНФРЕЙ

1882—1938

* * *

Приходит, как прежде, неожиданно
Будить от тяжелого сна,
И новая радость желанна.
И новая боль не больна.

Но платья темнее надеты
И тени длинней от ресниц,
И в пристальном взоре просветы
Лиловых, закатных зарниц.

Коснется рукою жемчужной,
Фиалками глаз ворожит —
И маятник никнет, ненужный,
И время, жестокое, спит.

Молчания я не нарушу,
Тебе отдаю я во власть
Мою воспаленную душу,
Мою неизбытную страсть.

Дышать твоим ровным дыханьем,
И верить твоей тишине,
И знать, что последним прощаньем
Придешь ты проститься ко мне.

В тот час, когда ужас безликий
Расширит пустые зрачки,
Взовьешься из черной, из дикой,
Из дикой и черной тоски.

Возникнешь в дыму песнопений,
Зажжешься надгробной свечой,
И станешь у смертных ступеней —
Стеречь мой последний покой.

СЕРГЕЙ МИТРОФАНОВИЧ ГОРОДЕЦКИЙ

1884—1967

ПИСЬМА С ФРОНТА

А. А. Г(ородецкой)

1

Прости меня, когда я грешен,
Когда преступен пред тобой,
Утешь, когда я безутешен,
Согрей улыбкой молодой.

О счастье пой, когда служу я
Твоей волшебной красоте.
В раю кружись со мной, ликуя,
И бедствуй вместе в нищете.

Делись со мной огнем и кровью,
Мечтой, и горем, и трудом.
Одной мы скованы любовью
И под одним крестом идём.

Одна звезда над нами светит,
И наши сплетены пути.
Одной тебе на целом свете
Могу я вымолвить: «Прости!»

26 января 1916

2

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование.
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.

Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки.
Скорбь моя, как огонь, вырастает.

Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.

Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но, смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.

Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки?

6 мая 1916, Ван

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КЛЮЕВ

1884—1937

* * *

Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Насторожённые и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движение смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.

(1908)

ОТВЕРЖЕННОЙ

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинить бы сердца разлукой
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалось ставшее мне,
Что, по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась вине
Ты от братьев сурового круга.

Оттого, как под ветром ковыль,
И разлучная песня уныла,
Что тебе побирушки костыль
За измену судьба подарила.

И неведомо: я ли не прав
Или сердце к тому безучастно,
Что, отверженный облик приняв,
Ты, как прежде, нетленно прекрасна?

1910

* * *

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный, —
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесёт.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
«Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка,

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспенённом скакуне».

(1911)

* * *

На припёке цветик алый
Обезлиствел и поблёк —
Свет-детина разудалый
От зазнобушки далёк.

Он взвился бы буйной птицей
Цепи-вороги крепки,
Из темницы до светлицы
Перевалы далеки.

Призапала к милой стежка,
Буреломом залегла.
За окованным окошком —
Колокольная игла.

Всё дозоры да запоры,
Каземат — глухой капкан...
Где вы, косы — тёмны боры,
Заряница — сарафан?

В белоструганой светёлке
Кто призарился на вас,
На фату хрущата шёлка,
На узорный канифас?

Заручился кто от любви
Скатным клятвенным кольцом:
Волос — зарь, малина — губы,
В цвет черёмухи лицом?..

Захолонула утроба,
Кровь, как цепи, тяжела...
Помяни, душа-зазноба,
Друга — сизого орла!

Без ножа ему неволя
Кольца срезала кудрей,
Чтоб раздольней стало поле,
Песня-вихорь удалей.

Чтоб напева ветровова
Не забыл крещённый край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай!

(1913)

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

(1913)

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ

1886—1921

* * *

Нет, ничего не изменилось
В природе бедной и простой,
Все только дивно озарилось
Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,
Людская немощная плоть,
Когда ее из тьмы безмерной
В час судный воззовет господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,
С тобою, лишь с тобой одной,
Рыжеволосой, белоснежной
Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая,
И ты не поняла сама,
Как ты сияешь, и какая
Вокруг тебя сгустилась тьма.

* * *

Когда, изнемогши от муки,
Я больше её не люблю,
Какие-то бледные руки
Ложатся на душу мою.

И чьи-то печальные очи
Зовут меня тихо назад,
Во мраке остывшей ночи
Нездешней мольбою горят.

И снова, рыдая от муки,
Проклявши своё бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи её.

(1904)

* * *

Ветла чернела на вершине,
Грачи топорщились слегка,
В долине неба синей-синей
Паслись, как овцы, облака.
И ты с покорностью во взоре
Сказала: «Влюблена я в вас» —
Кругом трава была, как море,
Послеполуденный был час.

Я целовал посланья лета,
Тень трав на розовых щеках,
Благоуханный праздник света
На бронзовых твоих кудрях.
И ты казалась мне желанной,
Как небывалая страна,
Какой-то край обетованный
Восторгов, песен и вина.

* * *

Нет тебя тревожней и капризней,
Но тебе я предался давно,
Оттого, что много, много жизней
Ты умеешь волей слить в одно.

И сегодня небо было серо,
День прошел в томительном бреду,
За окном, на мокром дерне сквера,
Дети не играли в чехарду.

Ты смотрела старые гравюры,
Подпирая голову рукой,
И смешно-нелепые фигуры
Проходили скучной чередой.

Посмотри, мой милый, видишь — птица,
Вот и всадник, конь его так быстр,
Но как странно хмурится и злится
Этот сановитый бургомистр.

А потом читала мне про принца:
Был он нежен, набожен и чист,
И рукав мой кончиком мизинца
Трогала, поворачивая лист.

Но когда дневные смолкли звуки
И взошла над городом луна,
Ты внезапно заломила руки,
Стала так мучительно бледна.

Пред тобой смущенно и несмело
Я молчал, мечтая об одном:
Чтобы скрипка ласковая спела
И тебе о рае золотом.

Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Тёмным платьям и пиджакам
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьёт,
А не рыцарем на картине,
Что на звёзды смотрит и ждёт.

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

Юг

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной
Серебряное колыханье, —
О самой белой, о самой нежной
Поёт мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится, —
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой, темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твоё —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племён.

Если звёзды, ясны и горды,
Отвернутся от нашей земли,
У неё есть две лучших звезды:
Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадёт в вышине...
...О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

СОН

Застонал я от сна дурного
И проснулся тяжко скорбя:
Снилось мне — ты любишь другого
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно, таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам тёмным,
Как по руслам высохших рек.

Вот, стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я всё-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов
Живёт в таинственном мерцанье
Её расширенных зрачков.

Её душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадней
Высокомерна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавен шаг её,
Назвать нельзя её красивой,
Но в ней всё счастье моё.

Когда я жажду своеволий
И смел и горд — я к ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
В её истоме и бреде.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.

* * *

Я сам над собой насмеялся,
И сам я себя обманул,
Когда мог подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя.

Лишь белая, в белой одежде,
Как в пеплуме древних богинь,
Ты держишь хрустальную сферу
В прозрачных и тонких перстах.

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы —
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз.

Как странно подумать, что в мире
Есть что-нибудь кроме тебя,
Что сам я не только ночная
Бессонная песнь о тебе.

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет,
Там длинные пламени реют,
Как два золоченых крыла.

(Август 1921)

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ПЯСТ

1886—1940

* * *

Она моя душа. Лучистые мечтанья,
Которые во мне, слепом, искажены, —
В ней просветлённые меняют очертанья,
Как в небе облака бесплотны в час луны.

Я с нею в общем сне. Те призраки и грёзы,
Которые во мне проносятся, спеша, —
В ней вызвали восторг и трепетные слёзы,
Я — тень её любви. Она — моя душа.

БЕНЕДИКТ КОНСТАНТИНОВИЧ ЛИВШИЦ

1887—1939

В КАФЕ

Кафе. За полночь. Мы у столика —
Ещё чужие, но уже
Познавшие, что есть символика
Шагов по огненной меже.

Цветы неведомые, ранние
В тревожном бархате волос,
Порочных взоров замирание,
Полночных образов хаос,

Боа, упавшее нечаянно,
И за окном извивы тьмы —
Всё это сладкой тайной спяно,
И эту тайну знаем мы.

Ты хочешь счастья? Так расстанемся
Сейчас, под этот гул и звон,
И мы с тобою не обманемся,
Не разлюбив возможный сон.

НА БУЛЬВАРЕ

Никого кроме нас... Как пустынна аллея платановая!
В эти серые дни на бульвар не приходит никто.
Вот — одни, и молчим, безнадежно друг друга обманывая:
Мы чужие совсем — в этих тёмных осенних пальто.

Все аллеи как будто устелены шкурою тигровой...
Это — жёлтое кружево листьев на чёрной земле.
Это — траур и скорбь. Я последнюю ставку проигрываю
Подневольным молчаньем — осенней серебряной мгле.

Что ж, пора уходить?.. улыбаясь, простимся с безумиями...
Только как же сказать? — ведь осеннее слово — как сталь...
Мы молчим. Мы сидим неподвижными скорбными мумиями...
Разве жаль?..

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

1887—1964

* * *

Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озёрную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый лёгкий твой всплеск услышать,

А была ты и звонкой и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.
Ты жила и дышала любовью,
Ты, как щедрое солнце, зашла.
Оставляя свое послесловье —
Столько света и столько тепла!

* * *

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Всё стирает, что может стереть,
Но скажи — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной,
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ОРЕШИН

1887—1938

ЖЕНЩИНА

О. М. Орешинной

В каждой песне про тебя поется,
В каждой сказке про тебя молва,
Мир твоими ямками смеётся,
Сном твоим струится синева.

Погляжу на вечер незакатный,
На луга, на дальние цветы, —
Мне, как всем вам, ясно и понятно:
Дикой мальвой розовеешь ты.

Если ночью мне тепло и душно,
От жары туманится луна,
Это значит — плоть твоя послушна,
Ты в кого-то нынче влюблена!

Если ночь вдруг росами заплачет,
Холодом повеет на кусты,
Это значит, непременно значит:
Вновь кого-то разлюбила ты!

Ты любовью напоила землю,
Словно мёдом, словно молоком...
Оттого я каждый день приемлю,
Догорая смирным огоньком!

Если ветер бьёт дождём и пеной,
Лес шумит, а степь черным-черна,
Это значит, чьей-то злой изменой
Ты до дна души возмущена.

Но не вечно буря в сердце бьётся.
Разве ты любовью не пьяна?
Мир твоими ямками смеётся,
Сном твоим струится синева!

(1926)

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(Игорь Васильевич Лотарев)

1887—1941

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

...То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти... Заклеймён
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники — безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь — прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли то? Не зависть ли? Сгубить
Себя легко, и свет небес не видеть...
Что ж это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

(23 сентября 1908)

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Поэма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.

Было всё очень просто, было всё очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

(Февраль 1910)

НА ОСТРОВАХ

В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневую,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! Как безвопросно!
Как гривуазно! Но всюду — боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? И что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

(Май 1911)

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

С. В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озёра,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблён и любим...

(1927)

ИЗ ОБЛАСТИ ЧУДЕСНОГО

*Телеграмма: Белград. Университет. Северянину.
«Гению Севера един поздрав са юга».
Остров Корчула на Адриатике (Ядран).*

В громадном зале университета,
Наполненном балканскою толпой,
Пришедшей слушать русского поэта,
Я вёл концерт, душе воскликнув: «Пой!»

Петь рождена, душа моя запела,
И целый зал заполнила душа.
И стало всем крылато, стало бело,
И музыка была у всех в ушах.

И думал я: «О, если я утешу
И восхищу кого-нибудь, я прав!»
В антракте сторож подал мне депешу —
От неизвестной женщины «поздрав».

И сидя в лекторской, в истоме терпкой,
И говоря то с этим, то с другим,
Я полон был восторженною сербкой
С таким коротким именем тугим.

...Два года миновало. Север. Ельник.
Иное всё: природа, люди, свет.
И вот опять, в Рождественский сочельник,
Я получаю от неё привет.

Уж я не тот. Всё глубже в сердце рана.
Уж чаще все впадаю я в хандру.
О, женщина с далекого Ядрана —
Неповстречавшийся мне в жизни друг!

(Тойла. Ночь под Рождество, 1932 г.)

НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

1888—1963

* * *

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,

Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,

Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,

Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.

Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

* * *

Нет! Это было преступленьем
Так целым миром пренебречь
Для одного тебя, чтоб тенью
У ног твоих покорно лечь.

Она осуждена жестоко,
Уединенная любовь,
Перегоревшая до срока,
Она не возродится вновь.

Глаза, распахнутые болью,
Глядят на мир, как в первый раз,
Дивясь простору и раздолью
И свету, греющему нас.

А мир цветет, как первозданный,
В скрещенье радуги и бурь,
И льёт потоками на раны
И свет, и воздух, и лазурь.

* * *

Уж мне не время, не к лицу
Сводить в стихах с любовью счёты.
Подходят дни мои к концу,
И зорь осенних позолоту

Сокрыла ночи пелена.
Сижу одна у водоема,
Где призрак жизни невесомый
Качает памяти волна.

Сядь рядом. Голову к плечу
Дай прислонить сестре усталой.
О днях прошедших я молчу,
А будущих — осталось мало.

Мы тишины ещё такой
Не знали, тишины прощенья.
Как два крыла, рука с рукой
В последнем соприкосновенье.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АСЕЕВ

1889—1963

* * *

Если ночь все тревоги вызвездит,
как платок полосатый саратовский,
проломаю сквозь вечер мартовский
Млечный Путь, наведенный известью.

Я пучком телеграфных проволок
от Арктура к Большой Медведице
исхлестать эти степи пробовал
и в длине их спин разувериться.

Но и там истлевает высь везде,
как платок полосатый саратовский,
но и там этот вечер мартовский
над тобой побледнел и вызвездил.

Если б даже не эту тысячу
обмотала ты верст у пояса, —
все равно от меня не скроешься,
я до ног твоих сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица
ни взметала тоски грозу мою,
кожа дней, почерневши, сморщится,
так прожжёт она жизнь разумную.

Если мне умереть — ведь и ты со мной!
Если я — со зрачками мокрыми, —
ты горишь красотою писаной
на строке, прикушённой до крови.

(1916)

* * *

Когда земное склонит лень,
выходит с тенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь,

И чей-то стан колеблет стон,
то, может, пан, а может, пень..
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.

А коса твоя — осени сень, —
ты звездам приходишься родственницей.

(1916)

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую,
всё нежней и всё тесней,
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

(1926)

* * *

Слушай, Анни,
 твоё дыханье,
трепет рук,
 и изгибы губ,
и волос твоих
 колыханье
я, как дивный сон,
 берегу.

Эти лица
 и те
 и те, —
им
 хоть сто,
 хоть тысячу лет скости,

не сравнить с твоим
 в простоте,
в прямоте
 и в суровой детскости.

Можно
 астрой в глазах пестреться,
можно
 ветром в росе свистеть,
но в каких
 человеческих средствах
быть собой
 всегда и везде?!

Ты проходишь
 горя и беды,
как проходит игла
 сквозь ткань...
Как выдержишь
 ты это?
Как слеза у тебя
 редка?!

Не в любовном
 пылу и тряске
я приметил
 крепость твою.
Я узнал,
 что ни пыль,
ни дразги
 к этой коже
не пристают.

И когда
 я ломлю твои руки
и клоню
 твоей воли стан,
ты кричишь,
 как кричат во вьюге
лебедя,
 от стаи отстав...

(1928)

ПРОСТЫЕ СТРОКИ

1

Среди зелёной тишины
нахлынувшего лета
не все вопросы решены,
не все даны ответы...

Но ясен мне один ответ
без всяческой подсказки,
что лучше в целом мире нет
той, что пришла из сказки;

Чьи неподкупные глаза
в лицо беды смотрели,
то голубея, как гроза,
то холодной метели.

Мне скажут: вот! Опять про то ж!
Знакомая затея,
что лучше той и не найдешь,
кто зорьки золотее!

О вы, привыкшие к словам —
казённым заявлениям,
всё это сказано не вам,
а младшим поколениям.

2

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя — сушь,
мне и в жару без тебя — стыть.
Мне без тебя и Москва — глушь.

Мне без тебя каждый час — с год;
если бы время мельчить, дробя;
мне даже синий небесный свод
кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать —
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

2

Что же — привык я к тебе, что ль?
Но ведь, привыкнув, не замечают.
Всё превращает любовь в боль,
если глаза равнодушно встречают.

А на тебя я — и рассержусь,
не соглашаешься — разругаюсь,
только сейчас же на сердце грусть,
точно на собственное полагаюсь;

Точно мне нужно второе, твое,
если мое заколотится шибко;
точно одно у них вместе жильё,
вместе и горечь, и вздох, и улыбка.

Нет, я к тебе не привык; не привык,
вижу и знаю, а — не привыкаю.
Может, действительно ты — мой двойник,
может, его я в стихи облакаю!

(1960)

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

1889—1966

* * *

Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдёшь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

(8 января 1911, Киев)

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать,
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

(Весна 1911)

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между клёнов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на тёмный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

(29 сентября 1911, Царское Село)

* * *

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобождение близко. Все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

(Весна 1912)

* * *

Ты письмо моё, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо моё, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи.
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

(1912, Царское Село)

* * *

Покорно мне воображение
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы.

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам!
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

(Июль 1913, Слепнёво)

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

(Осень 1913)

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос, помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питьё,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя моё
Прочитают в учебниках дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

(1913)

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли,
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.

Брошена! Придуманное слово
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

(1913, Царское Село)

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз её раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.

(1913, Царское Село)

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

(Декабрь 1913, Царское Село)

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Её не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвётся от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего моё
Не бьётся сердце под твоей рукою.

(Май 1915, Петербург)

Всё отнято: и сила, и Любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Весёлой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке тёмном клонит,
Изнеможённая, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

(Осень 1916, Севастополь)

* * *

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишнёвые видеть уста?

Пусть он меня и хулит, и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблён.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинять поцелуи мои.

(1917)

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

(Июль 1921, Петербург)

* * *

Долгим взглядом твоим истомлённая,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворённая,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смирённая,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твоё умудрённое
Сердце — солнце отчизны моей!

(25 сентября 1921)

* * *

И ты мне всё простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнём тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.

(1925)

ИЗ ЦИКЛА «ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ»

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Всё было в трауре, всё никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был чёрен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама ещё не понимала.
И ты пришёл ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошённый дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

(18 августа 1956, Старки)

* * *

Позвони мне хотя бы сегодня,
Ведь ты всё-таки где-нибудь есть,
А я стала безродных безродней
И не слышу крылатую весть.

(9 июня 1958)

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Всё уходит — мне снишься ты.
Доплясавший своё пред ковчегом,
За дождём, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.

И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, — «Ты».

(13 мая 1963, Комарово. Холодно, сыро, мелкий дождь)

СЕРГЕЙ АНТОНОВИЧ КЛЫЧКОВ

1889—1940

* * *

Ступает тишь, как сторож у ворот,
Не шелохнёт ни листика, ни ветки,
Лишь дочка чернокошая соседки,
Как птица полуночная, поёт.

О чем, Айше, так грустно ты поешь?
Мне чуждо дикое твоё наречье.
Ты с моря, я с далекого поречья.
Тебя — волна, меня вскормила рожь.

Но не забыть, пока поёт в душе,
Во мне самом баюн сладкоголосый,
Чужой весны камнистого откоса
И песенки тоскующей Айше.

* * *

Стал голос хриплый, волос грубый
И грузны руки, как кряжи,
А у тебя всё те же губы
И за ресницей — как во ржи.

От этой непосильной лямки
Уж еле переводишь дух,
А тут в глазах играют ямки,
И в ямках золотится пух.

И так завидно, что улыбка
Не сходит с твоего лица.
Когда ты клонишься над зыбкой,
Поёшь в полутени светца.

И будешь петь ты так же нежно,
Какая б ни прошла гроза:
За пологом пророс подснежник,
Цветут душистые глаза!..

ВЕРА МИХАЙЛОВНА ИНБЕР

1890—1972

* * *

Всему под звёздами готов
Его черёд.
И время таянья снегов
Придёт.
И туча мая на гранит
Прольёт печаль.
И лунный луч осеребрит
Миндаль.
И запах обретёт вода
И плеск иной,
И я уеду, как всегда,
Весной.
И мы расстанемся, мой свет,
Моя любовь,
И встретимся с тобой иль нет
Вновь?

(1919)

* * *

Поцелуй же напоследок
Руки и уста.
Ты уедешь, я уеду —
В разные места.

И меж нами (тем синее,
Чем далече ты)
Расползутся, точно змеи,
Горные хребты.

И за русскою границей
Обрывая бег,
Размечаются косицы
Белокурых рек.

И от северного быта
Устремляясь вниз,
Будешь есть не наше жито,
А чужой маис.

А когда, и сонный чуток,
Ты уснешь впотьмах,
Будет разница в полсуток
На моих часах.

Налетят москиты злые,
Зашумит гроза,
Поцелуешь ты косые
Чёрные глаза.

Но хотя бы обнял тыщи
Девушек, любя,
Ты второй такой не сыщешь
Пары для себя.

И, плывя в края иные
По морской воде,
Ты второй такой России
Не найдёшь нигде.

(1923)

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК

1890—1960

МАРБУРГ

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль её слез! Я святого блаженней!

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтён
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значении своём подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, грёб
По липам. И всё это были подобию.

Но как бы то ни было, я избегал
Их взглядов. Я не замечал их приветствий.
Я знать ничего не хотел из богатств.
Я вон вырывался, чтоб не разреветься.

Инстинкт прирождённый, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребятня зазноба. За ним,
К несчастью, придется присматривать в оба».

«Шагни, и ещё раз», — твердил мне инстинкт,
И вёл меня мудро, как старый схоластик,
Чрез девственный, непроходимый тростник
Нагретых деревьев, сирени и страсти.

«Научишься шагом, а после хоть в бег», —
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнава учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.

Одних это всё ослепляло. Другим —
Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.

Плыла черепица, и полдень смотрел,
Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге
Кто, громко свища, мастерил самострел,
Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.

Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозье играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.

В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лёд этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...
О чём ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И всё это помнит и тянется к ним.
Всё — живо. И всё это тоже — подобья.

Нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Всё ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутолока не про нас.
Что будет со мною, старинные плиты?

Повсюду портпледы разложит туман,
И в обе оконницы вставят по месяцу.
Тоска пассажиркой скользнёт по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.

Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
Явления мыслей привычных боюсь?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь — король. Я играю с бессонницей.
И ферзь — соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

(1916, 1928)

* * *

Здесь прошёлся загадки таинственный ноготь.
— Поздно, выплусь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом разражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.
Звёзды долго горлом текут в пищевод,
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

(1918)

* * *

Любить иных — тяжёлый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Всё это — не большая хитрость.

(1931)

* * *

Красавица моя, вся стать,
Вся суть твоя мне по сердцу,
Вся рвётся музыкою стать,
И вся на рифмы просится.

А в рифмах умирает рок,
И правдой входит в наш мирок
Миров разноголосица.

И рифма не вторенье строк,
А гардеробный номерок,
Талон на место у колонн
В загробный гул корней и лон.

И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносятся,
Перед которой хмурят бровь
И морщат переносицу.

И рифма не вторенье строк,
Но вход и пропуск за порог,
Чтоб сдать, как плащ за бляшкою
Болезни тягость тяжкую,
Боязнь огласки и греха
За громкой бляшкою стиха.

Красавица моя, вся суть,
Вся статья твоя, красавица,
Спирает грудь и тянет в путь.
И тянет петь и — нравится.

Тебе молился Поликлет.
Твои законы изданы.
Твои законы в далях лет.
Ты мне знакома издавна.

(1931)

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проёме
Незадёрнутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чём-то белом, без причуд,
В чём-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

(1931)

ОСЕНЬ

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде,
И одиночеством всегдашним
Полно всё в сердце и природе.

И вот я здесь с тобой в сторожке.
В лесу безлюдно и пустынно.
Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.

Теперь на нас одних с печалью
Глядят бревенчатые стены.
Мы брать преград не обещали,
Мы будем гибнуть откровенно.

Мы сядем в час и встанем в третьем,
Я с книгою, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.

Ещё пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь, листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте.

Привязанность, влечение, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри или ополоумей!

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.

Ты — благо гибельного шага,
Когда житье тошней недуга,
А корень красоты — отвага,
И это тянет нас друг к другу.

(1949)

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошकारа
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И всё терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

(1946—1953)

ВЕТЕР

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удалства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

(1953)

ХМЕЛЬ

Под раkitой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чаш
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

(1953)

РАЗЛУКА

С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.
Её отъезд был как побег.
Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.
Он меры разоренья
Не замечает из-за слёз
И приступа мигрени.

В ушах с утра какой-то шум.
Он в памяти иль грезит?
И почему ему на ум
Всё мысль о море лезет?

Когда сквозь иней на окне
Не видно света божья,
Безвыходность тоски вдвойне
С пустыней моря схожа.

Она была так дорога
Ему чертой любою,
Как моря близки берега
Всей линией прибоя.

Как затопляет камыши
Волненье после шторма,
Ушли на дно его души
Её черты и формы.

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему прибита.

Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Волна несла её, несла
И пригнала вплотную.

И вот теперь её отъезд,
Насильственный, быть может!
Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сложет.

И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
Всё выворотила вверх дном
Из ящиков комода.

Он бродит и до темноты
Укладывает в ящик
Раскиданные лоскуты
И выкройки образчик.

И, наколовшись об шитье
С невынутой иглой,
Внезапно видит всю её
И плачет втихомолку.

(1953)

* * *

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы её закон,
Её начало.
И повторял её имён
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всею дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внёс дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, роц, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

(1956)

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запрю я твою красоту
В тёмном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Всё равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пошло слово любовь, ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

(1956)

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счёта.

И целая их черед
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечёт:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течёт
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней.
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье.

(1959)

СОН

Мне снилась осень в полусвете стёкол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И, поволокой рамы серебра,
Заря из сада обладала стёкла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лёд, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, тѣмен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нѣс,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущих по небу берѣз.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗЕНКЕВИЧ

1891—1973

* * *

Подсолнух поздний догорал в полях,
И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
На лёгком зное нежился размах
Поблескивавших крыльев ястребиных.

Кладя пределы смертному хотенью,
Казалось, то сама судьба плыла
За нами по жнивью незримой тенью
От высоко скользящего крыла.

Как этот полдень, пышности и лени
Исполнена, ты шла, смиряя зной.
Лишь платье билось пеной кружевной
О гордые и статные колени.

Да там, в глазах, под светлой оболочкой,
На обреченного готовясь пасть,
Средь синевы темнела знойной точкой,
Поблескивая, словно ястреб, страсть.

(1916)

* * *

Твой сон предрассветный сладок,
И дразнит дерзкого меня
Намёками прозрачных складок
Чуть дышащая простыня.

Но, недотрога, ты свернулась
Под стать мимозе иль ежу,
На цыпочках, чтоб не проснулась,
Уйду, тебя не разбужу.

Какая гладь и ширь какая!
И с якоря вниз головой
Сейчас слечу я, рассекая
Хрусталь дремотный, огневой!

И, вспомнив нежную истому,
Еще зовущую ко сну,
Навстречу солнцу золотому
С саженок брызгами блесну.

(1918)

РЮРИК ИВНЕВ

(Михаил Александрович Ковалёв)
1891—1981

* * *

Любовь моя — ты солнцем сожжена.
Молчу и жду последнего удара...
Сухие губы. Темная луна.
И фонари проклятого бульвара.

Нет ничего безумней и страшней
Вот этого спокойного молчанья.
Раздавленное тело дней
Лежит в пыли без содроганья.

(1914, Петербург)

СЕКУНДЫ ЛЮБВИ

Я шёл по дорогам, изрытым годами,
Дышал, задыхался и падал в крови.
И с тою же силою, как при Адаме,
Летели секунды, секунды любви.

Мы к древу познания пришли не случайно.
Мы знаем так много, нам всё не в нови,
Но с той же слепой, неразгаданной тайной
Несутся секунды, секунды любви.

Как будто всё просто и так объяснимо,
Как голуби тёплые — только лови.
Трепещут в руках, но проносятся мимо
Секунды, секунды, секунды любви.

Зачем же гадать о бесчисленных звёздах.
Оставь их в саду поднебесья, не рви.
Смотри, как земной наш живительный воздух
Пронзают секунды, секунды любви.

(1946)

ГРОЗДЬЯ ЛЮБВИ

Ещё до рожденья звездой путеводной
Нам служат горячие гроздья любви
На торжищах людных, в пустыне безводной,
На дне подсознания, в душе и в крови.

И мы, повинувшись магической силе,
Несемся песчинками, словно самум,
Становимся сами мифической пылью,
Не мысля опомниться, взяться за ум.

Несёмся мы бурей и буре подобны.
Никто мы и всё. Нет для нас аксиом.
Мы солнце Вселенной и хаос загробный,
Но гроздьям любви мы послушны во всём.

И в этом чудовищно-быстром движении,
Медлительно-долгом, спокойном на вид,
Быть может, мы только твое отражение,
Звезда путеводная первой любви.

(1967)

ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

1891—1945

* * *

В последний день не плачь и не кричи:
Он всё равно придет неотвратимо.
Я отдала души моей ключи
Случайно проходившим мимо.

Я рассказала, как найти мой клад,
Открыла все незримые приметы;
И каждый мне сказал, что он мой брат,
И всем дала я верности обеты.

Теперь томится дух без сил и наг;
Теперь я только странник, тихий нищий;
В окно ко мне стучится злобный враг.
Чтоб я открыла дверь в мое жилище.

Да будет сердцу легок вечный путь,
Да будет пламенный закат недолог;
Найду и я в пути когда-нибудь
Нездешних солнц слепительный осколок.

В монашестве Мать Мария — участник движения
Сопротивления во Франции, казнена фашистами в
концлагере Равенсбрюк (Германия).

* * *

Я силу много раз ещё утрачу;
Я вновь умру, и я воскресну вновь;
Переживу потерю, неудачу,
Рождение, смерть, любовь,

И каждый раз, в свершенья круг вступая,
Я буду помнить о тебе, земля;
Всех спутников случайных, степь без края,
Движение стебля.

Не только помнить; путь мой снова в гору;
Теперь мне вестник ближе протрубил;
И виден явственно земному взору
Размах широких крыл.

И знаю, — будет долгая разлука;
Неузнанной вернусь еще я к вам.
Так; верю: не услышите вы стука
И не поверите словам.

Но будет час; когда? — ещё не знаю;
И я приду, чтоб дать живым ответ,
Чтоб вновь вам указать дорогу к раю,
Сказать, что боли нет.

Не чудо, нет; мой путь не чудотворен,
И только дух пред тайной светлой наг,
Всегда судьбе неведомой покорен,
Любовью вечной благ.

И вы придете все: калека, нищий,
И воин, и мудрец, дитя, старик,
Чтобы вкусить добытой мною пищи,
Увидеть светлый Лик.

(1916)

* * *

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышащий весть.

От небесного грома до шёпота,
Учит всё — до копейки отдай.
Грузом тяжким священного опыта
Переполнен мой дух через край.

И забыла я, есть ли средь множества
То, что всем именуется «я».
Только крылья, любовь и убожество
И биение всебытия.

(1933)

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

1891—1938

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Эллагою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

(1915)

СОЛОМИНКА

I

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждёшь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью — что может быть печальней,
На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина —
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над чёрною Невой,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лёд бледно-голубой.

Декабрь торжественный струит своё дыханье,
Как будто в комнате тяжёлая Нева.
Нет, не Соломинка, Лигейя, умиранье —
Я научился вам, блаженные слова.

II

Я научился вам, блаженные слова —
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита,
В огромной комнате тяжёлая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжественный сияет над Невой.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не Соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный, томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь,
А та соломинка, быть может Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

(1916)

* * *

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал солёные нежные губы,
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Ещё не рассеялся мрак и петух не пропел,
Ещё в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится.

(1920)

* * *

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме.
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.

Ты всё толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог,
И всё-таки еще немножко.

И право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе всё дразнит, всё поёт,
Как итальянская рулада,
И маленький вишнёвый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе всё прихоть, всё минута,
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

(1920, 1923)

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить.
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Ещё одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечёт
Искусанный в смятении
Вишнёвый нежный рот...

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя.
И всё, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

(1920)

* * *

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкреплённой лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчёлы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце.

(1920)

Жизнь упала как зарница,
Как в стакан воды ресница,
Иzolгавшись на корню —
Никого я не виню...

Хочешь яблока ночного,
Сбитню свежего, крутого,
Хочешь, валенки сниму,
Как пушинку, подниму?

Ангел в светлой паутине
В золотой стоит овчине,
Свет фонарного луча
До высокого плеча.

Разве кошка, вострепнувшись,
Чёрным зайцем обернувшись,
Вдруг простёгивает путь,
Исчезает где-нибудь...

Как дрожала губ малина,
Как поила чаем сына,
Говорила наугад,
Ни к чему и невпопад...

Как нечаянно запнулась,
Иzolгалась, улыбнулась
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым
И за кипением садовым
Заресничная страна —
Там ты будешь мне жена.

Выбрав валенки сухие
И тулупы золотые,
Взявшись за руки вдвоем,
Той же улицей пойдем.

Без оглядки, без помехи
На сияющие веки —
От зари и до зари
Налитые фонари.

(1925)

* * *

Ma voix aigre et fausse...
*P. Verlain*¹

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

Там где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне солёной пеной
По губам!

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет —
Нищета.

Ой-ли, так ли, — дуй ли, вей ли,
Всё равно —
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой —
Всё лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

(2 марта 1931)

¹ *Мой голос пронзительный и фальшивый (фр.).*
П. Верлен.

* * *

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч, -
Усмирён мужской опасный нор, -
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми
Их — бесшумно окающих ртами,
Полухлебом плоти накорми!

Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В тёплом теле рёбрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный...
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ.

Не серчай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои речи тёмные плотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария, — гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твёрдого порога —
Уходи, уйди, ещё побудь!..

(Февраль 1934)

* * *

Возможна ли женщине мёртвой хвала?
Она в отчуждение и в силе...
Её чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле.

И твёрдые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки её хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона —
Но мельниц колеса зимуют в Снегу,
И стынет рожок почтальона.

(3 - 4 апреля -- 3 июня 1935)

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

1891—1967

* * *

Я так любил тебя — до грубых шуток
И до таких пронзительных немот,
Что даже дождь, стекло и ветки путал,
Не мог найти каких-то нужных нот.

Так только варвар, бросивший на форум
Косматый запах крови и седла,
Богинь обледенивший волчьим взором
Занеженные зябкие тела,

Так только варвар, конь чей, дико пенясь,
Ветрами заальпийскими гоним,
Копытом высекал из сердца пленниц
Источники чистительные нимф,

И после, приминая мех медвежий,
Гортанным храпом плача и шутя,
Так только варвар пестовал и нежил
Диковинное южное дитя.

Так я тебя, без музыки, без лавра,
Грошовую игрушку смастерил,
Нет, не на радость, как усталый варвар,
Ныряя в ночь, большую, без зари.

(1924)

* * *

Так ждать, чтоб даже память вымерла,
Чтоб стал непроходимым день,
Чтоб умирать при милом имени
И догонять чужую тень,
Чтоб не довериться и зеркалу,
Чтоб от подушки утаить,
Чтоб свет своей любви и верности
Зарыть, запрятать, затемнить,
Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
Чтоб вздох и тот зажать в руке.
Так ждать, чтоб, мёртвый, он почувствовал
Горячий ветер на щеке.

(1942)

Про первую любовь писали много, —
 Кому не лестно походить на бога,
 Создать свой мир, открыть в привычной глине
 Черты ещё не найденной богини?
 Но цену глине знает только мастер —
 В вечерний час, в осеннее ненастье,
 Когда всё прожито и всё известно,
 Когда сверчку его знакомо место,
 Когда цветов повторное цветенье
 Рождает суеверное волнение,
 Когда уж дело не в стихе, не в слове,
 Когда все позади, а счастье внове.

(1958)

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Календарей для сердца нет,
 Всё отдано судьбе на милость.
 Так с Тютчевым на склоне лет
 То необычное случилось,
 О чём писал он наугад,
 Когда был влюбчив, легкомыслен,
 Когда, исправный дипломат,
 Был к хаоса жрецам причислен.
 Он знал и молодым, что страсть
 Не треск, не звезды фейерверка,
 А молчаливая напасть,
 Что жаждет сердце исковеркать.
 Но лишь поздней, устав искать,
 На хаос наглядевшись в досталь,
 Узнал, что значит умирать
 Не поэтически, а просто.
 Его последняя любовь
 Была единственной, быть может.
 Уже скудела в жилах кровь
 И день положенный был прожит.
 Впервые он узнал разор,
 И нежность оказалась внове...
 И самый важный разговор
 Вдруг оборвался на полслове.

(1965)

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

1892—1941

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное моё, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не вами!

(3 мая 1915)

* * *

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни
Разъединяющих вёрст.

Я знаю: наш дар — неравен.
Мой голос впервые — тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу вас:
— Лети, молодой орёл!
Ты солнце стерпел, не щурясь,
Юный ли взгляд мой тяжёл?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел вам вслед...
Целую вас — через сотни
Разъединяющих лет.

(12 февраля 1916)

* * *

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,
У всех золотых знамён, у всех мечей,
Я закину ключи и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты, —
О, проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

(15 августа 1916)

ИЗ ЦИКЛА «ДОН-ЖУАН»

*

И была у Дон-Жуана — шпага,
И была у Дон-Жуана — Донна Анна.
Вот и всё, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу.
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане — посох странный...
— Не было у Дон-Жуана — Донны Анны!

(14 мая 1917)

ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костёр остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты всё ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пушусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моём напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Выглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
Не ты ль — с серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве,
Не материнском, а морском!

(13 июня 1920)

* * *

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера ещё до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умён,
Живой, а я остолбенелая,
О вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал — мне.
Мой милый, что тебе — я сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!

(14 июня 1920)

* * *

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельшусь — смущусь — рванусь.
О милая! Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленатых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки, — стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён,
Смерть, выбью! — Вёрст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спалён.

И если всё ж — плеча, крыла, колена
Сжав — на погост дала себя увезть, —
То лишь затем, чтобы, смеясь над тленом,
Стихом восстать — иль розаном расцвести!

(Около 28 ноября 1920)

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!).
Души, души! — быть вам сёстрами,
Не любовницами — вам!

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живётся вам — хлопчется —
Ёжится? Встаётся — как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живётся вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живётся вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поётся — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночного новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову; счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живётся, милый? Тяжче ли?
Так же ли, как мне с другим?

(19 ноября 1924)

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

ЛИЛИЧКА!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в кручениховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступлённый, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День ещё —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Всё равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,

кроме звона твоего любимого имени.
И в пролёт не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

(26 мая 1916, Петроград)

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

Молнию метнула глазами:
«Я видела —
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» —
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я учёный малый, милая,
громыханья оставьте ваши,
Если молния меня не убила
то гром мне,
ей-богу, не страшен.

(1920)

ПИСЬМО ТАТЬЯНЕ ЯКОВЛЕВОЙ

В поцелуе рук ли,
 губ ли,
в дрожи тела
 близких мне
красный
 цвет
 моих республик
тоже
 должен
 пламенеть.

Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселённый,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В чёрном небе
молний поступь,
гром
ругнёй
в небесной драме, —
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, —
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.

Ревность,
жёны,
слёзы...
ну их! —
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста миллионам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны —
спортом
выпрямишь не многих, —
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.

Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счёт нанижем.

Я всё равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

(1928)

[НЕОКОНЧЕННОЕ]

(I)

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает
уймою
надеюсь верую вовеки не придёт
ко мне позорное благоразумие

(II)

Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить

(III)

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчёте
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

(IV)

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчёте и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звёздной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

(V)

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком

(1928—1930)

ВАДИМ ГАБРИЭЛЕВИЧ ШЕРШЕНЕВИЧ

1893—1942

ЛИРИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ

Звонко кричу галеркою голоса ваше имя
Повторяю его
Партером баса моего
Вот к ладоням вашим губами моими
Присосусь пока сердце не навзничь мертво.

Вас взвидя и радый, как с необитаемого острова,
Заметающий пароходного дыма струю
Вам хотел я так много, но глыбою хлеба черствого
Принес лишь любовь людскую
Большую
Мою.

Вы примите её и стекляшками слёз во взгляде
Вызвоните дни бурые, как пережжённый антрацит.
Вам любовь — как наивный ребёнок
любимому дяде
Свою сломанную игрушку дарит.

И внимательный дядя знает, что это
Самое дорогое ребенок дал.
Чем же он виноват, что большего
Нету.
Что для большего
Он еще мал?

Это вашим ладоням несу мои детские вещи
Человечью поломанную любовь и поэтину тишь.
И сердце плачет и надеждою блещет,
Как после ливня железо крыш.

(Март 1918)

ВЕРА КЛАВДИЕВНА ЗВЯГИНЦЕВА

1894—1972

* * *

Я не люблю иронии твоей...

Н. Некрасов

Ни твоей, ни своей, ничьей —
Никакой не хочу иронии.
Прятать боль под бронёй речей?!
Не нуждаюсь в их обороне я.

Если боль — так пускай болит,
Если радость — пусть греет, радуя,
Не к лицу нам, боясь обид,
Жар души заменять прохладою.

Снег идет — он и бел, как снег,
Небо синее — значит, синее.
Если смех — так не полусмех,
И никак уж не над святынею.

Я хочу прямой красоты,
Не лукавого обольщения,
Я хочу, чтоб заплакал ты
От восторга, от восхищения.

Как ни смейся, как ни язви —
Это дело для всех стороннее.
Людям нужен лишь свет любви,
А не злой холодок иронии.

ЭДУАРД ГЕОРГИЕВИЧ БАГРИЦКИЙ

1895—1934

КРЕОЛКА

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетёных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой ткани;
Едва хрустит песок под красным каблучком,
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несёт тяжелый шлейф, расшитый серебром.

Она одна идёт к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригадин,
Когда в закатный час танцуют фарандолу,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет дёгтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут её хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зелёные цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых цветов,
И никнут дальних гор жемчужные громады
В берегах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснётся ночь над мраморным балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идёт к заброшенным колоннам,
Окутанным дождём зелёного плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждёт её у синего фонтана
С виолой под плащом смеющийся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина...
А в облаках, скользя по голубому шелку,
Краями острыми едва шуршит луна...

(1915)

О ЛЮБИТЕЛЕ СОЛОВЬЕВ

Я в него влюблена,
А он любит каких-то соловьёв...
Он не знает, что не моя вина,
То, что я в него влюблена
Без щёлканья, без свиста и даже без слов.
Ему трудно понять,
Как его может полюбить человек:
До сих пор его любили только соловьи.
Милый! Дай мне тебя обнять,
Увидеть стрелы опущенных век,
Рассказать о муках любви.
Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?
Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?»
«Мой милый! Я не соловей, не славка,
не дрозд...
Полюби меня — ДЕВУШКУ,
ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
и
хилый... Мой милый!»

(1915)

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прёт на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружён,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придётся проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошёл!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ёрзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топчет, как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней ещё не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду,—
Мне жизни весёлой теперь не сберечь
И руль оторвало, и в кузове течь!

Пустынное солнце над морем встаёт,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывёт
Кавун с нарисованным сердцем...
В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдёт,
Окончены ветер и качка,—
Кавун с нарисованным сердцем берёт
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

(1924, 1928)

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

1895—1925

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зёрна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах мёда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котёнок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

(1916)

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

(1923)

* * *

Дорогая, сядем рядом.
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную выюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клён и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придём к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдём под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

(9 октября 1923)

* * *

Мне грустно на тебя смотреть.
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твоё тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только жёлтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Там много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветём и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

(1923)

* * *

Вечер черные брови насопил,
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черёмух,
Чем здоровый живёт человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была.,
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

(1923)

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

*

Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы,
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И ещё спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах,
Красной розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.

(1924)

*

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

(1924)

*

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

(19 декабря 1924)

*

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнём.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шёлк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка.
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далёкий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Всё равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнём.

(21 декабря 1924)

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Берёзовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

(1925)

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустил.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полужакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь,—
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдёшь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдёшь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто её не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

(4 декабря 1925)

ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1895—1977

* * *

Она ни петь, ни плакать не умела,
Она как птица лёгкая жила,
И, словно птица, маленькое тело,
Вздохнув, моим объятьям отдала.

Но в горький час блаженного бессилья,
Когда тела и души сплетены,
Я чувствовал, как прорастают крылья
И звёздный холод льется вдоль спины.

Уже дыша предчувствием разлуки,
В певучем, колыхнувшемся саду,
Я в милые беспомощные руки
Всю жизнь мою, как яблоко, кладу.

(1922)

ЛЮБОВЬ

Не отдавай в забаву суесловью
Шесть этих букв, хотя к ним мир привык.
Они — огонь. «Любовь» рифмует с «Кровью»
Приметливый и мудрый наш язык.

«Любовь» и «Кровь». Покуда сердце бьётся
И гонит в теле крови теплоту,
Ты словно пьёшь из вечного колодца,
Преобразив в действительность мечту.

От тусклых дней в их неустанной смене,
Когда порою сердцу всё мертво,
В нежданный мир чудесных превращений
Тебя любви уводит торжество.

Вот женщина, в которой столько света,
Друг в непогоду, спутница в борьбе,—
И сразу сердце подсказало: эта,
Да, только эта — луч в твоей судьбе!

Пусть она мечты твоей созданье,
Одно воображение твоё —
С ней вечности горячее дыхание
Уже легло в земное бытие.

Как зов, дошедший из глубин столетий,
Как вспышка света за порогом тьмы,
И наш огонь возьмут в наследство дети,
Чтобы войти в бессмертье, как и мы.

(Январь 1946)

* * *

Любовь, любовь — загадочное слово,
Кто мог бы до конца тебя понять?
Всегда во всем старо ты или ново,
Томленье духа ты иль благодать?

Невозвратимая себя утрата
Или обогащенье без конца?
Горячий день, какому нет заката,
Иль ночь, опустошившая сердца?

А может быть, ты лишь напоминанье
О том, что всех нас неизбежно ждет:
С природою, с беспмятством слиянье
И вечный мировой круговорот?

(Август 1976)

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

1896—1978

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...

Я люблю тебя в дальнем вагоне,
В жёлтом комнатном нимбе огня.
Словно танец и словно погоня,
Ты летишь по ночам сквозь меня.

Я люблю тебя — чёрной от света,
Прямо бьющего в скулы и в лоб.
Не в Москве — так когда-то и где-то
Все равно это сбыться могло б.

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Я тебя не забуду за то, что
Есть на свете театры, дожди,
Память, музыка, дальняя почта...
И за всё. Что ещё. Впереди.

(1929)

ВОТ НАШЕ ПРОШЛОЕ...

Я рифмовал твоё имя с грозою,
Золотом зноя осыпал тебя.
Ждал на вокзалах полуночных Зою,
То есть по-гречески — жизнь. И, трубя
В хриплые трубы, под сказочной тучей
Мчался наш поезд с добычей летучей.

Дождь ещё хлещет. И, напряжена,
Ночь ещё блещет отливом лиловым.
Если скажу я, что ты мне жена,
Я ничего не скажу этим словом.
Милой немыслимо мне устеречь
На людях, в шуме прощаний и встреч.

Нет. О другом! Не напрасно бушуя,
Двигается рядом природа. Смотри
В раму зари, на картину большую.
Рельсы, леса, облака, пустыри.
За Ленинградом, за Магнитогорском
Тонкая тень в оперенье заморском!

Сколько меж нас километров легло,
Сколько — о, сколько — столетий промчалось!
Дождь ещё хлещет в жилое стекло,
Ночь ещё блещет красой одичалой.
Не окончательно созданный мир
Рвётся на волю из книг и квартир.

Вот он! В знаменах, и в песнях и в грубых
Контурах будущих дней. Преврати
Нашу вселенную в свадебный кубок!
Чокнемся в честь прожитого пути!

(1935)

БАЛЛАДА О ЧУДНОМ МГНОВЕНИИ

*...Она скончалась в бедности. По стран-
ной случайности гроб её повстречал-
ся с памятником Пушкину, который
ввозили в Москву.*

Из старой энциклопедии

Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным.
А по чести сказать, о мгновенье чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала, как нищенка, на медные деньги.

Да и, господи боже, когда это было!
Да и вправду ли было, старуха забыла,
Как по лунной дорожке, в сверкании снега,
Приезжала к нему — вся томленье и нега,
Как в объятьях жарких, в молчанье ночи,
Он её заклинал, целовал ей очи,
Как уснул на груди её и дышал неровно,
Позабыла голубушка Анна Петровна.

А потом пришел её час последний.
И всесветная слава и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волнением сам благочинный:
— Во блаженном успении вечный покой ей! -
Что в сравнение с этим счастье мирское!
Ничего не слыша, спала, бездыханна,
Раскрасавица Керн, болярыня Анна.

Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десяток — не боле,
Не сановный люд, не знатные гости
Поспешали зарыть её на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла.
Да крещенский мороз крепчал, как назло.

Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, придержал правее возница,
Потому, что в Москву, по воле народа,
Возвращался путник особого рода.
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чём-то ещё не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чём-то навеки близком.

Вот он — отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.
Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде
Он стоит, кудрявый и смелый, как прежде.
Только страшно вырос, — прикиньте, смерьте,
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно юн и страшно спокоен, —
Поглядите, правнуки, — точно такой он!

Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чём не печалась.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновенье чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертной бронзой.
Двух любовников страстных, отпылавших розно,
Что простились рано, а встретились поздно.

(1954)

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

1896—1979

* * *

Полюбила меня не любовью, —
Как берёзу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но ни песней, ни бранью, ни ладом
Не ужились мы долго вдвоём, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берёшь.

«Что же, видно, мои были хуже?», —
«Видно, хуже», — ответил якут,
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню,
Видно, брат, и сожженной берёзе
Надо быть благодарной огню».

(1920)

* * *

Я люблю тебя той — без причёски,
Без румян — перед ночи концом,
В чёрном блеске волос твоих жёстких,
С побледневшим и строгим лицом.

Но, отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон, — в глубину
Чуждадных мелькающих улиц,
За страну меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскалённых бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушие московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж ещё я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнёшься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную, —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

(1937)

* * *

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик, гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны.

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — в бессонных думах о тебе.

Но это всё — одной печали росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще,
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды, словно из льда!

(1938)

* * *

Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем,
И высокие брови не хмурь на чернеющий снег.
Ты со мною всегда: и в снегах, и под пламенным ливнем.
Улыбнись, моя гордость, ты поедешь навстречу весне.
Ты увидишь ручьи как впервые, мальчишески рыжие рощи,
И взъерошенных птиц, и травы полусонный узор,
Все, что снится тебе, будет сниться теплее и проще.

Ты любимое платье наденешь для синих озёр,
Ты пойдешь вдоль канала, где барки над тихой водою,
Отдохнёшь среди улиц, где тихо каштаны цветут,
Ты очнёшься одна — в тишине, далеко, чуть усталой,
простой,
 молодою,
Удивленно впивая такой тишины чистоту.

(1938)

* * *

Ты девочкой с глазами золотыми
Приснилась мне на берегу морском,
В твоих руках под ветром щепки стыли,
Что, насбивав, ты относил в дом.

Вдруг всё забыв и сердцу лишь внимая,
Круженье пен бесчисленных следя,
Сидела ты, колени обнимая
И горизонт глазами обводя.

Сквозь вихри пен и тёмные просторы
Ты постигала радость впереди,
Как той щепы родной и мокрый ворох,
Что ты несла, прижав к своей груди.

...Ты женщиной прекрасной и усталой
Стоишь сейчас на дальнем берегу,
С печальными и тонкими устами,
Чей сладкий свет забыть я не могу.

И, побледнев, угрюмо, как немая,
В круженье дней бесчисленных глядя,
Сама себя подчас не понимая
В холодных искрах тёмного дождя,

Томясь бедой, устав от лиц и споров,
Что б ты дала за тот далекий дом,
За той щепы родной и мокрый ворох,
За девочку на берегу морском.

(1939)

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ

1897—1986

МОЛОДОСТЬ

Чуть скользит по чёрной глади лодка.
От упругой гребли глубже дышит грудь.
Ночь плывёт, и надо мною чётко
Разметался длинный Млечный Путь.

Небо кажется отсюда бездной серой,
Млечный Путь белеет, как роса.
Господи, с какою чистой верой
Я смотрю в ночные небеса!

Путь не долог. Серебристо светит
Под водой у берега песок.
Крикну я — и мне с горы ответит
Молодой звенящий голосок.

Я люблю тебя. Люблю свежо и чисто.
Я люблю в тебе, не сознавая сам,
Эту ночь, что движется лучисто,
Этот свет, что льётся с неба к нам.

(1915)

ПИСЬМО

Зимой по утренней заре
Я шёл с твоим письмом в кармане.
По грудь в морозном серебре
Еловый лес стоял в тумане.

Всходило солнце. За бугром
Порозовело небо, стало
Глубоким, чистым, а кругом
Всё очарованно молчало.

Я вынимал письмо. С тоской
Смотрел на милый, ломкий почерк
И видел лоб холодный твой
И детских губ упрямый очерк.

Твой голос весело звенел
Из каждой строчки светлым звоном,
А край небес, как жар, горел
За лесом, вьюгой замётённым.

Я шёл в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге.

Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.

Мне было странно, что война,
Что каждый миг возможность смерти,
Когда на свете — ты одна
И милый почерк на конверте.

В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Над лесом плыл кадильный дым.
В лесу стоял смолистый запах,
И снег был хрупко-голубым
У старых елей в синих лапах.

(1916, Действующая армия)

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗИН

1898—1981

* * *

Тебе не ночь ли косы заплетала?
Вслед за тобою не бредёт ли ночь?
Такая тьма — и солнцем не помочь
Глазам: так тяжело им стало...

Ушла... но всё стоишь в глазах ты,
И в глубине души, где сумрака потоп,
Стучит любовь, как в тёмных недрах шахты
Работой упоённый рудокоп.

(1922)

ЛЮБОВЬ

Меня, ей-богу, не спросилась,
К тебе с любовью вдруг сама
Моя рванулась некрасивость,
Дав страсти сбросить власть ума.

Попробовал я, балагурия,
Удрать от морока, как вор.
Но будто огненная буря
В твой образ мой вковала взор.

Взирал я с жадностью: уж очень
Хорош он был, фигуры взлёт.
В лице до тонкости отточен
Был каждой черточки расчёт.

Что ж! Ведь любовь не урезонишь,
Как ей умно ни прекословь,
В пылу восторгов, мук, бессонниц
Любви ответной ждёт любовь.

Какой надеждой жить бессонной?
Чем поборю я трудность ту,
Чтоб к некрасивости влюблённой
Привлечь твою мне красоту?

Лишь верю в чудо я: такую
Вдруг в муках сотворю строку,
Что красоту твою взволную,
Всем взрывом чувства увлеку.

Надежда и на жалость малость.
Но, как с врагом в бою бойцу,
В любви рассчитывать на жалость
Мне проку нет и не к лицу.

Любовь не терпит снисхожденья,
Любовью правило дано,
Чтоб в страсти два сердцебиенья
Гремели громом, как одно.

(1952)

ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ СЕЛЬВИНСКИЙ

1899—1968

СОНЕТ

Я никогда в любви не знал трагедий.
За что меня любили? Не пойму.
Походка у меня, как у медведя,
Характер — впору ветру самому.

Быть может, голос? Но бывали меди
Сродни виолончельному письму;
Иных же по блестящему уму
Приравнивали мы к самой комете!

А между тем была ведь Беатриче
Для Данте недоступной. Боже мой!
Как я хотел бы испытать величье
Любви неразделённой и смешной,

Униженной, уже нечеловечьей,
Бормочущей божественные речи.

(1950)

ИЗ ЦИКЛА «АЛИСА»

Этюд 5

Я часто думаю: красивая ли ты?
Не знаю, но краса с тобою не сравнится!
В тебе есть то, что выше красоты,
Что лишь угадывается и снится.

Этюд 10

Пять миллионов душ в Москве,
И где-то меж ними одна.
Площадь. Парк. Улица. Сквер.
Она?

Нет, не она.
Сколько почтамтов! Сколько аптек!
И всюду люди, народ...
Пять миллионов в Москве человек.
Кто её тут найдет?

Случай! Ты был мне всегда как брат.
Ещё хоть раз помоги!
Сретенка. Трубная. Пушкин. Арбат.
Шаги, шаги, шаги.

Иду, шепчу колдовские слова,
Магические, как встарь.
Отдай мне её! Ты слышишь, Москва?
Выбрось, как море янтарь!

Этюд 13

Имя твоё шепчу неустанно,
Шепчу неустанно имя твоё.
Магнитной волной через воды и страны
Летит иностранное имя твоё.

Быть может, Алиса, за чашкою кофе
Сидишь ты в кругу весёлых людей,
А я всей болью дымящейся крови
Тяну твою душу, как чародей.

И вдруг изумленно бледнеют лица:
Всё тот же камин. Электрический свет.
Синяя чашка ещё дымится,
А человека за нею нет...

Ты снова со мной. За строфою-решёткой,
Как будто бы я с колдунами знаком,
Не облик, не образ, а явственно, чётко —
Дыханье, пахнущее молоком.

Теперь ты навеки со мной, недотрога!
Постигнет ли твой Болеслав или Стах,
Что ты не придёшь? Ты осталась в стихах.
Для жизни мало, для смерти много.

Этюд 14

Так и буду жить. Один меж прочих.
А со мной отныне на года
Вечное круженье этих строчек
И глухонемое «никогда».

(1951)

ЗАКЛИНАНИЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня...

(1958)

* * *

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о недоступном засыпаю,
Проснусь — и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и к лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется — невысказанно
Моей тоске со всем её огнём.

А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре —
Олений зов тебя не позовет.

Но иногда, самой иконы строже,
Ты взглянешь исподлобья в стороне
И на секунду жутко мне до дрожи:
Не ты ль сама тоскуешь обо мне?

(1959)

ВЛЮБЛЕННЫЕ НЕ УМИРАЮТ

Да будет славен тот, кто выдумал любовь
И приподнял её над страстью:
Он мужество продолжил старостью,
Он лилию выводит среди льдов.

Я понимаю: скажете — мираж?
Но в мире стало больше нежности,
Мы вскоре станем меньше умирать:
Ведь умираем мы от безнадежности.

(1961)

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУРКОВ

1899—1983

* * *

Софье Кревс

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

(1941)

* * *

А было это сорок лет назад.
Была весна и волжский ледоход.
По всей реке, куда ни кинешь взгляд,
Шипя, шурша, крошась, шёл колкий лёд.

Над набережной, где стояли мы,
Скрывая звёзды, плыли облака.
В лицо последним холодом зимы
Дышала пробуждённая река.

Крошился лёд, как хрупкое стекло,
Теряя в тренье холода запас,
И первой робкой близости тепло
На сквозняке весеннем грело нас.

Так, сердце к сердцу и рука к руке,
Стояли мы под ветром над рекой.
Неслось над Волгой время налегке,
Не смея прикоснуться к нам рукой.

Наверно, в полночь медные басы
Колоколов обрушились во тьму.
Но мы их не слышали. Ведь часы
Счастливым и влюбленным ни к чему.

(1965)

* * *

Ни свеч, ни флердоранжа, ни фаты,
Ни певчих, ни «Исаия, ликуй».
И всё же чувства святы и чисты
Без флердоранжа, как там ни толкуй.

Пусть то, что отшумело там, в былом,
Как ни зови, не возвратится вновь,
Но жизни наши связаны узлом,
Которому название — любовь.

Мы за руки взялись, чтобы идти
Через ухабы жизненных обуз.
И общей целью на большом пути
Скреплён нерасторжимый наш союз.

Пусть время в череде жестоких лет
Огнём и болью испытало нас,
Под серым пеплом будней не угас
Далёкой юности бессмертный свет.

Так завершим же нашей жизни круг
Плечо к плечу, не размыкая рук
И чувствуя под снегом седины
Тепло неувядающей весны.

(1965)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

1899—1973

* * *

Телефон — аппарат разговорный, —
как попал он в степные края?
Всё воркует, звонит мне упорно
косоглазая прелесть моя.

Ты когда ж ворковать научилась —
мне, голубка степная, ответь?
Ты, ордыночка, как же включилась
в двух сердец телефонную сеть?

Телефон у тебя ли в кибитке,
или где он? В улусы твои
всё бежит по невидимой нитке
феодальная птичка любви.

(1923)

ЛИРИКА

*Ты мне сказал, небрежен и суров,
что у тебя — отрадное явление!
есть о любви четыреста стихов,
а у меня два-три стихотворенья.*

Ярослав Смеляков

А я писал всё время о любви
к глухим разъездам,
к старым счетоводам,
к полужаросшим,
но проточным водам,
и все тропинки вдаль меня вели.
И малый куст на диком косогоре
вдруг чувствовал себя
как великан,
и все канавки пробирались к морю,
все лужицы стремились в океан.
Моя любовь была веков разведка...
Пусть не всегда звенели соловьи,
пусть розы расцветали слишком редко,
но о любви писал я,
о любви!

(1961)

* * *

Женщина бежит,
 бежит по пирсу,
машет правой,
 левою рукой.
Тот, кто с нею только что простился,
отвечает с палубы крутой.

До свиданья!
Будет ли свиданье?
Только пена, пена за рулём.
Увеличивается
 расстояние
Между женщиной
 и кораблём.

Может быть, от бега сердце бьётся,
может быть, предчувствие беды...
Слишком мало пирса остаётся,
слишком много впереди воды.

(1975)

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ЩИПАЧЕВ

1899—1979

БЕРЕЗКА

Её к земле сгибает ливень,
почти нагую, а она
рванётся, глянет молчаливо —
и дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
в победу веря наперёд,
её буран берёт за плечи,
за руки белые берёт.

Но, тонкую, её ломая,
из силы выбьются... Она,
видать, характером прямая,
кому-то третьему верна.

(1937)

* * *

Что листья падают, что ночь светла,
запомню и вовек не пожалею
о том, что нас далёко завела
кленовая сентябрьская аллея.

Сидим одни, обнявшись, под луной,
но всё длинней косые тени клёнов.
Луна спешит — на целый шар земной
она одна, одна на всех влюблённых.

(1939)

* * *

Как хочешь это назови.
Друг другу стали мы дороже,
заботливей, нежней в любви,
но почему я так тревожен?

Стал придавать значение снам,
порой задумаюсь, мрачней...
Уж видно — чем любовь сильнее,
тем за неё страшнее нам.

(1944)

* * *

Ты со мной — и каждый миг мне дорог.
Может, впереди у нас года,
но придёт разлука, за которой
не бывает встречи никогда.

Только звёзды в чей-то час свиданья
будут так же лить свой тихий свет.
Где тогда в холодном мирозданье,
милый друг, я отыщу твой след?

(1944)

* * *

Мы часто ищем сложности вещей,
где истина лежит совсем простая.
Мне не хватает нежности твоей,
тебе моей заботы не хватает.

Что к этому прибавить я могу?
Одно, что я любви твоей не стою:
ведь я тебя совсем не берегу —
легко ли нежной быть тебе со мною?

(1945)

* * *

Поверь, ты всё в моей судьбе:
и счастье и беда.
Я в жизни мог солгать тебе,
а в песне никогда.

О, если б, как в своё окно,
взглянуть в судьбу хоть раз!
Нам знать с тобою не дано,
чей ближе смертный час.

Я одного желаю вновь,
сильней день ото дня,
желаю, чтоб твоя любовь
пережила меня.

(1946)

* * *

Забывать ли
блеск твоих глаз,
рук твоих жарких кольцо,
если сквозь слёзы не раз
я видел твое лицо.

Что б ни было впереди,
приди любая беда,
ты болью в моей груди
останешься навсегда.

(1949)

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

Любушка

Понапрасну травушка измята
В том саду, где зреет виноград.
Понапрасну Любушке ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Семерых она приворожила,
А сама не знает — почему.
Семерым головушку вскружила,
А навстречу вышла одному.

То была не встреча, а прощанье
У того ль студёного ключа.
Там давала Люба обещанье,
Что любовь навеки горяча.

До рассвета Люба говорила,
Расставаясь, слезы не лила,
Ничего на память не дарила,
А лишь только сердце отдала.

Мил уехал далеко-далече,
Улетел весёлый соловей.
Но, быть может, в этот самый вечер
Вспомнит он о Любушке своей.

В том краю, откуда всходят зори,
Где обманчив по ночам покой,
Он стоит с товарищем в дозоре
Над Амуром — быстрою рекой.

Он стоит и каждый кустик слышит,
Каждый камень видит впереди...
Ничего особого не пишет,
Только пишет: «Люба, подожди».

Люба ждёт назначенного срока,
Выйдет в поле, песню запоеет:
Скоро ль милый с Дальнего Востока
Ей обратно сердце привезет.

Всходит месяц, вечер пахнет мятой,
В чёрных косах не видать ни зги...
Ой, напрасно ходят к ней ребята,
Ой, напрасно топчут сапоги!

(1935)

И КТО ЕГО ЗНАЕТ.

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.

И кто его знает,
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поёт,
А простимся у калитки —
Отвернётся и вздохнёт.

И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: — Что не весел?
Иль не радует житьё?
— Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное своё. —

И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки,
Догадайся, мол, сама.

И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала, —
Не надейся и не жди, —
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.

И кто его знает,
Чего оно тает.

(1938)

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережёт.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

(1938)

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.

Парня встретила славная
Фронтная семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонёк?

И подруга далёкая
Парню весточку шлёт,
Что любовь её девичья
Никогда не умрёт;

Всё, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонёк.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От её письма.

И врага ненавистного
Крепче бьёт паренёк
За советскую родину,
За родной огонёк.

(1942)

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Ещё косою острою
В лугах трава не скошена,
Ещё не вся черёмуха
К тебе в окошко брошена;

Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

(1945)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КОЧЕТКОВ

1900—1953

БАЛЛАДА О ПРОКУРЕННОМ ВАГОНЕ

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, -
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастёт на сердце рана —
Прольёмся чистыми слезами,
Не зарастёт на сердце рана —
Прольёмся пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоём.
Ты понесёшь с собой повсюду —
Не забывай меня, любимый, —
Ты понесёшь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернёмся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного, —
Но если я безвестно кану
За звёздный пояс, в млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,
Когда состав на скользком склоне
От рельс колёса оторвал.

Нечеловеческая сила,
В одной давилъне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всею кровью прорастайте в них,-
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму.
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.
На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Лёгкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На моё широкое крыльцо.
А берёзки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам.
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

(1928)

* * *

Не боюсь, что даль затмилась,
Что река пошла мелеть,
А боюсь на свадьбе милой
С пива-мёду захмелеть.
Я старинный мёд растрочу,
Заслоню лицо рукой,
Захмелею и заплачу.
Гости спросят:
 «Кто такой?»
Ты ли каждому и многим
Скажешь так, крутя кайму:
«Этот крайний, одинокий,
Не известен никому!»
Ну, тогда я встану с места,
И прищурю левый глаз,
И скажу, что я с невестой
Целовался много раз.
«Что ж, — скажу невесте, — жалуй
Самой горькою судьбой...
Раз четырёста, пожалуй,
Целовался я с тобой».

(1934)

* * *

То ль тебе, что отрады милее,
То ли людям поведать хочу,
Что когда ты приходишь — светлею,
И когда ты уходишь — грущу.

Ты меня, молодая, по краю
Раскаленного дня повела.
Я от гордости лютой желаю,
Чтобы ты рядом с морем жила.

Чтоб в раскосые волны с разбега,
Слыша окрик отчаянный мой,
Шла бы лодка далёкого бега
И на ней белый парус прямой.

Чтобы паруса вольная сила,
Подчиняясь тяжёлым рукам,
Против ветра меня выносила
К долгожданным твоим берегам.

(1934)

* * *

Любишь или нет меня, отрада,
Всё равно я так тебя зову,
Всё равно топтать нам до упаду
Вешнюю зелёную траву.

Яблонею белой любоваться
(Ой, чтоб вечно, вечно ей цвести!),
Под одним окном расцеловаться,
Под другим — чтоб глаз не отвести!

А потом опять порой прощальной
Проходить дорогой, как по дну,
И не знать, в каких просторах дальних
Две дороги сходятся в одну.

Чтоб не как во сне, немые и глухи,
А вовсю, страдая и крича,
Надо мной твои летали руки,
Словно два сверкающих луча!

(1938)

СОЛЬВЕЙГ

1

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
И ветры над ними промчались, трубя...
Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
Не дай умереть, не увидев тебя!

В бору вековом ты приснись иль в долине,
Где сосны кончают свое забытье
И с плеч, словно путники, сбросили иней,
Приветствуя так появление твое!

И чтобы увидел я снова и снова,
Что мне не увидеть по дальним краям. —
И косы тяжёлые в лентах лиловых,
И взгляд, от которого петь соловьям!

Чтоб снег перепархивал, даль заклубилась,
Вершинами бор проколол синеву,
Чтоб замерло сердце, не билось, не билось,
Как будто бы ты наяву, наяву!

Снега голубеют в бескрайних раздольях,
Мой ветер, мой вольный, ты им поклонись.
Приснись мне, на лыжах бегущая Сольвейг,
Какая ты светлая, Сольвейг!

Приснись!

2

Бор синий, вечерний. Суметы крутые.
И словно на ветви легли небеса.
О Сольвейг!

Ой, косы твои золотые,
Ой, губ твоих полных и алых краса!

Как ходишь легко ты по снежному краю!
Там ветер по окна сугробы намёл,
И там, где прошла ты, ручьи заиграли
И вдруг на опушке подснежник расцвёл.

А там, где ты встала, трава прорастает,
Река рвется к морю, и льдинки хрустят,
И птиц перелётных крикливые стаи,
Быть может, сегодня сюда прилетят.

Заплещут крылами, засвищут, как в детстве,
За дымкой туманной, грустя и любя...
О Сольвейг, постой же! Ну дай наглядеться,
Ну дай наглядеться, любовь, на тебя!

Ведь может и так быть:

поля колосились,
И реки к морям устремляли разбег,
Чтоб глаз, отенённых ресницами, синих,
Вовек не померкло сиянье,
вовек!

(1939)

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУГОВСКОЙ

1901—1957

ЛИМОННАЯ НОЧЬ

Луна стоит на капитанской вахте,
На триста вёрст рассыпался прибой.
И словно белая трепещущая яхта
Уходит женщина, любимая тобой.

Мне нужен сон глубокого наплыва
Мне нужен ритм высокой чистоты.
Сегодня звёзды сини, словно сливы,
Такие звёзды выдумала ты.

Лимон разрезанный
на лунный свет походит.
Таких ночей
светлей и тише нет,
Тревожные созвездья
пароходов
Прносятся
в лимонной тишине.

Телеграфируйте в пространство,
дорогая,
Что бриз и рейс
вас сделали добрей.
И я рванусь
за вами, содрогаясь,
Как чёрный истребитель
в серебре.

(1928)

* * *

Поманила пальцем.
Убежала.
Сны окончились.
Кругом — темно.
Горечь расставанья, боль и жалость
Хлынули в раскрытое окно.

Хлынул шум дождей непобедимый,
Сентября коричневый настой,
Понесло холодным кислым дымом,
Городской дрожащей темнотой.

С кем ходила ты,
кого жалела,
В сон чужой ты почему вошла,
Ласковое тоненькое тело
Ты кому спокойно отдала?

(1938 (?))

(1957)

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ГОЛОДНЫЙ

1903—1949

* * *

Люби досмерти.
Мне в любви
Конца не увидеть.
Ты оттолкни,
И позови,
И обними опять.

С тобою просидим
вдвоем
С зари и до зари.
Люби до смерти,
а потом,
Коль можно... повтори!

(1926)

ЛЮБОВЬ — ВОЙНА

Любовь, по-моему, война,
Где битва треплет битву.
Не стоит плакать,
Коль она
Невольно нагрубит вам!

Любовь, по-моему, плацдарм.
Пять чувств — мои солдаты.
И я, угрюмый командарм,
Кричу:
— Смелей, ребята!

Скажите, кто в бою не груб,
Но разве в этом дело!
Сраженный властью женских губ,
Веду войну умело.

Глаза огромные растут,
Пугают тусклым блеском.
Вперёд! Ещё один редут —
И нам бороться не с кем!

Катится кровь, за валом — вал,
Грохочет сердце маршем,
Склонилась набок голова.
Ура! головка — наша!

А ночь летит, как миг, как час,
То рысью,
То карьером.
Пять чувств крылатых, горячась,
Ломают все барьеры.

А день, а я — весь впереди.
Гляжу вокруг, смущенный,
И чувствую, что, победив,
Остался побежденным!

(1926)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

1. Чертополох

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.
Эти звёзды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетённый из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копьё приставлено копьё,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решётка, чёрная, как ночь,
За решёткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.

(1956)

2. Морская прогулка

На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли миллионами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом
И подобные крабам мужчины
Оцепили наш глассер кругом.

Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело
Пробивало над нами насквозь.
Но водитель нажал на педали,
И опять мы, как будто во сне,
Полетели из мира печали
На высокой и легкой волне.
Солнце в самом зените пылало,
Пена скал заливала корму,
И Таврида из моря вставала,
Приближаясь к лицу твоему.

(1956)

3. Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не весёлая, не печальная,
Словно с тёмного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжёлые,
В эти чёрные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

(1957)

4. Последняя любовь

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомлённый работой шофёр.
Вдалеке через стёкла кабины
Трепетали созвездья огней.

Пожилой пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращённых друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные лёгкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,
Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофёр улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, -
То, что, к счастью, не знали они.

(1957)

5. Голос в телефоне

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

(1957)

Клялась ты — до гроба
 Быть милой моей.
 Опомнившись, оба
 Мы стали умней.

Опомнившись, оба
 Мы поняли вдруг,
 Что счастья до гроба
 Не будет, мой друг.

Колеблется лебедь
 На пламени вод.
 Однако к земле ведь
 И он уплывёт.

И вновь одиноко
 Заблещет вода,
 И глянет ей в око
 Ночная звезда.

(1957)

Посредине панели
 Я заметил у ног
 В лепестках акварели
 Полумёртвый цветок.
 Он лежал без движенья
 В белом сумраке дня,
 Как твоё отраженье
 На душе у меня.

(1957)

8. Можжевеловый куст

Я увидел во сне можжевеловый куст.
 Я услышал вдали металлический хруст.
 Аметистовых ягод услышал я звон.
 И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон лёгкий запах смолы.
 Отогнув невысокие эти стволы,
 Я заметил во мраке древесных ветвей
 Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
 Остывающий лепет изменчивых уст,
 Лёгкий лепет, едва отдающий смолой,
 Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим.
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевельный куст!

(1957)

9. Встреча

*И лицо с внимательными глазами, с
трудом, с усилием, как открывается
заржавевшая дверь, — улыбнулось...*
Л. Толстой. Война и мир

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием, — забыв о том, что было,
Она, моя неожиданная, теперь
Своё лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет — не свет, но целый сноп
Живых лучей, — не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях, — впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный лёгкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было ещё,
Да и не нужно было их — вопросов.

(1957)

10. Старость

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.

В неясной мгле существования
Был неприметен их удел,
И животворный свет страдания
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.

И знания малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдалённый слабый свет.

Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, —
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она,
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь всё страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.

(1956)

ВИССАРИОН МИХАЙЛОВИЧ САЯНОВ

1903—1958

* * *

Я тебя в своей песне прославлю,
Всю отдам тебя русским снегам.
Мчатся ль кони твои к Ярославлю
По заволжским крутым берегам?

Иль, быть может, в истоме тревожной
Ты не спишь в эту звёздную ночь,
Вспомнив муку в той песне острожной,
Что велела любовь превозмочь?

Что же делать?.. Мне тоже не спится...
Ведь бывшую любовь развело,
И она не подымет, как птица,
Перебитое пулей крыло...

Где искать тебя? В зареве диком?
В рёве ветра? В бегущих годах?
В Белозёрске? В Ростове Великом?
Иль в старинных других городах?

Или, может, до вести, до срока,
Словно благовест чистой любви,
Вдруг плеснут, вдруг плеснут издалёка
Лебединые крылья твои?

(Между 1932 и 1936)

* * *

Неотвратимая, необоримая,
С оканьем медленных северных рек,
Что бы ты мне ни сулила, любимая,
Не отрекусь от тебя я вовек.

(1955)

ТЕБЕ

Нет, я тебя такой оставлю в памяти,
Какою ты была давным-давно,
И вижу вновь: встаёт из белой замети
Неярко освещенное окно.

В провинциальном городе метелица,
Перебегает улицы она,
И пышный хвост за нею долго стелется,
Округа снегом вся замечена.

Пока метель за лунным светом гонится,
К окошку я украдкой подойду.
Как в доме тихо... В невысокой горнице
Лишь стопка книг сегодня на виду.

И ты сидишь, задумчивая, тихая,
С подругою беседуешь... О чем?
Часы стенные ходят, мерно тикая,
И, словно в сказке, дремлет старый дом.

Твоей рукой до строчки переписаны
Все первые стихи мои в тетрадь.
Ты в юности была мне другом истинным,
Зову тебя: «Приди, приди опять!»

Ведь надобно тебе поведать многое
О том, что было на земных путях...
И ты придешь, задумчивая, строгая,
С лесным цветком в седеющих кудрях!

(1955)

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ СВЕТЛОВ

1903—1964

РАЗЛУКА

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платице взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

(1929)

ПЕСЕНКА

Чтоб ты не страдала от пыли дорожной,
Чтоб ветер твой след не закрыл, —
Любимую, на руки взяв осторожно,
На облако я усадил.

Когда я промчуся, ветра обгоняя,
Когда я пришпорю коня,
Ты с облака сверху нагнись, дорогая,
И посмотри на меня!

Я другом ей не был, я мужем ей не был,
Я только ходил по следам, —
Сегодня я отдал ей целое небо,
А завтра всю землю отдам!

(1932)

ВСТРЕЧА

Откуда ты взялась такая?
«Где ты росла, где ты цвела?»
Твоим желаньям потакая,
Природа всё тебе дала —

Два океана глаз глубоких,
Два пламени девичьих щек
И трогательный, одинокий,
На лоб упавший волосок...

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрёпанную шкуру,
Что называется «уют»?

Мир так назойлив чудесами!
А я мечтаю до сих пор
Поплыть с тобой под парусами,
Забыв о том, что есть мотор.

Я не зову к средневековью,
К отсталости я не зову, —
Мне б только встретиться с любовью
Вот так — на ощупь, наяву!

Мы с ней встречались и до срока
И после срока... Отчего
Сама любовь — и одинока?
Любовь — а рядом никого?..

Ну ладно, хватит. Эти темы
Не для порядка и системы.
Как спорят где-то в глубине
Язычник с физиком во мне!

Я должен ощущать другое,
Я должен говорить не то...
Надень свое недорогое
Демисезонное пальто.

И мы пойдем с тобою в сказку,
В то общежитие поэм,
Где мы с тобой отыщем ласку,
Которой не хватает всем.

(1957)

ЛЮБОВЬ

Быть может, в разговорах откровенных,
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я среди лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви...

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что для тебя земная дань годам!
Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стежке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали, —
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...
Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

И этих чувств волшебных излученье
Сейчас меня на подвиг позовёт,
Отчаянное кровообращенье
Сейчас мне стенки сердца разорвёт!..

Рассвет, как долгожданное известье,
Явился к нам. Мир полон ворожбы.
Возьмем лукошки, милая, и вместе
Пойдем по чудеса, как по грибы.

И приютит нас древняя дубрава,
И старые дубы прошелестят:
«Такой любви мы не видали, право,
Чтоб не солгать, лет этак пятьдесят!»

(1958)

* * *

Все ювелирные магазины —
они твои.
Все дни рождения, все именины —
они твои.
Все устремления молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.
И всех счастливых влюбленных губы
они твои.
И всех военных оркестров трубы —
они твои.
Весь этот город, все эти зданья —
они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
они мои.

Уже светает.
Уже порхает стрижей семья.
Не затихает,
Не отдыхает любовь моя.

(1960)

РАЗГОВОР

Ты — любовь моя!
Ты — перевертень ума,
Ты — как лето на саночках,
Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,
Нет, не в туфельках Золушки,
Не в огнях городов,
Не в мерцанье села,
Не в сиянье реклам, —
По дорогам проселочным
В тихих тапочках стоптанных

Ты торжественно шла.
Я мечтал о тебе,
Отправляясь в дорогу,
Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,
Я любовь —
Эту раненую санитарку —
может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решения..
Неужели с годами
Погиб мой запал?

Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить —
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи
Всё же тяжести новой
Смиренно я жду.
Ты на месте не стой,
Ты пойдёшь мне навстречу,
Всё мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,
Нам соблазны
Не изменили маршрут..
Молодежь не поймёт
Наших грустных усилий.
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

(1963)

ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН

1903—1944

ПИСЬМО

...Я тебя не ждала сегодня
И старалась забыть, любя.
Но пришел бородатый водник
И сказал, что знает тебя.

Он такой же, как ты, лохматый,
И такие же брюки-клеш!
Рассказал, что ты был под Кронштадтом.
Жив...
Но больше домой не придешь...

Он умолк,
И мы слушали оба,
Как над крышей шумит метель,
Мне тогда показалась гробом
Колькина колыбель...

Я его поняла с полслова.
Гоша,

Милый!..

Молю...

Приезжай...
Я тебя и такого...
И безногого...
Я люблю!

(1923)

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:
«Ты такая...»
«Ты такой!..»
«Ты плохая...»
«Ты плохой!..»
«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!!»

Дело было на вокзале,
Дело было этим летом,
Всё решили. Всё сказали.
Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс
Бил копытом на пути:
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.

«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!!»
Но когда...
Чудак в фуражке,
Поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег...

Но когда...
Двенадцать двадцать
Бьет звонок. Один. Другой.
Надо было расставаться...
«До-ро-гая!»
«До-ро-гой...»
«Я такая!»
«Я такой!»
«Я плохая!»
«Я плохой!»
«Я не еду в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!!»

(Ноябрь 1935)

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

(1942)

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звёзды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвётся такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернёмся. Я знаю. Я верю.
И время такое придёт:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдёт.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтём...

(1943)

*Погиб в ноябре 1944 года при авиационной катастрофе,
возвращаясь с фронта.*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЖАРОВ

1904—1984

СКВОЗЬ НОЧЬ

Что, если бы мой сон вчерашний
Неотвратимой явью стал?
Друзьям у орудийной башни
Я так бы о тебе сказал:

Она мне радугой явилась,
Она мне звёздочкой была,
В глазах рососою серебрилась,
Зарёй плыла... И уплыла...

Одною мыслью успокою
Я сердце вздорное своё:
Ей никогда не быть такою,
Какой я выдумал её.

* * *

Как застигнет за коптилкою
Ночь полярная глубокая,
Уношусь душою пылкою
Всё к тебе, моя далёкая.

Мне опять в разлуке чудится,
Что всему война виновница...
Всё плохое позабудется,
Всё хорошее запомнится.

(1943)

О ТЕБЕ

О тебе,
пушистой, легкой, звонкой,
В самом сердце память берегу.
Встретилась ты мне совсем девчонкой
Где-то на малеевском снегу,
Где-то по дороге к Старой Рузе
В шумном вихре радостной игры
Начинал завязываться узел,
Не развязанный
до сей поры.

Помнишь,
как взлетали мы с разбега
В поздний час на белые холмы?
И казалось: не было ни снега,
Ни морозной ночи, ни зимы...
И узнали мы, что мать-природа,
Нам на счастье или на беду,
Может
быть, не с временами года,

А сама с собою лишь
в ладу.

Вспышки ослепительного света
Вырывались из метельной тьмы.
Не было ни осени, ни лета,
Ни весны...

А только были мы.
Я не знал,
что повторится чудо,
Молнией мелькнувшее вдали...
Неужели это мы оттуда
К нынешней любви своей пришли?

(1957)

ЕВГЕНИЙ САВВИЧ НЕЖИНЦЕВ

1904—1942

ОПЯТЬ НЕТ ПИСЕМ

Висят кувшины на заборе,
Рябина плещет на ветру,
И ягод огненное море
Ведет веселую игру.

На опустевшие балконы
Ложатся сумерки и тьма,
И ходят мимо почтальоны,
И нет по-прежнему письма.

Как будто ты забыла имя,
И номер дома, и число,
Как будто листьями сухими
Дорогу к сердцу занесло...

(1940)

* * *

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны.

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

(1941)

Умер в дни блокады Ленинграда 10 апреля 1942 года.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРОИЦКИЙ

1904—1941

* * *

Застыли, как при первой встрече,
Стоят и не отводят глаз.
Вдруг две руки легли на плечи
И обняли, как в первый раз.

Всё было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надёжней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

(1941)

*Погиб в бою в районе Невской Дубровки под Ленинградом
22 декабря 1941 года.*

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ МАРТЫНОВ

1905—1980

ЭЛЕГИЯ

О, не в тайгу б пошёл искать я рай,
Не Ева ты, я не Адам нагой,
Но помолчи и отдышаться дай,
Ведь я пришел к тебе, а не к другой.

Тяжелый запах ты сейчас вдохнешь,
В нём будет все — и паровозный дым,
И сырость трюма. Револьвер и нож
Я суну под подушку. Помолчим.

Мир озарён Полярною звездой,
За окнами упругий снежный хруст.
Ты поцелуя теплою водой
Напой меня из приоткрытых уст...

Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
Забудешь или память сохранит:
В осенний час соседний мир поджечь
Я улетел в потоке Леонид.

(1924)

ЛЮБОВЬ

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права;
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней Покрова.

И ещё над могилой моей
Ты взойдешь как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво —
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава,
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

(1946)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушёл он рано вечером.

Сказал:

— Не жди. Дела...

Шёл первый снег.

И улица

Была белым-бела.

В киоске он у девушки

Спросил стакан вина.

«Дела... — твердил он мысленно, -

И не моя вина».

Но позвонил он с площади:

— Ты спишь?

— Нет, я не сплю.

— Не спишь? А что ты делаешь?

Ответила:

— Люблю!

Вернулся поздно утром он,

В двенадцатом часу,

И озирался в комнате,

Как будто бы в лесу, —

В лесу, где ветви чёрные

И чёрные стволы,

И все портьеры чёрные,

И чёрные углы,

И кресла чёрно-бурые,

Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,

И он увидел вдруг:

Быть может, и сама ещё

Она не хочет знать,

Откуда в тёплом золоте

Взялась такая прядь!

Он тронул это милое

Теперь ему навек

И понял,

Чьим он золотом

Платил за свой ночлег.

Она спросила:

— Что это?

Сказал он:

— Первый снег!

(1946)

* * *

Он залатан,
Мой косматый парус,
Но исправно служит кораблю.
Я тебя люблю.
При чём тут старость,
Если я тебя люблю!

Может быть,
Обоим и осталось
В самом деле только это нам, —
Я тебя люблю, чтоб волновалось
Море, тихое по временам.

И на небе тучи,
И скрипучи
Снасти.
Но хозяйка кораблю —
Только ты.
И ничего нет лучше
Этого, что я тебя люблю.

(1967)

Я ЗНАЮ, КАКОВА ЛЮБОВЬ

Я знаю,
Какова Любовь!

Когда любовники возлягут
В альков среди ее цветов
Вкусить плодов ее и ягод —
То это не всегда Любовь!

И что ты там ни обусловь,
Каких ты под любовный купол
Ни подымай колоколов,
Каких ни пой любовных слов -
И это не всегда Любовь!

И если даже ты нащупал
Средь самых шёлковых голов
Парчово-бархатистых кукол
Соболью бровь, как зверолов, —
То это тоже не Любовь!

И если ты не бархат гладил,
Но и с Железной Девой сладил -
Хозяйкой внутренних шипов, —
То это тоже не Любовь!

Её ты имя не порочь!
Она,
Вся белая от гнева,
Железную ломает Деву,
Отбрасывает кукол прочь
И гонит властною рукою
Твоих врагинь, твоих врагов.
Ты понял, что она такое?
Я знаю,
Какова Любовь!

(1969)

ВОЛНЕНИЕ

В области сердечного волнения,
Пусть она невесть какая область.
Доблести сердечного волнения
Даже не считаются за доблесть;
И никто не просит извиненья,
Будь он даже вежлив безупречно,
За своё сердечное волнение,
И волнение это бесконечно;
И почти ничтожны по сравненью
С ним волнение перезревшей нивы,
Или океанское волнение,
Ибо волны все-таки ленивы
По сравненью с этим беспрестанным
И не находящим объяснения
Еле ощутимым ураганом
В области сердечного волнения.

(1969)

ЯКОВ ЗАХАРОВИЧ ШВЕДОВ

1905—1985

* * *

Как будто весна без конца и без края
Пред мною раскинулась вновь,
Так нынче при встрече с тобой расцветает
Счастливая наша любовь.
Как будто сквозь дымку я вижу улыбку
И кроткий твой любящий взгляд,
Устал повторять, что пришел на побывку
К тебе на мгновение солдат.
Ласкаю волос непокорную прядку,
Не верится, что наяву
Сердечно и строго своею солдаткой
Жену в час свиданья зову.
Поверь, дорогая, что в ночи глухие
Казалось порой в блиндажах,
Как чьи-то горячие руки чужие
Тебя обнимают впотьмах.
Как часто мне снились ночью порою
Неяркие губы твои...
А ты и не знаешь,
 как пели весною
На Курской дуге соловьи.
Настала пора расставаться с тобою,
Мне сына скорей позови!
За ревность прости,
 и на фронте весною
Поют соловьи о любви.

(1943)

СЕМЕН ИСААКОВИЧ КИРСАНОВ

1906—1972

ЛИРИКА

Человек

стоял и плакал,
комкая конверт.
В сто ступенек,
эскалатор
вез его наверх.
К подымавшимся
колоннам,
к залу,
где светло,
люди разные
наклонно
плыли
из метро.

Видел я:

земля уходит
из-под его ног.
Рядом плыл
на белом своде
мраморный венок.
Он уже
не в силах видеть
движущийся зал.
Со слезами,
чтоб не выдать,
борются глаза.
Подойти?
Спросить:
«Что с вами?»
просто ни к чему.
Неподвижными
словами
не помочь ему.
Может,
именно ему-то
лирика нужна.
Скорой помощью,
в минуту,
подоспеть должна.
Пусть она
беду чужую,
тяжесть всех забот,
муку
самую большую
на себя возьмет.
И поправит,
и поставит
ногу на порог,

и подняться
в жизнь
заставит
лестничками
строк.

* * *

Освободи меня от мысли:
со мной ли ты или с другим.
Освободи меня от мысли:
любим я или не любим.

Освободи меня от жизни
с тревогой, ревностью, тоской,
и всё, что с нами было, —
изничтожай безжалостной рукой.

Ни мнимой жалостью не трогай,
ни видимостью теплоты, —
открыто стань такой жестокой,
какой бываешь втайне ты.

КОЛЬЦО

Браслеты —
остатки цепей.
И в этом же роде, конечно,
на ручке покорной твоей
блестит
золотое колечко.
О, бедная!
Грустно до слез.
Ты губишь себя,
ты не любишь.
Кольцо уже с пальцем срослось,
а как свою руку
отрубишь?

АД

Иду
в аду.
Дороги -
в берлоги,
топи, ущелья
мзды, отмщенья.
Врыты в трясины
по шеи в терцинах,
губы резинно раздвинув,
одни умирают от жажды,
кровью опившись однажды.
Ужасны порезы, раны, увечья,
в трещинах жижица человечья.
Кричат, окалечась, увечные тени:
уймите, зажмите нам кровотечение,
мы тонем, вопим, в ущельях теснимся,
к вам, на земле, мы приходим и снимся.
Выше, спирально тела их, стена, несутся,
моля передышки, напрасно, нет, не спасутся.
Огненный ветер любовников кружит и вертит,
по двое слипшись, тщетно они просят о смерти.
За ними! Бросаюсь к их болью пронзенному кругу,
надеясь свою среди них дорогую заметить подругу.
Мелькнула. Она ли? Одна ли? Ее ли полузакрытые веки?
И с кем она, мучась, сплелась и, любя, слепилась навеки?

Франческа? Она? Да Римини? Теперь я узнал: обманула!
К другому, тоскуя, она поцелует болящим прильнула.
Я вспомнил: он был моим другом, надежным слугою,
он шлейф с кружевами, как паж, носил за тобою.
Я вижу: мы двое в постели, а тайно он между.
Убить? Мы в аду. Оставьте у входа надежду!
О, пытки моей беспощадная ежедневность!
Слежу, осужденный на вечную ревность.
Ревную, лететь обреченный вплотную,
вдыхать их духи, внимать поцелую.
Безжалостный к грешнику ветер
за ними волчком меня вертит
и тащит к их темному ложу,
и трет меня об их кожу,
прикосновенья — ожоги!
Нет обратной дороги
в кружащемся рое.
Ревнуй! Эти двое
наказаны тоже.
Больно, боже!
Мука, мука!
Где ход
назад?
Вот
ад.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ

1906—1979

ПОМОРСКАЯ ЖЕНКА

В ясный день, от народа сторонкой
Ты проходишь, задорно смеясь
Не с такой ли поморскою жёнкой
Жировал новгородский князь?

Что ж? Томи горделивым весельем
У высоких тесовых ворот!
На лугах приворотное зелье
Не для каждого, знаю, растёт.

И напрасны наветные речи;
Знаю я, что совсем ты не та;
Не для каждого эти плечи
И малиновые уста!

Ты приносишь и радость и горе,
Понапрасну тобой позабыт,
Рыжий штурман в серебряном море
За стаканом плачет навзрыд.

Моряки, сожжены синевою,
В честь привета и ласковых слов
Над твоею шальной головою
Поднимали сто вымпелов!

Белый дым. За рекою пожары,
Умирает весёлый день,
Разжигает свои самовары
Белобрюхая наша Мезень.

Пусть шуршат на лукавой дороге
В тесной горнице половики,
Бьётся сердце, слабеют ноги,
Окна тёмные далеки.

Жаркий шёпот щекочет ухо,
Мир, весь мир сейчас на двоих!
Тишина. За стеною старуха
Повторяет раскольничий стих.

Ты смеёшься задорно и звонко,
Манишь в бор — собирать голубень.
Ты одна, родимая жёнка,
На вселенную всю и Мезень!

ДЖЕК МОИСЕЕВИЧ АЛТАУЗЕН

1907—1942

ДЕВУШКЕ

Ты живёшь во мне, не остывая,
Ты сумела стать моей судьбой.
Гордая, высокая, простая,
Что мне делать? Как мне быть с тобой?

По ночам твой легкий стан мне снится,
Без тебя вокруг такая мгла.
По ошибке ты, моя синица.
Вместо моря сердце подожгла.

Я тебе моё бросаю слово,
Но в ответ не слышу ничего.
И печально прохожу я снова
В трех шагах от счастья своего.

(1936)

ЖЕЛАНИЕ

Ты была мне послана судьбою,
Как звезда возникла на пути.
Я хотел бы рядышком с тобою
Вдоль прибоя берегом пройти.

Чтоб волна тебя запечатлела,
В белой пене отразить успев
Облик твой, твоё лицо и тело,
Тонкий стан и губы нараспев.

Чтоб потом, когда погаснет пламя
И меня навек покинешь ты —
Женщина с веселыми глазами,
Таборной бессмертной красоты, —

Я бы мог, припомнив те мгновенья,
Взять билет, проехать по стране
И твоё живое отраженье
В черноморской отыскать волне.

(1938)

Погиб в бою под Харьковом в 1942 году.

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КЕДРИН

1907—1945

СЕРДЦЕ

(Бродячий сюжет)

Дивчину пытается казак у плетня:

— Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня?

Я саблей добуду для крали своей

И светлых цехинов и звонких рублей! —

Дивчина в ответ, заплетая косу:

— Про то мне ворожка гадала в лесу.

Пророчит она: мне полюбится тот,

Кто матери сердце мне в дар принесет.

Не надо цехинов, не надо рублей,

Дай сердце мне матери старой твоей.

Я пепел его настою на хмелю,

Настою напьюсь — и тебя люблю!

Казак с того дня замолчал, захмурел,

Борща не хлебал, саламаты не ел.

Клинком разрубил он у матери грудь

И с ношей заветной отправился в путь:

Он сердце её на цветном рушнике

Коханой приносит в косматой руке.

В пути у него помутилось в глазах,

Всходя на крылечко, споткнулся казак.

И матери сердце, упав на порог,

Спросило его: «Не ушибся, сынок?»

(1935)

* * *

Такой ты мне привиделась когда-то:

Молочный снег, яичная заря,

Косые рёбра будки полосатой,

Чиновничья припрыжка снегиря.

Я помню чай в кустодиевском блюде,

И санный путь, чуть вьюга улеглась,

И капли слёз, которые не льются

Из светло-серых с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я: бродяга — дым становий,

А полководец — жертвенную кровь

Любил в тебе... Но множество любовей

Слилось в одну великую любовь!

(1944)

Ты говоришь, что наш огонь погас,

Твердишь, что мы состарились с тобою,

Взгляни ж, как блещет небо голубое!

А ведь оно куда старше нас...

(1944)

БОРИС ПЕТРОВИЧ КОРНИЛОВ

1907—1938

СОЛОВЬИХА

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдёт на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...»
Чтобы самый ни на есть раскучерявый;
рвя по вороту рубахи алый шёлк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошёл.
Он всё тенором,
всё тенором
со злобой
запевал, рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна...»
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так, что справа самый старый соловей.
Перед ним вода зелёная, живая —
мимо заводей несётся напролом,
он качается на ветке, прикрывая
соловьишу годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и тёплая земля,
голубые ходят в омута сомята,
пол-аршинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу...
Много ужаса вода в себе таит...
Щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиша в тишине большой и душной...

Вдруг ударил, золотистый, вдалеке,
видно, злой, и молодой, и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
«По лесам,
на пустырях
и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,

нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозою, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залётная, ни разу не цвела.
Вылетай же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла».

И молчит она,
всё в мире забывая,
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
«Ты куда же, Серафима?» —
«Ухожу».
Кисти шали, словно пёрышки, расправя —
влюблена она,
красива,
нехитра, —
улетела.
Я держать её не вправе, —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнёт по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придёт она домой
с красивым,
с тёплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От неё и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

(1934)

ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ

1907—1982

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надёжней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,

И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

* * *

Модница ты, модница,
Где ты теперь?
Как живётся, ходится,
Гуляется тебе?

По волнам бегущая
Через все моря,
Любимая, лучшая,
Милая моя.

В море ли, на острове,
В горе ли, в беде —
Платья твои пёстрые
Видятся везде.

Следом горностаевым
Прыгаешь в снегах,
Со снежинкой, тающей
На сухих губах.

Брезгуя столицами,
В летнюю грозу
Скачешь синей птицею
По ветвям в лесу.

И на перьях радуга,
И в слезах глаза...
Повидаться надо бы
Донельзя — нельзя!

(1940)

* * *

Следов твоих ног на тропинке таёжной
Ветрам я не дам замести,
Земля сохранит отпечаток ничтожный
Живым на моём пути.

Когда-нибудь лёгкую вспомню походку,
Скупую улыбку твою,
И память свою похвалю за находку
В давно позабытом краю.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ДЕРЖАВИН

1908—1975

ЧЕРНИЛЬНИЦА

I

В чернильнице моей поют колокола.
Склоняются дубы над крышей пепелища.
В ней город затонул — где прежде ты жила;
Ныряет кит, судов проламывая днища;
И каплет кровь с ветвей, где ночь любви вела
В кабаньих зарослях осенние игрища.
И гекатомб венец в сто сорок кораблей
Антоний утопил в чернильнице моей.

II

Где тополя шумят над красной черепицей,
Клён чёрный с яблоней сплетаются в окне,
Где смотрит дом в закат чердачною бойницей,
Там было суждено взглянуть впервые мне
В нагую глубь озёр той скорби темнолицей,
Той властелинши, чей напев звенит во сне
Глухом, младенческом (лишь бурею догадки
Вздувает памяти чудовищные складки).

III

Как жёлтых туч пласты — осенние леса
Хоругвью шелеста твоё клубили имя.
Со дна сознания преданий голоса —
На алых лошадях, под гребнями седыми —
Им смутно вторили... Песчаная коса
От волн хохочущих дрожала. Будто — в дыме
Ночном чуть видима, хватаясь за кусты, —
С большой толпой подруг идёшь купаться ты...

IV

...И книгу февраля с застёжкой золотой
Листает влажный снег, дыханья осторожней;
Твой ранний, горький смех — всепомнящей рукой,
Словарь твоей любви, — как розовые пожни
Под инеем сквозным, — вписал он в книге той.
Но я прочел не все, — и, что ни день, тревожней
Живёт забытый край в душевной глубине,
Иголки башенок вонзая в сердце мне.

V

Я не его любил. Моим заветом не был
Ни город юности, ни игр забытых дом.
Но у тебя в глазах тонули даль и небо,
Двор с лошадьми, листок, летящий над прудом.
Но целый край, в лесах, в стоверстных волнах хлеба,
Стоял как зеркальце на столике твоём.
Тот мир, как мельница — росистая, ночная, —
Спал, водяным столбом твой образ отражая.

НЕЖНОСТЬ

Я бродил одиноко
 в пустынном осеннем лесу,
Я валялся, как труп,
 у поросших травой придорожий
И последнюю нежность
 тебе бережливо несу,
Как цветочную пыль,
 в волосах, на губах и на коже.
Я осеннюю нежность
 ревниво хранил для тебя,
Как последнюю влагу
 в забытом людьми водоёме.
И устал одичало бродить,
 никого не любя,
По хрустальным лесам,
 спотыкаясь в сухом буреломе.
Пусть с кудрей твоих льется
 густой, золотой полумрак!
Мои губы горьки,
 а твои — горячи и певучи.
Вот уж небо лиловою медью горит.
И в горах,
Как чудовище, с шумом ползут
 допотопные тучи.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ПЕТРОВЫХ

1908—1979

* * *

Знаю, что ко мне ты не придешь,
Но поверь, не о тебе горюю:
От другого горя невтерпёж,
И о нём с тобою говорю я.

Милый, ты передо мной в долгу.
Вспомни, что осталось за тобою,
Ты мне должен — должен! — я не лгу
Воздух, солнце, небо голубое,

Шум лесной, речную тишину, —
Всё, что до тебя со мною было.
Возврати друзей, веселье, силу
И тогда уже — оставь одну.

(1943)

* * *

Но разве счастье взять руками голыми? —
Оно сожжёт.
Меня швыряло из огня да в полымя
И вновь — об лёд,
И в кровь о камень сердца несравненного, —
До забытья...
Тебя ль судить, — бессмертного, мгновенного,
Судьба моя!

* * *

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным.
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.

Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.
Тропинка всё выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в кружение обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном...
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,
И я сквозь рыдания
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

(1953)

* * *

Но только и было что взгляд издалёка,
Горячий, сияющий взгляд на ходу.
В тот день облака проплывали высоко
И астры цвели в подмосковном саду.
Послушай, в каком это было году?..
С тех пор повторяю: а помнишь, а знаешь?
И нечего ждать мне и все-таки жду.
Я помню, я знаю, что ты вспоминаешь
И сад подмосковный, и взгляд на ходу.

(1962)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШИРМАН

1908—1942

ПУТЬ СКВОЗЬ СОСНЫ

Я думать о тебе люблю,
Когда роса на листьях рдеет,
Закат сквозь сосны холодеет
И невесомый, как идея,
Туман над речкою седеет.
Я думать о тебе люблю,
Когда пьяней, чем запах винный,
То вдруг отрывистый, то длинный,
И сладострастный, и невинный.
Раздастся посвист соловьиный.
Я думать о тебе люблю.
Ручей, ропща, во мрак струится.
И мост. И ночь. И голос птицы.
И я иду. И путь мой мнится
Письмом на двадцати страницах.
Я думать о тебе люблю.

(Май 1939, Переделкино)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди...
К. Симонов*

Это будет, я знаю...
Нескоро, быть может, —
Ты войдешь бородатый,
сутулый,
иной.
Твои добрые губы станут суше и строже,
Опалённые временем и войной.
Но улыбка останется.
Так иль иначе,
Я пойму — это ты.
Не в стихах, не во сне.
Я рванусь,
подбегу.
И наверно, заплачу,
Как когда-то, уткнувшись в сырую шинель...
Ты поднимешь мне голову,
Скажешь: «Здравствуй...»
Непривычной рукой по щеке проведешь.
Я ослепну от слёз,
от ресниц и от счастья.
Это будет нескоро.
Но ты — придешь.

(1941)

*Трагически погибла в станице Ремонтной под Ростовом
в 1942 году.*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЛЕНКОВ

1909—1969

* * *

Тоски любовной горький мёд,
Ещё хранят твой привкус губы.
Не всякий, может быть, поймёт,
Что есть на свете однолюбы.

Но кто поймёт — тому весь век
Весна и юность будут сниться,
Когда у шумных, быстрых рек
Друг дружку окликают птицы.

Пусть год за годом жизнь пройдет
И грянут траурные трубы.
Тоски любовной горький мёд
Передадут из рода в род
В прощальном поцелуе губы.

(1940)

ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, ещё не зная,
Сумеешь ли послать. И всё-таки писать.
Для самого себя. Поймешь ли ты, родная,
Что я хотел сказать?... Нет, спутался опять!

Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
Что твой ответ придёт. И всё-таки писать.
Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я,
И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдёшь в мою палатку мимо
Всех часовых. Войдёшь, как входит запах трав,
Как входит лунный дым. Ты мне необходима, —
И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?

Я навсегда тебя запомню — вот такую,
Усталую, в росе. Постой, не прекословь.
За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

(1942)

ВЬЕТСЯ ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Над посёлком, над речкой,
Над заречной долиной
Вьётся пух тополиный,
Вьётся пух тополиный.

Белый пух тополиный
Тихо-тихо кружится,
На травинки садится,
На тропинки ложится.

Устиляет дорожку,
Где идёшь ты босая, —
Обрываешь ромашку,
Лепестков не считая.

Сердце знает, что «любит»,
Без приметы старинной.
У щеки твоей вьётся
Лёгкий пух тополиный.

Вьётся пух тополиный,
Будто слово привета...
Так встречает нас лето,
Золотистое лето.

Что оно обещает?
Брось пустые догадки!
Всё, о чем ты мечтала,
Есть у лета в достатке.

Есть у лета в избытке
Всё, чего ты захочешь:
Кипятковые полдни,
Родниковые ночи.

Есть и ведро, и грозы,
Есть и песни, и слёзы,
Расставанья и встречи
У плакучей берёзы.

Сон короткий вполглаза
В дни покоса и жатвы,
Ветерок на рассвете —
Верный твой провожатый.

Вот оно, наше лето!
Ты проходишь долиной...
Вьётся пух тополиный,
Вьётся пух тополиный.

(1959)

ОЛЬГА ФЁДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ

1910—1975

ЕСЛИ ДРУГ ВЕРНЁТСЯ

Придёшь, как приходят слепые:
на ошупь стукнешь, слегка.
Лицо потемнеет от пыли,
впадины
на висках.

Сама я открою двери
и крикну, смирив дрожь:
«Я верю тебе, я верю!
Я знала, что ты придёшь!»

(1939)

БОРИСУ КОРНИЛОВУ

*...И всё не так, и ты теперь иная,
поёшь другое, плачешь о другом...*
Б. Корнилов

1

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь.
А может, узнаешь? Скажи!

Не стану прощенья просить я,
ни клятвы —
напрасной — не стану давать.
Но если — я верю — вернёшься обратно,
но если сумеешь узнать, —
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоём, —
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чём.

(1939)

2

Перебирая в памяти былое,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»

...Но годы шли всё горестней и слаще,
земля необозримая кругом.
Теперь — ты прав,
мой первый
и пропащий,-
пою другое,
плачу о другом...

А юные девчонки и мальчишки,
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

(1940)

СТИХИ О ЛЮБВИ

1

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с тёмной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

(1942)

Я тайно и горько ревную,
угрюмую думу тая:
тебе бы, наверно, иную —
светлей и отрадней, чем я...

За мною такие утраты
и столько любимых могил!
Пред ними я так виновата,
что если б ты знал — не простил.

Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить,
что люди со мною боятся
о счастье своем говорить.

Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далёко одна ухожу.

Туда, где ни мрака, ни света —
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: «Ну, где ты»?
О, знал бы, откуда зовёшь!

Ещё ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не откликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда.

Я тайно и горько ревную,
но ты погоди — не покинь.
Тебе бы меня, но иную,
не знавшую этих пустынь:
до этого смертного лета,
когда повстречались мы,
до горестной славы, до этой
полсердца отнявшей зимы.

Подумать — и точно осколок,
горя, шевельнётся в груди...
Я стану простой и весёлой, —
тверди ж мне, что любишь, тверди!

(1947)

ОТВЕТ

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,—
её нетленно-чистый свет
всегда во мне,
 всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
 начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

(1952, 1960)

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

1910—1937

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, весёлых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И ещё прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твоё яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ.
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идёт, что ветви зеленеют,
Так идёт, что соловьи чумеют,
Так идёт, что облака стоят.
Так идёт, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идёт, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов.
У которых кудлы пахнут псиной,
Бёдра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьёт в глазах её из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен
Чёртова рогулька, волчья сыть.
Мы ещё Некрасова знавали,
Мы ещё «Калинушку» певали,
Мы ещё не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране весёлое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального надень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

(1934)

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.

Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нём, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.

И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны
Столько нежности подруги,
Столько гордости жены.

Вся ты им живёшь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего писать.

Я за встречу благодарен,
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.

Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть ещё побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Чёрт!...

(1936)

* * *

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жёсткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слёз,
И копна тёмно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живёшь, и поёшь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста.
Не стареет твоя красота.

Ты идёшь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идёшь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая берёза в лесу
Поднялась — и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль: женщины в поле поют,
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поёшь! Потому так поёшь,
Что ты песня сама.

(1937)

* * *

Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие,
Расстаёмся навсегда.

Ты вернулась за вещами,
Ты спешила уходить
И решила на прощанье
Только печку затопить.

Занялась огнем берёста,
И защёлкали дрова.
И сказала ты мне просто
Дорогие мне слова.

Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое —
Так сейчас же топим печь.

(1938)

* * *

Звёзды, звёзды, как мне быть,
Звёзды, что мне делать,
Чтобы так её любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
— Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Всё на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

(1938)

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РУЧЬЕВ

1913—1973

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Александра Соловьева,
ты ли все четыре дня
в платье шёлку голубого
наряжалась для меня?
Из-за ясных глаз, родная,—
по такой в ночном бреду
вечно юноши страдают
на семнадцатом году.
Встанешь с правой стороны -
мне и ноги не верны.
Склонишь голову к плечу —
я от страха замолчу.
И шагаю, как в метели,
радость в сердце затая,
Александра, неужели,
Александра, — ты моя?..
Фонари горят — не вижу,
поезда гремят — не слышу,
грудь подставляю хоть ножу
и ни слова не скажу.
Я считал себя учёным,
кое-как науки знал,
подрастающих девчонок
вечерами провожал.
Первым басом песни пел,
целоваться не умел.
Не нашел я в мире слова,
от какого бродит кровь,—
Александре Соловьевой
описать свою любовь.
Не ответил, как хотел,
ей в глаза не поглядел.
Говорил про лёгкий воздух,
про медовый лунный свет,
о больших и малых звёздах,
о скитаниях планет.
Грел на сердце, не таю,
думку тайную мою —
думал, ахнет Александра,
Александрю удивлю,
думал, скажет Александра:
«Я за то тебя люблю!»
Александра Соловьева,
где ты видела такого?

Подымал я к звездам руки,
спотыкаясь о кусты,
познавала ты науки,
и в глаза глядела ты.
На четвёртый вечер вдруг
отказалась от наук...
Сел я, горький и суровый,
папиросу закурил.
Александре Соловьёвой
ничего не говорил.
Час — ни слова, два — ни слова,
только дым над головой.
Александра Соловьёва,
ты ли мучилась со мной?
Ты ли кудри завивала
чтобы я их развивал,
ты ли губы раскрывала,
чтобы я их закрывал?
Ты ли кудри расчесала,
робость подлую кляня,
ты ли губы искусала
от досады на меня?..
Над зарёй фонарь горит,
Александра говорит:
— Ах, как холодно в саду,
ноги стынут, как на льду,
за науки вам спасибо,
а домой — сама дойду!.. —
Я сидел как равнодушный
и ответил как в бреду,
что, напротив, очень душно
в этом пламенном саду...
Длинной бровью повела,
руку в руку подала,
Александра Соловьёва
повернулась и ушла.

(1935—1936)

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЕЛЯКОВ

1913—1972

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветёт.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живёт.

Её золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пыльцою веснушек
засыпал ей утром постель.

Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.

В оконном стекле отражаясь,
по миру идёт не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем же

она
хороша?

Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живёт.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встаёт.

Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида», —
в отчаянье он написал.

Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.

Преграды влюблённому нету:
смущенье и робость — враньё!
На всех перекрёстках планеты
напишет он имя её.

На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжёт,
но вскоре над тихой Землёю
созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

(1940)

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и тёмно-синих блёстках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сёстры в полутёмном зале,
мы о вас ещё не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жёны примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

(1946)

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Татьяне

Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах, —
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.

Я радуюсь вовсе не даром
усталой улыбке твоей,
когда по ночным тротуарам
идём мы из поздних гостей.

И, падая с тёмного неба,
в тишайших державных ночах
кристальные звёздочки снега
блестят у тебя на плечах.

Я ночью спокойней и строже,
и радостно мне потому,
что ты в этих блестках похожа
на русскую зиму-зиму.

Как будто по стёжке-дорожке,
идём по проспекту домой.
Тебе бы ещё бы сапожки
Да белый платок пуховой.

Я, словно родную науку,
себе осторожно твержу,
что я твою белую руку
покорно и властно держу...

Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей
с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.

(1959)

1913—1968

* * *

(1943)

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

(1955)

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет всё, как в первом году,
Как в последнем было году,—
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Нынче встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клёны...
Вот теперь-то мне и любить!

(1965)

* * *

Мы с тобой теперь не подсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно.

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыхание —
Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

(1965)

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НЕДОГОНОВ

1914—1948

* * *

Игла мороза раннего остра.
Шипят дрова на раскалённой жести.
Я вновь веду с товарищами вместе
короткие беседы у костра.

И в полушёпот — все не без грехов —
припоминаем трепетные были,
как мы к любви в доверие входили
при помощи лирических стихов.

Какие мы бываем в эти дни
смешные и наивные! Мы часто
о жёнах вспоминаем для контраста,
чтобы траншеи были нам сродни.

Любимая,
сейчас, живя войной,
я так сдружился с вражьими смертями,
что, если б поменялись мы местами,
ты поняла б, как ты любима мной.

(Финляндия. Ст. Перкъярви, 1940)

ПИСЬМО

Когда ты девочкой была,
я знал тебя по памяти.
И ты в душе моей жила —
в моей охранной грамоте.

Нет, я, поверь мне, никому
ни капли не завидовал —
тому, кто лгал тебе,
тому,
кто удочки закидывал.

Я слепо верил: ты моя...
(Мне больше ль было надобно?)
Так верят в песню соловья,
когда она предсвадебна.

В часы вечернего тепла
я шёл к тебе сумерничать,
и ты, звезда моя, могла
с мечтой моей соперничать.

В пределах счастья двух имён,
в тебя — обмолвлюсь запросто -
я без оглядки был влюблён,
как мальчик, просто-напросто.

И, полюбив твои черты,
я ни на что не сетовал.
Я так любил тебя, что ты
не замечала этого!

И вот сейчас, когда война
меня бросает в стороны,
когда знакомых имена
в когтях уносят вороны,
я часто думаю над тем,
что, не родившись заново,
нам суждено домой не всем
вернуться с поля бранного.

Не всем нам видеть жен своих,
не всем прийти с победою.
А я в кругу друзей живых
о смерти не беседую.

Я верю, вынесу войну,
сто ран приму, но выстою.
Себя верну, любовь верну
и щедрую, и чистую,—
такую щедрую, что в ней
не думал об измене я,
такую чистую, что ей
лишь только ты — сравнение!

(1941)

* * *

Представь — я солнце атомом взорву
по ходу стихотворного сюжета:
оно, гудя, осыплется в траву
бильоном древних звёзд — слезами света.

И ляжет вечным мраком на земле
погибнувшее в вымысле светило...
Но я найду тебя в кромешной мгле:
твоя любовь при жизни мне светила.

(1948)

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ШУБИН

1914—1951

Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ...

Мы первого сна не успели ещё досмотреть
И в свадебном кубке измученных губ не мочили,
Когда покачнулся наш дом, как рудничная клеть,
И молнии врезались в камень и нас разлучили.

И понял я вечность в ту ночь, когда мёртвый сосед,
Лицо запрокинувший в звёздное небо России,
Молчаньем своим указал мне твой призрачный след
От взорванных звонниц и стен новгородской Софии.

Ты вёсны любила, а я не сберёг их, прости!
Калёная вьюга нас встретила сразу за дверью,
Цветами железными выстланы наши пути.
Но я ещё крепче в живую любовь твою верю!

Как в лунные ночи черёмух настой серебрист,
Как реки степные на плёсах ленивы и плавны!
И вновь на земле золотых соловьёв пересвист,
И топот похода, и юная грусть Ярославны.

И ты ей сейчас по тревожному сердцу сестра,
Ведь нам только грезились тайные милые дали,
В купальскую ночь мы не жгли колдовского костра,
Над светлой рекой на заветных венках не гадали,

И столько на свете цветёт заповедных долин,
И столько у зорь красоты, не увиденной нами,
Что снова и снова, со смертью один на один,
Я, трижды убитый, тянусь к её горлу руками.

Я должен услышать последний клопочущий всхлип
И вольное небо увидеть далече-далече,
И в бархатных мальвах, и в белом кипении лип
Твой облик единственный, взгляд твой, летящий навстречу.

(1941)

* * *

Я за то тебе благодарен,
Что живёшь ты в моей судьбе,
За пустяк, что тобой подарен,
За тоску мою по тебе;

Что не купленной любовью,—
Самым чистым огнём мечты
У солдатского изголовья
Крепче смерти стояла ты!

(Ярославль, 22 декабря 1944 г.)

АРОН ИОСИФОВИЧ КОПШТЕЙН

1915—1940

* * *

Мы с тобой простились на перроне.
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрее во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слёз не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтешь, что пулемётчик
Отступить заставил батальон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Чёрный ветер северной реки,
Что несётся мертвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой всё чище и новей.
Будешь верить: он еще вернётся,
Постучится у моих дверей.
И как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймёшь, что врозь мы не умрём.

(1940)

*Убит 4 марта 1940 года на Суо-Ярви
Петрозаводского направления.*

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

1915—1979

* * *

Я не помню, сутки или десять
Мы не спим, теряя счёт ночам.
Вы в похожей на Мадрид Одессе
Пожелайте счастья москвичам.

Днём, по капле нацедив во фляжки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час,
Значит, вы и в эту ночь в России —
Что вам стоит — вспомнили о нас.

Может, врут приметы, кто их знает!
Но в Одессе, люди говорят:
Тех, кого в России вспоминают,
Пуля трижды бережёт подряд.

Третий раз нам всем ещё не вышел,
Мы под крышей примостились спать.
Не тревожьтесь — ниже или выше,
Здесь ведь всё равно не угадать.

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку московский мой запас;
Здесь ребята с вами незнакомы,
Но с охотой выпили за вас.

Выпили за свадьбы золотые,
Может, ещё будут чудеса...
Выпили за ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.

Помню, что они у вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин — голубые,
Принято считать издалека.

Мы вас просим, я и остальные, —
Лучше, чем напрасная слеза, —
Выпейте вы тоже за стальные
Наши, смерть выдавшие, глаза.

Может быть, они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат — стальные,
Принято считать издалека.

Мы не все вернёмся, так и знайте,
Но ребята просят — в чёрный час
Заодно со мной их вспоминайте,
Даром, что ли, пьют они за вас!

(1941)

* * *

Над чёрным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем её сюда.

Она, как ты, восходит всё позднее,
И, нарушая бег небесных тел,
Другие звёзды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прошусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе зябнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездою,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки.
Я не звезда. Я удержу тебя.

(1941)

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

(1941)

* * *

Я, перебрав весь год, не вижу
Того счастливого числа,
Когда всего верней и ближе
Со мной ты связана была.

Я помню зал для репетиций,
И свет, зажжённый как на грех,
И шёпот твой, что не годится
Так делать на виду у всех.

Твой звёздный плащ из старой драмы
И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо
Ко мне на лёгких каблуках.

Нет, не тогда. Так, может, летом.
Когда на сутки отпуск взяв,
Я был у ног твоих с рассветом,
Машину за ночь доконав.

Какой была ты сонной-сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропылённой
Как прижималась ты лицом!

Как бились жилки голубые
На шее под моей рукой!
В то утро, может быть, впервые,
Ты показалась мне женой.

И все же не тогда, я знаю,
Ты самой близкой мне была.
Теперь я вспомнил: ночь глухая,
Обледенелая скала ..

Майор, проверив по карманам,
В тыл приказал бумаг не брать;
Когда придётся, безымянным
Разведчик должен умирать.

Мы к полночи дошли и ждали,
По грудь зарытые в снегу.
Огни далекие бежали
На том, на русском берегу...

Теперь я сознаюсь в обмане:
Готовясь умереть в бою,
Я все-таки с собой в кармане
Нёс фотографию твою.

Она под северным сияньем
В ту ночь казалась голубой,
Казалось, вот сейчас мы встанем
И об руку пойдём с тобой.

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

(1941)

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА ТАТЬЯНИЧЕВА

1915—1980

* * *

Да, ты такой, каким тебя люблю:
Порывистый, настойчивый, не лгущий,
Подобно скороходу кораблю,
Навстречу шторму и ветрам идущий.
Как нелегко и как легко с тобой!
В тебе всечасно вижу перемены,
Но то не мыслей пестрый разнобой,
Не чувств игра,
Не вспыльчивость измены,
А щедрая способность воплощать
В себе черты стремительного века,
В себе самом и в людях не прощать
Того, что недостойно человека!

(1950)

* * *

Твои глаза меня зовут.
Они зовут меня на помощь.
Твои слова упрямо лгут,
Что счастлив ты
И зла не помнишь.
Ты успокоился
И рад,
Что оказался третьим лишним.
Но так глаза твои кричат,
Что голос кажется неслышным..

(1963)

ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА ТУШНОВА

1915—1965

* * *

Одна сижу на пригорке
посреди весенних трясин.
...Я люблю глаза твои горькие,
как кора молодых осин,
улыбку твою родную,
губы, высохшие на ветру...
Потому, — куда ни иду я,
и тебя с собою беру.
Всё я тебе рассказываю,
обо всём с тобой говорю,
первый ландыш тебе показываю,
пишку розовую дарю.
Для тебя на болотной ржави
ловлю отраженья звёзд...
Ты все думаешь — я чужая,
от тебя за десятки вёрст?
Ты всё думаешь — нет мне дела
до озябшей твоей души?
Потемнело, похолодело,
зашуршали в траве ежи...
Вот уже и тропы заросшей
не увидеть в ночи слепой...
Обними меня, мой хороший,
бесприютные мы с тобой.

* * *

Мне говорят:
нету такой любви.
Мне говорят:
как все,
так и ты живи!
Больно многого хочешь,
нету людей таких.
Зря ты только морочишь
и себя и других!
Говорят: зря грустишь,
зря не ешь и не спишь,
не глупи!
Всё равно ведь уступишь,
так уж лучше сейчас
уступи!
...А она есть.
Есть.
Есть.
А она — здесь,
здесь,
здесь,
в сердце моём
теплым живёт птенцом,

в жилах моих
жгучим течёт свинцом.
Это она — светом в моих глазах,
это она — солью в моих слезах,
зрение, слух мой,
грозная сила моя,
солнце моё,
горы мои, моря!
От забвенья — защита,
от лжи и неверья — броня...
Если её не будет,
не будет меня!
...А мне говорят:
Нету такой любви.
Мне говорят:
как все,
так и ты живи!
А я никому души
не дам потушить.
А я и живу, как все
когда-нибудь
будут жить!

ПАВЕЛ ДАВИДОВИЧ КОГАН

1918—1942

* * *

Девушка взяла в ладони море.
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.
А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.
Потому, наверно, ночью длинной
Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.

(1938)

ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «ПЕРВАЯ ТРЕТЬ»

* * *

Ещё о честности. Ты помнишь,
Плечом обшарпанным вперёд
Огромный дом врывал в огромный
Дождя и чувств круговорот.
И он навеки не запятнан,
Тот вечер. Дождик моросил
На Алексáндровской. На пятом
Я на руках тебя носил.
Ты мне сказала, что не любишь,
И плакала. Затем что так
Любить хотелось, что губы
Свела сухая маета.
Мы целовались. Но затем ли,
Что наша честность не могла,
Я открывал тебя, как земли,
Как полушарья Магеллан.
Я целовал твои ресницы,
Ладони, волосы, глаза,
Мне посегодня часто снится
Солоноватая слеза.
Но нет, не губы. Нам в наследство,
Как детства запахи и сны, —
Что наша честность вне последствий
И наши помыслы ясны.

(1940—1941)

*Убит 23 сентября 1942 года на сопке
Сахарная Голова под Новороссийском.*

МИХАИЛ КУЗЬМИЧ ЛУКОНИН

1918—1976

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты думаешь:
принесу с собой
усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой
целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
как горела трава,
а ты —

и ты жила в беде,
тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
как смерть меня обожгла,
а ты, — ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
а ты сама
забыла, как поют.

Потом
меня
сведёт с ума
непривычный уют.
Будешь к завтраку накрывать,
а я усядусь в углу.
Начнешь,
как прежде,
стелить кровать,
а я усну
на полу.
Потом покоя тебя лишу,
вырою щель у ворот,
ночью,
вздрагнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идёт?! —
Нет, не думай, что так приду.
В этой большой войне
мы научились ломать беду,
работать и жить вдвойне.
Не так вернёмся мы!
Если так,
то лучше не приходить.
Придём — работать,
курить табак,
в комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —
благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу.
Теперь работать хочу.

Не за утешением —
 утешать
переступлю порог.
То, что я сделал,
 к тебе спеша,
не одолжение, а долг.
Друзей увидеть,
 в гостях побывать
и трудно
 и жадно
 жить.
Работать — в кузницу,
 спать — в кровать.
Слова про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
выбор был небольшой.
Но лучше прийти
 с пустым рукавом,
чем с пустой душой.

(1943)

ДАЛЁКОЕ

Я шел,
 и я никак не узнавал
тот самый
 Земляной Садовый вал,
там, где бывал,
где ты жила,
 где мы...
Здесь всё снежком занесено слегка.
Мы шли и шли,
 в моей —
 твоя рука.
Тогда я не заметил там зимы.
Я не нашел ни дома, ни окна,
в том не твоя
 и не моя вина.
И не война.
Ушли дороги врозь.
Тогда мы дружбой называли это,
то, что вело зимой нас до рассвета,
потом уже
 любовью назвалось.
Тогда я провожал тебя,
 в ту ночь,
по лестнице поднялся,
 чтоб помочь
ключ повернуть,
вернуть портфель твой
и варежку пожать:
 «Нет, не снимай.
Не май же!»
 «Да, пока еще не май...»

И я ушёл
по скользкой мостовой.
Пойми,
я не лукавлю и не лгу,
мой давний друг,
я у тебя в долгу:
на много лет, с зимы далекой той,
влюбился в жизнь,
захвачен высотой
и счастьем то далёкое зову.
Ты разбудила всё,
чем я живу.
Была ещё любовь.
Ещё была.
А та зима —
опять чиста, бела,
Иду по ней в том памятном году,
и лёгкий тот снежок в начале дня
зовет,
волнует,
радует меня,
чего-то я ищу,
чего-то жду...

(1956)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ ИЗ ЛАГЕРЯ ЗАКСЕНХАУЗЕН

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Губы мои до сих пор горячи
От твоего поцелуя.
Вечера майского мне не забыть,
И тебя позабыть не могу я.

Прощальный и нежный твой поцелуй
Я навсегда сохраню.
Где бы я ни был — ты не тоскуй,
Потому что тебя я люблю.

НИКОЛАЙ ОТРАДА
(Николай Карпович Турочкин)
1918—1940

ПОЛИНЕ

Как замечательны,
Как говорливы дни,
Дни встреч с тобой
И вишен созревания.
Мы в эти дни,
Наверно, не одни
Сердцами стали
Донельзя сродни,
До самого почти непониманья.
Бывало, птиц увижу
На лету,
Во всю их птичью
Крылью красоту,
И ты мне птицей
Кажешься далекой.
Бывало, только
Вишни зацветут,
Листки свои протянут в высоту,
Ты станешь вишней
Белой, невысокой.
Такой храню тебя
В полёте дней.
Такой тебя
Хотелось видеть мне,
Тебя
В те дни
Большого обаянья.
Но этого, пожалуй,
Больше нет,
Хотя в душе волнение сильней,
Хоть ближе до любимой расстоянье.
Всё отошло
В начале расставанья.

(1939)

*Убит 4 марта 1940 года на Суо-Ярви
Петрозаводского направления.*

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЕДОРОВ

1918—1984

* * *

Любовь мне —
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне —
Как признание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьёт.
Любовь мне —
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь —
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть, единственный,
Умеющий любить.

* * *

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт к груди.

Весь смысл её
И мудр, и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста...
Его уста...

* * *

Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя,
Спроси её,
Ослепили
Груди белые,
До безумия красивые.

Ослепили
Белой жаждою.
Друг от друга
С необидою
Отвернулись,
Будто каждая
Красоте другой
Завидует.

Я не знаю сам,
Что делаю...
И быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую,
То целую эту, правую..

* * *

Была любовь.
Была сомнений смута.
Надежды были.
Молодость была.
Да, молодость была,
Но почему-то
Она большого счастья
Не дала.

Она ушла,
Но слёзы не прольются.
Ушла.
Иди.
И не зови, трубя.
Нет, не хочу я
В молодость вернуться,
Вернуться к дням,
Где не было тебя.

* * *

Прощай!
Нам слёз не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.

Прощай!
Не буду ждать,
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой
Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!
Так можно
Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

* * *

С душой,
Не созданной
Для драк и споров,
С неробкою,
Но доброю душой,
Я в этот мир
Печалей и раздоров,
Должно быть,
Преждевременно
Пришёл.

И потому,
Чтоб недругу
Не вторить,
Я научился
Гневаться
И спорить.

Для той любви,
И светлой
И наивной,
Был создан я
На празднике ночей,
А приходил лишь
На её руины
И склеивал
Обломки кирпичей.

И склеил я.
Не оробел.
Не сник.
Своей любви
Я здание воздвиг.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГЛАЗКОВ

1919—1979

ИЗ ЦИКЛА «ЧИСТАЯ ЛИРИКА»

*

Если в своих же стихах утоня,
Так и останусь беспутным и путающим,
Ты останешься для меня
Воспоминаньем о будущем.

Если в делах, как в любви, повезёт,
Так, что при жизни добиться сумею
До неперсмертных признаний — высот,
Родина снает любимой моею.

Ну а сейчас, в этот час или миг,
В дни треволнений непреодолимых,
Ты навсегда зачеркнула моих
Всех предыдущих, когда-то любимых.
Так им и надо.

*

Живи со мной и не печалься,
На все вопросы дам ответ.
Ты помешать не можешь счастьем,
Которого, к несчастью, нет.

*

Я веду с тобою разумную речь,
И за это меня прости,
Ибо я даже дом твой готов поджечь,
Чтоб тебя от огня спасти.

У меня вообще необычный путь,
Все такие пути святы;
Я тебя даже в воду готов толкнуть,
Чтобы вытащить из воды.

*

Чтобы жизнь не была загадкой,
Мне поверь и не противоречь.
Слово — бог, и поэтому краткой
Быть должна повседневная речь.

Всё равно, что ты мне сказала,
Всё равно это всё суета...
Всё равно, с какого вокзала
Мы простимся с тобой навсегда.

Мы во всём виноваты сами,
Всё минует, как дым папирос,
Мы расстанемся недрузьями
Ненадолго и не всерьез.

Всё равно оглушен я веками,
Как не признанный веком поэт...
Мы расстанемся не врагами,
А туземцами разных планет!

*

Так всегда. Я раз сто болею.
Выздоровливаю раз сто.
А по случаю юбилея
шандарахнем «Абрау Дюрсо».

Так всегда. Не за смерть упрямую.
За любовь мою и твою.
За такую хорошую самую.
За любимую девочку пью!

Так всегда. Как прошли звероящеры,
Мы пройдем, и другие придут.
За такие стихи настоящие,
Что, как кости зверей, не умрут!..

А расскажут про то, как любили мы
И какая была суета...
И смешаются с прочими былями.
Так всегда!

(1945—1948)

МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ

1919—1943

ГУБЫ В ГУБЫ¹

*Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся.*

Пушкин

Мы поднимаем
 винтовочный голос,
чтоб так
 разрасталась
 наша
 отчизна —
как зерно,
в котором прячется поросль,
как зерно,
из которого начался
 колос
высокого коммунизма.
И пусть тогда
на язык людей —
всепонятный,
как слава —
всепонятный снова —
попадет
 мое,
 русское до костей,
мое,
советское до корней,
мое украинское тихое слово.
И пусть войдут
и в семью и в плакат
слова,
 как зшиток²
(коль сшита кипа),
как травень³ в травах,
як липень⁴
в липах
тай ще як блакитные⁵ облака!
О, как
я девушек русских прохаю⁶
говорить любимым
губы в губы
задыхающееся «кохаю»⁷
и понятнейшее слово —
«любий».
И, звёзды
 прохладным
монистом надевши,
скажет мне девушка:
боязно
всё.

Моя нескáзанная
 родина-девушка
эти слова произнесёт.
Для меня стихи —
 вокругшарный ветер,
никогда не зажатый
между страниц.
Кто сможет его
от страниц отстранить?
Может.
не будь стихов на свете,
я бы родился,
чтоб их сочинить.

(1941)

¹ Из поэмы о России «Самое такое».

² Тетрадь (укр.).

³ Май (укр.).

⁴ Июнь (укр.).

⁵ Голубые (укр.).

⁶ Прошу (укр.).

⁷ Люблю (укр.).

Погиб под Сталинградом в январе 1943 года.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАЙОРОВ

1919—1942

ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И всё ж любить её — такую!
Забыть про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
Забыть последние потери,
Вокзальный свет,
Её «прости»
И кое-как до старой двери,
Почти не помня, добрести,
Войти, как новых драм зачатые.
Нащупать стены, холод плит...
Швырнуть пальто на выключатель,
Забыв, где вешалка висит.
И свет включить. И сдвинуть полог
Крамольной тьмы. Потом опять
Достать конверты с дальних полок,
По строчкам письма разбирать.
Искать слова, сверяя числа.
Не помнить снов. Хотя б крича.
Любой ценой дойти до смысла.
Понять и сызнова начать.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут.
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, недосчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал, —
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать её.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество моё!

(1939)

* * *

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.

Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

(1940)

Убит в бою на Смоленщине 8 февраля 1942 года.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ НАРОВЧАТОВ

1919—1981

ТВОЁ ИМЯ

Опять миномет подсыпает жару,
Поле в чёрную муть замело,
В рост, как по Сретенскому бульвару,
Иду, озуя, всем бедам назло.

Но если бы вышло, что в смертных увечьях
Я жёлтой башкою скатился б в жнивье,
Последним из слов и имен человеческих
Я б назвал далекое имя твоё.

Имя твоё! И в сон и в явь,
С именем этим хоть в море вплавь,
Хоть один в поединок против полка,
И жизнь легка и смерть легка!

И где бы я ни был — на всех раздорожьях,
Куда бы мой жребий меня ни бросал, —
Имя твоё, словно имя божье,
Как солдат в старину, я от бед призывал.

(1943)

ПИСЬМО ИЗ МАРИЕНБУРГА

Тугая разметалась коса,
А на щеках сгорают снега хлопья.
Бежит стремглав курносая краса,
Лишь каблуки выстукивают дробью.

Буран метёт, слепит глаза буран,
Но ей бежать впотьмах до самой Волги,
Где ждёт её безусый капитан
В надвинутой на брови треуголке.

Он ей навстречу плащ свой распахнёт
И, в первый раз обнявши недотрогу,
Лишь вымолвит: «Не час я ждал, а год,
Но Вы пришли, благодаренье богу.

Как удалось отца Вам обмануть?
Как счастлив я! Но надо ждать погони...»
Ямщик готов. И вот уж в дальний путь
Упряжку мчат заждавшиеся кони.

А девушка сидит едва жива,
И лишь порой на срывах и откосах
Мелькает озорная татарва
В её глазах, по-волжскому раскосых...

А сани к церкви... В двери кулаком!
И, на ноги поднявши спозаранку
Весь причт, перед испуганным попом
Встать под венец с прекрасною беглянкой.

На полуслове оборву рассказ,
Махнём рукой романтике старинной...
С чего я вдруг узнал себя и Вас
В любовниках времён Екатерины?

С чего б я это? Но, мой милый друг,
Неужто Вы заметить не сумели,
Что мне осточертел Мариенбург,
Где я торчу четвертую неделю?

Здесь всюду притаилась старина,
Угрюмая, давящая, чужая,
Она томит, грозит бедой она,
Враждебным строем душу окружая.

И вот я вызвал полночь и мороз,
Вам на ноги накинул волчью бурку
И запросто Вас под венец увёз,
Назло и вперекор Мариенбургу.

(Февраль 1945, Мариенбург)

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, я уже не в силах Вас корить,
Я знаю, Вы рассудку неподсудны,
Но как мне быть, раз не порвалась нить,
Раз до сих пор влюблён я непробудно?

Я наконец сумел себя унять,
Поняв, что мне судьба Вас не уступит
И что нельзя возлюбленной пенять
За то лишь, что она тебя не любит.

Так с давних лет ведётся на Руси,
И помню я печаль седых сказаний,
В которых «за шеломенем еси»
Наш край родной, наш свете несказанный,

Вы для меня неугасимый свет,
Тот край родной, что только небу равен,
Тот самоцвет, который сотни лет
Сверкал в глазах у наших Ярославен.

Я не могу ни в чем Вас осудить,
И Вы давным-давно мне не подсудны,
Но как мне быть, раз не порвалась нить,
Раз до сих пор влюблен в Вас непробудно?

(1946)

БОРИС АБРАМОВИЧ СЛУЦКИЙ

1919—1986

* * *

О. Ф. Берггольц

Все слабели, бабы — не слабели —
В глад и мор, войну и суховей, —
Молча колыхали колыбели,
Сберегая наших сыновей.

Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов —

С женотделов и до ранней старости
Через все страдания земли
На плечах, согбленных от усталости,
Красные косынки пронесли.

ТАНЕ

Ты каждую из этих фраз
перепечатала по многу раз,
перепечатала и перепела
на лёгком портативном языке
машинки, а теперь мы вдалеке.
Всё дальше ты уходишь постепенно.

Перепечатала, переплела
то с одобреньем, то с пренебреженьем.
Перечеркнула их одним движеньем,
одним движеньем со стола смела.

Всё то, что было твёрдого во мне,
стального, — от тебя и от машинки.
Ты исправляла все мои ошибки,
а ныне ты в далёкой стороне,
где я тебя не попрошу с утра
ночное сочиненье напечатать.
Ушла. А мне ещё вставать и падать,
и вновь вставать.
Ещё мне не пора.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ

1919—1959

* * *

Не грусти... и, пожалуйста, вытри глаза,
А не то скоро сам я заплачу.
Может быть, я уже не вернусь назад,
А ты думай — поехал на дачу.

А ты думай, что хочешь, — но только поверь,
Как сейчас в это сам я поверил.
Если встретится смерть, — то я встречу смерть,
Но скажу, — вы ошиблись дверью.

А как кончится срок — я явлюсь на порог,
Постучу в голубое окно.
Ты мне с яблоками испечешь пирог,
И мы выпьем за жизнь вино.

Загорится луны голубая свеча,
И до звёзд свою песню заброшу я.
Будет летняя ночь нас с тобою венчать,
Дорогая моя... Хорошая.

Дни как птицы, как быстрые птицы летят,
Ты лови их, они улетают..
Ну прощай, а то в доме давно уже спят,
До свиданья, родная... Светает...

1939

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зелёный над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жён, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

(1942)

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ КУЛЕМИН

1921—1962

* * *

Аиде

Опять знакомая опушка.
И вечер тих, и даль светла.
В свои степные колотушки
Во ржи стучат перепела.

Мне ветер веткой липы машет
И что-то хочет рассказать.
И свеж, как прежде, снег ромашек,
И мир глядит во все глаза.

И вдруг припомнилось былое:
Сюда, подальше от села,
Украдкой мы ушли с тобою,
А мать звала тебя, звала...

К ней плыли тучки ветровые,
Ей откликался лес ночной,
Но ты в тот дальний час впервые
Не подала ей голос свой.

(1955)

* * *

А впрочем, что такое красота
Иль женское мирское обаяние?..
Знакомых глаз лампадное сияние,
Их блеск сухой иль скупость неспроста?

Я никогда тебе не говорил,
Что ты бываешь вовсе не красивой, —
Не в тот момент, смятенный и трусливый,
Который нам, мужчинам, чаще мил...

Я не скажу, когда ты некрасива.
Пусть будет то открытием моим.
Ведь всё равно тот миг неумолим,
То естество твоё, порок и сила.

А я тебя другую угадал —
В смятенье мира, в тлен и безобразность,
Где ты бывала, что ни миг — то разной...
И больше я раздумывать не стал.

Пришла ты, неизбежная, как ночь.
Ты не сердись за странности сравнений.
Я ночь люблю за нереальность теней,
В ней тишина, как занесенный нож.

О жалкое раздумие в любви!
Раздумье над едой, когда ты голоден.
Раздумие над шубой в зимнем холоде,
Когда слышны иголки в крови...

(1962)

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ

1921—1977

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все берёзы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первый губ, как ожог, не стереть,
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

(1956)

* * *

Две крутых соболинки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Тёмным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатых полёт.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встаёт и не сводит
Глаз при встрече народ, —
Словно юность проходит,
Словно счастье идёт.

(1961)

* * *

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходям
Травы, кувшинок, тростника.

Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —

Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идёт навстречу
Кому-то ветер и огонь.

Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.

Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать её не пробуй,
Остановить её не смей.

Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и её, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

(1966)

ВСЕВОЛОД ЭДУАРДОВИЧ БАГРИЦКИЙ

1922—1942

* * *

Уходило солнце. От простора
У меня кружилась голова.
Это ты та девушка, которой
Я дарил любимые слова.
Облака летели — не достанешь,
Вот они на север отошли...
А кругом, куда пойдешь иль взглянешь,
Только степь да синий дым вдали.
Средь прохлады воздуха степного
Лёгких ощутима глубина.
Ветер налетел... И снова, снова
Ясная вставала тишина,—
Это ночь. И к нам воспоминанья
Тёмные раздвинули пути...
Есть плохое слово «расставанье»—
От него не скрыться, не уйти.

(1939)

* * *

Ты помнишь дачу
И качели
Меж двух высоких тополей,
Как мы взлетали и немели
И, удержавшись еле-еле,
Смеялись,
А потом сидели
В уютной комнате твоей?
Был час, когда река с луною
Заводит стройный разговор,
Когда раздумывать не стоит
И виснут вишни на забор.
На дачку едешь наудачку —
Друзья смеялись надо мной:
Я был влюблён в одну чудачку
И бредил дачей и луной.
Там пахло бабушкой и мамой,
Жила приличная семья,
И я твердил друзьям упрямо,
Что в этом вижу счастье я,
Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну.
Здесь, ни о чем не беспокоясь,
Любили кушать и читать;
И я опаздывал на поезд
И оставался ночевать.

Я был влюблён в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалёку
И в девушку, само собой.

(1941)

*Погиб 26 февраля 1942 года в деревне
Дубовик Ленинградской области.*

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ ГУДЗЕНКО

1922—1953

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Написано много о ревности,
о верности, о неверности.
О том, что встречаются двое,
а третий тоскует в походе.

Мы ночью ворвались в Одоев,
пути расчищая пехоте.
И, спирт разбавляя водою,
на пламя глядели устало.
(Нам всё это так знакомо!..)
Но вот
на пороге

встала
хозяйка нашего дома.
Конечно,
товарищ мой срочно
был вызван в штаб к военкому.
Конечно,
как будто нарочно
одни мы остались дома.

Тяжёлая доля солдаток.
Тоскою сведённое тело.
О, как мне в тот миг захотелось
не вшивым,
не бородатым,—
быть чистым,
с душистою кожей.
Быть нежным хотелось мне.
Боже!..

В ту ночь мы не ведали горя.
Шаблон:

мы одни были в мире...
Но вдруг услышал я:
Григорий...

И тихо ответил:
Мария...

Мария!
В далёком Ишиме
ты письма читаешь губами.
Любовь—
как Сибирь — нерушима.
Но входит, скрипя костылями,
солдат никому не знакомый,
как я здесь,
тоской опалённый.

Его
оставляешь ты дома.

И вдруг называешь:
Семёном.

Мария!

Моё это имя.

И большего знать мне не надо.

Ты письмами дышишь моими.

Я знаю.

Я верю.

Ты рядом.

(1942)

* * *

Как без вести пропавших ждут,
меня ждала жена.

То есть надежда,

то слеза

без спросу упадёт.

Давно уж кончилась война,

и не моя вина,

что я в разлуке целый год,

что столько горестных забот.

.....

Жестка больничная кровать,

жестка и холодна.

А от неё рукой подать

до светлого окна,

там за полночь не спит жена,

там стук машинки, скрип пера.

Кончай работу, спать пора,

мой друг, моя помощница,

родная полуночница.

Из-за стола неслышно встала,

сняла халат, легла в постель.

Я от неё за три квартала,

а не за тридевять земель,

я, как в окопе замётённом,

своей тревоги начеку,

привыкший к неутешным стонам,

к мерцающему ночнику.

Лежу, прислушиваясь к вьюге,

глаза усталые смежив,

тяжёлые раскинув руки,

ещё не веря в то, что жив.

Но мне домой уйти нельзя,

трудна, длинна моя дорога,

меня бы увезли друзья,

их у меня на свете много,

но не под силу всем друзьям

меня отсюда взять до срока.

Жду. Выкарабкиваюсь сам.

От счастья, как от звезд, далеко.

Но приближается оно,
когда ко мне жена приходит,
в больничный садик дочь приводит,
стучит в больничное окно.
Её несчастье не сломило,
суровой сделало чуть-чуть!
Какая в ней таилась сила!
Мне легче с ней и этот путь.
Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех,—
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.
Но ты меня такою верой
в печальный одарила час,
что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.
Ты облегчила мои муки,
всё вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки,
испепеляющей дотла.
Благословляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее — в жизни горевой.
И всё, что прожито с тобою,
всё, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовою
доской, родная, задушить.

(Март — апрель 1952)

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА СНЕГОВА

1922—1978

ЛЮБОВЬ

У нас говорят, что, мол, любит, и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет...
А, помню, старуха соседка короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.

И часто, платок затянувши потуже
И вечером в кухне усевшись погреться,
Она вспоминала сапожника-мужа,
Как век он не мог на неё насмотреться.

— Поедет он смолоду, помнится, в город,
Глядишь — уж летит, да с каким полушалком!
А спросишь, чего, мол, управился скоро?
Не скажет... Но знаю: меня ему жалко...

Зимой мой хозяин тачает, бывало,
А я уже лягу, я спать мастерица.
Он встанет, поправит на мне одеяло,
Да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своем тесном,
Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек...
Дай бог ему отдыха в царстве небесном! —
И тихо вздыхала: — Жалел меня очень.

В ту пору всё это смешным мне казалось,
Казалось, любовь чем сильнее, тем злее,
Трагедии, бури... Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?

Недавно, больная бессонницей зябкой,
Я встретила взгляд твой — тревога в нем стыла.
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка,—
Как верно она про любовь говорила!

(1953)

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ ПРАСОЛОВ

1930—1972

Когда бы всё, чего хочу я,
И мне давалось, как другим,
Тревогу тёмную, ночную
Не звал бы именем твоим.

И самолёт, раздвинув звёзды,
Прошёл бы где-то в стороне,
И холодком огромный воздух
Не отзывался бы во мне.

От напряженья глаз не щуря,
Не знал бы я, что пронеслось
Мгновенье встречи — чёрной бурей
Покорных под рукой волос.

Глаза томительно-сухие
Мне б не открыли в той судьбе,
Какие жгучие стихии
Таишь ты сдержанно в себе.

Все незнакомо, как вначале:
Открой, взглядишь и разреши!..
За неизведанностью дали —
Вся неизведанность души.

И подчиняться не умею
Тому, что отрезвляет нас,
И слепну в медленном огне я,
И прозреваю каждый час.

(1963)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

1936—1971

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придёт и уснёт без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеётся во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобющем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Всё мне слышится словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

(1965)

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

1938—1980

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь.
И растворилась в воздухе до срока,
а срока было — сорок сороков.

И чудаки — ещё такие есть —
вдыхают полной грудью эту смесь,
и ни наград не ждут, ни наказанья,
и, думая, что дышат просто так, —
они внезапно попадают в такт
такого же неровного дыхания.

Только чувству, словно кораблю,
долго оставаться на плаву,
прежде чем узнать, что «я люблю»
то же, что «дышу» или «живу»!

И вдоволь будет странствий и скитаний:
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих — для испытаний —
все строже станет спрашивать она:
потребует разлук и расстояний,
лишит покоя, отдыха и сна...

Но вспять безумцев не поворотить,
они уже согласны заплатить
любой ценой — и жизнью бы рискнули, —
чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
волшебную невидимую нить,
которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
с ног сбивал, из мертвых воскрешал,
потому что, если не любил —
значит, и не жил, и не дышал!

Но многих, захлебнувшихся любовью,
не докричишься — сколько ни зови...
Им счёт ведут молва и пустословье,
но этот счёт замешен на крови...
А мы поставим свечи в изголовье
погибших от невиданной любви...

Их голосам — всегда сливаться в такт,
и душам их дано бродить в цветах,
и вечностью дышать в одно дыхание,
и встретиться — со вздохом на устах -
на хрупких переправах и мостах,
на узких перекрёстках мироздания.

Я поля влюблённым постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!